80 02/3

15658

80 02
3

ИСТОРІЯ

ВОЕННАГО ИСКУССТВА

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПОХОДОВЪ.

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

ИСТОРІЯ

ВОЕННАГО ИСКУССТВА

И

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПОХОДОВЪ

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Соч. М. П. Богдановича.

Императорской Военной Академіи Профессора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Крайя.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 15 Декабря 1853 года.

Цензоръ **Н. Ахматовъ.**

В. Ж. кн. III и VI, 1853.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Состояніе Военнаго Искусства въ Восточной Римской Имперіи . . . . . 1.

Состояніе Военнаго Искусства у древнихъ народовъ Германскихъ . . . . . 6.

Походы Велисарія . . . . . 9.

Походы Нарзеса . . . . . 16.

Походы Ираклія . . . . . 20.

Состояніе Военнаго Искусства у Аравитянъ и Турокъ. 24.

Состояніе Военнаго Искусства въ Западной Европѣ, при началѣ Крестовыхъ походовъ . . . . . 31.

Карлъ Мартеллъ . . . . . 34.

Вильгельмъ Завоеватель . . . . . 35.

Крестовые походы . . . . . 39.

Военныя учрежденія у Французовъ и Англичанъ. Столѣтняя война . . . . . 60.

Постоянныя войска Карла VII . . . . . 77.

Военныя учрежденія Лудовика XI . . . . . 79.

Швейцарская пѣхота . . . . . —

Войны Швейцарцевъ противъ Австрійцевъ . . . . . 80.

Первыя огнестрѣльныя орудія . . . . . 85.

Образъ дѣйствій Гусситовъ . . . . . 88.

Войны Карла Смѣлаго . . . . . 89.

Состояніе Военнаго Искусства въ Западной Европѣ, въ концѣ XV столѣтія . . . . . 97.

Маккіавелли . . . . . 105.

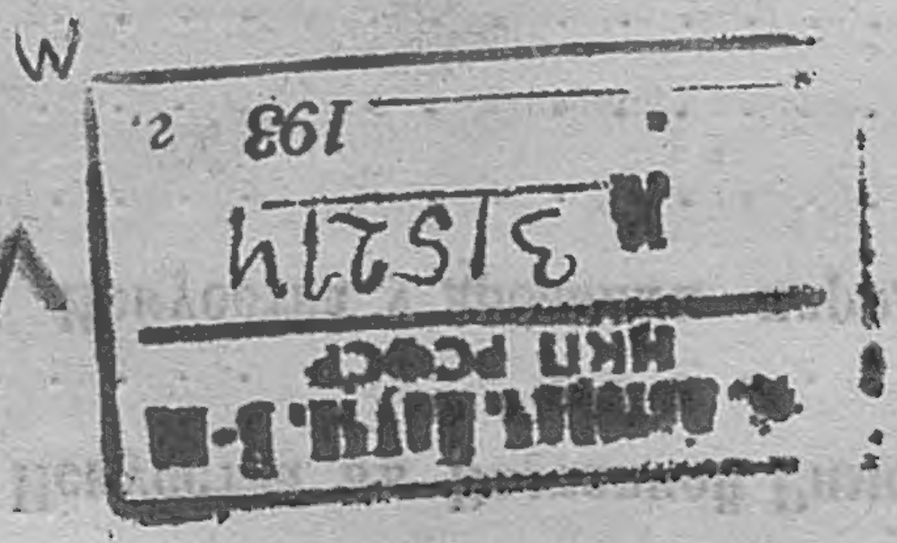
Преобразованія Франциска I, Максимиліана I и Карла V 109.

Колиньи . . . . . 112.

Генрихъ IV . . . . . 116.

Состояніе Военнаго Искусства въ Западной Европѣ предъ Тридцати-лѣтнею войною . . . . . 119.

Преобразованія Густава-Адольфа . . . . . 122.



СОЧИНЕНІЯ

служившія источниками для Средней Военной Исторіи Западной Европы:

Вегеціи. О военномъ искусствѣ Римлянъ.
Каузлеръ. Опытъ Всеобщей военной исторіи.
Брандтъ. Исторія Военнаго Искусства.
Мишо́. Исторія Крестовыхъ походовъ.
Барантъ. Исторія Герцоговъ Бургундскихъ.
Макіавелли. О военномъ искусствѣ.
Гфререрь. Густавъ-Адольфъ и его время.
Лоссау. Образцы искусства веденія войны.
Каузлеръ. Атласъ замѣчательнѣйшихъ сраженій.

ИСТОРІЯ ВОЕННАГО ИСКУССТВА И ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПОХОДОВЪ.

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ПЕРІОДЪ УПАДКА И ПОСТЕПЕННАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ ВОЕННАГО ИСКУССТВА, ОТЪ ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРІИ ДО ГУСТАВА-АДОЛЬФА (476 — 1630 г. по Р. Х.)

I. Состояніе военнаго искусства въ Западной Европѣ, отъ паденія Западной Имперіи до повсемѣстнаго введенія огнестрѣльнаго оружія (отъ 476 г. до половины XV столѣтія).

Постепенный упадокъ Западной Имперіи, имѣвшій послѣдствіемъ утвержденіе варварскихъ племенъ въ странахъ прежде занятыхъ народами образованными, повлекъ за собою уничтоженіе военнаго искусства. Необходимы были многіе вѣка, чтобы возсоздать его въ обновленномъ видѣ. Да и не могло быть иначе: грубыя, воинственныя племена, завоевавшія Западъ Европы, не только не знали цѣны просвѣщенію, но

смѣшивали его въ понятіяхъ своихъ съ изнѣженностью и развращеніемъ нравовъ послѣднихъ Римлянъ.

Восточная Имперія существовала послѣ паденія Западной почти тысячу лѣтъ, представляя печальное, но поучительное зрѣлище: не смотря на то, что всѣ части управленія Имперіи были сосредоточены и составляли стройное цѣлое, не смотря на геніяльныя дѣйствія нѣкоторыхъ Греческихъ полководцевъ, — не смотря на техническія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ и на превосходство тактики, Византійскіе Греки были побѣждаемы почти при всякой встрѣчѣ необразованными своими сосѣдями. Причинами тому были изнѣженность нравовъ и раздѣленіе Грековъ на множество религіозныхъ партій враждебныхъ между собою. Восточная Имперія существовала долго только потому, что некому было разрушить ее, и много обязана была своею продолжительностью естественной преградѣ — Дунаю, которая, полагая непреодолимыя препятствія полчищамъ нахлынувшимъ изъ Азіи, заставляла ихъ обратиться на западъ Европы.

Нельзя не сознаться однако же въ томъ, что измѣненія сдѣланныя Византійцами въ устройствѣ и образѣ дѣйствій легіоновъ были совершенно сообразны съ обстоятельствами, въ которыхъ находилась Восточная Имперія, и что не измѣненія мертвыхъ тактическихъ формъ, а упадокъ духа и ослабленіе дисциплины въ войскахъ были истинными причинами послѣдующихъ неудачъ Греческаго оружія. Справедливость этой мысли всего убѣдительнѣе доказывается тѣмъ, что полководцы, умѣвшіе оживить въ сердцахъ своихъ воиновъ воспоминанія доблестей ихъ предковъ, постоянно одерживали блестящіе успѣхи.

Большая часть измѣненій Греческой тактики была необходимымъ слѣдствіемъ образа дѣйствій ихъ противниковъ. Персы и Турки избѣгали ручной схватки и дѣйствовали преимущественно издали — метательнымъ оружіемъ, и потому воины, вооруженные мечами и копьями, подвергались пораженію, не имѣя возможности наносить вредъ врагамъ, уклонявшимся отъ ударовъ ихъ. И прежде — Римскіе легіоны неоднократно были уничтожаемы Парѳянами. Слѣдовательно — Греки поступали весьма основательно, уменьшивъ глубину строя войскъ, снабдивъ своихъ воиновъ метательнымъ оружіемъ и придавъ легіонамъ машины, посредствомъ которыхъ можно было поражать непріятеля издали.

Еще во времена Вегеція, (въ концѣ IV столѣтія), легіонъ состоялъ изъ десяти когортъ; въ каждой изъ когортъ было 500 человѣкъ, за исключеніемъ первой (milliaria) состоявшей изъ 1000 отборныхъ воиновъ; при каждой когортѣ было по 66-ти всадниковъ; а при первой — двойное число: эта кавалерія, въ числѣ 726 коней, строилась на флангахъ легіона. При легіонѣ находились метательныя машины (балисты и онагры), изъ коихъ каждая требовала отъ 11-ти до 15-ти человѣкъ прислуги. Кромѣ того — при легіонѣ была особая команда съ небольшими лодками, въ родѣ понтоновъ и рабочіе необходимые при осадахъ укрѣпленныхъ городовъ. Такимъ образомъ — легіонъ, въ эту эпоху, составлялъ небольшую армію снабженную всѣмъ нужнымъ для отдѣльныхъ дѣйствій.

Каждая изъ когортъ заключала въ себѣ два рода пѣхоты: легіонной и легкой. Первая, покрытая латами и имѣвшая щиты, вооружена была мечами и копь-

ями и строилась въ шесть шеренгъ; вторая, вооруженная дротиками и луками и построенная въ двѣ шеренги, составляла вторую линію, либо дѣйствовала вразсыпную впереди легіона; сзади этихъ войскъ стояли машины бросавшія стрѣлы и камни навѣсно черезъ войска; наконецъ — въ послѣдней линіи находились небольшіе резервы, состоявшіе изъ отдѣльныхъ пѣшихъ и конныхъ отрядовъ отборнаго войска замѣнявшаго прежнихъ тріаріевъ. Эти отряды, а равнымъ образомъ и конница стоявшая по флангамъ легіона, были покрыты латами. Резервы вооружены были одинаково съ легіонною пѣхотою, а небольшая часть конницы (легкая) мечами и луками.

Когорты строились одна возлѣ другой съ небольшими промежутками. Фронтъ легіона занималъ протяженіе около версты.

По свидѣтельству Прокопія, Греческаго историка, современнаго Велисарію, употребленіе легкой пѣхоты доставило легіонамъ большія выгоды: пѣшіе и конные стрѣлки отличались ловкостью и стрѣляли съ такою силою, что никакой щитъ, никакія латы не могли служить врагу надежною защитою.

Кромѣ легіоновъ и отдѣльныхъ вспомогательныхъ когортъ, число и сила которыхъ измѣнялись безпрестанно, существовали еще такъ называемые scholarii (дворцовыя войска), составлявшія корпусъ императорскихъ тѣлохранителей, въ составѣ девяти когортъ (scholae) всего около 4-хъ тысячъ пѣшаго и коннаго войска. Часть легіоновъ была поселена по восточнымъ предѣламъ имперіи въ Месопотаміи, Сиріи, Аравіи, Египтѣ и другихъ областяхъ, которыя, для надежнѣйшаго обезпеченія отъ непріятельскихъ вторженій, ограж-

дены были рядомъ крѣпостей, всего до 300-тъ. Истощеніе народонаселенія, бывшее слѣдствіемъ дурнаго управленія, вмѣстѣ съ изнѣженностью нравовъ и съ отвращеніемъ отъ воинской службы Византійскихъ Грековъ, побудили императоровъ комплектовать легіоны чужеземцами, (foederati), замѣнившими прежнихъ союзниковъ Римскаго народа (socii populi romani): Константинъ Великій имѣлъ въ своихъ войскахъ 46-ть тысячъ Готѳовъ; а у императора Ѳеодосія ихъ было еще болѣе. Но эти пришлецы, сознавъ свою силу и слабость Грековъ, вскорѣ сдѣлались притѣснителями государства, грабили страну, и даже возставали противъ правительства. Между тѣмъ — собственныя Греческія войска были до того ненадежны, что, для предупрежденія побѣговъ, каждый изъ воиновъ былъ заклейменъ на правой рукѣ. Воины, принося присягу, клялись *не обращаться въ бѣгство*. Но эта присяга иногда оказывалась недостаточною для удержанія въ рядахъ малодушныхъ Грековъ; полководцы принуждены были прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ (преградамъ въ родѣ рогатокъ, и проч:) для удержанія варваровъ, и ограничивались отраженіемъ врага, не смѣя и думать о побѣдѣ.

Какъ отрадные лучи, проясняющіе мрачное зрѣлище униженія потомства древнихъ героевъ Спарты и Рима, являются намъ подвиги Велисарія, Нарзеса и императора Ираклія. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію ихъ дѣйствій, бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ народы, которые, водворившись на развалинахъ древняго историческаго міра, основали новыя государства, новую военную силу и пріуготовили возрожденіе военнаго искусства.

Въ то время, когда — на Востокѣ, въ Греціи, и на Западѣ, въ Римѣ — процвѣтали науки и художества, а вмѣстѣ съ ними и военное искусство находилось на высокой, по своему времени, степени совершенства, въ то самое время — на Сѣверѣ Европы обитали народы грубые, необразованные, но сохранившіе въ простотѣ первобытныхъ уставовъ и обычаевъ, чистоту нравовъ и силу тѣлесную. Тамъ обитали Германцы, уже имѣвшіе — и религіозныя понятія, и твердыя законоположенія, занимавшіеся земледѣліемъ, но не любившіе селиться большими общинами въ городахъ и селеніяхъ, а предпочитавшіе жить отдѣльными дворами, въ совершенной независимости. Владѣльцы этихъ дворовъ, движимые личною выгодою, образовали общины, или *марки* (mark), имѣвшія цѣлью, — съ одной стороны, отраженіе внѣшнихъ набѣговъ, а съ другой — третейскій судъ несогласій возникавшихъ между владѣтелями смѣжныхъ участковъ. Подобнымъ же образомъ, обитатели нѣсколькихъ маркій (кромѣ рабовъ, или военно-плѣнныхъ) сходились на большія народныя собранія и рѣшали всѣмъ міромъ вопросы, клонившіеся къ огражденію безопасности цѣлой страны, либо къ сужденію значительныхъ преступленій. Всѣ свободно-рожденные обитатели имѣли голосъ въ собраніи, но мужи, отличавшіеся умомъ, отвагою, богатствомъ и заслугами, возвышались надъ прочими, и не только они, но и роды ихъ пріобрѣтали вліяніе и уваженіе: таково было происхожденіе королей и герцоговъ, обыкновенно бывшихъ на войнѣ вождями народныхъ германскихъ ополченій.

Не долго войно-любивые Германцы ограничивались отраженіемъ непріятельскихъ вторженій; оборонитель-

ныя войны подавали мало пищи ихъ дѣятельности, и потому они стали составлять дружины, или союзы (Gefolge, Geleite), которыя избравъ общаго начальника, либо вступивъ подъ начальство вождя, извѣстнаго родомъ или храбростью, не рѣдко предпринимали обширныя экспедиціи.

Столкновеніе Германцевъ съ Римлянами было столь же выгодно для первыхъ, сколько пагубно для послѣднихъ. Германскіе народы, не смотря на простоту своихъ нравовъ, умѣли впослѣдствіи оцѣнить пользу образованности и стремились пожать плоды ея у просвѣщенныхъ, но изнѣженныхъ и малодушныхъ сосѣдей своихъ, которые, чувствуя сами свое безсиліе, привлекали къ себѣ, цѣною золота, мужественныя Германскія дружины и ввѣряли имъ защиту областей своихъ. Эти наемныя ополченія вскорѣ содѣлались завоевателями. Могущество Германскихъ вождей весьма возвысилось въ покоренныхъ ими странахъ, гдѣ на долю ихъ досталась значительная часть земли и доходовъ, и сдѣлались неограниченными повелителями коренныхъ обитателей; но нѣкоторыя изъ прежнихъ отношеній ихъ къ своимъ сподвижникамъ остались неизмѣнными: по прежнему — созывались народныя собранія, на которыхъ рѣшались важнѣйшіе вопросы, и потому короли и другіе владѣтели, желая пріобрѣсть вооруженную силу, болѣе отъ нихъ зависящую, стали жаловать свои земли, подъ условіемъ исправленія военной службы, въ теченіе опредѣленнаго времени, по призыву владѣтеля. Такія жалованныя имѣнія назывались ленами (Lehen), для отличія отъ аллодовъ (Aller Loos), земель собственныхъ, доставшихся по раздѣлу, а получившіе ленъ — антрустіонами (отъ Treue), или вѣрны-

ми, и вассалами. Какъ вассалы были приближены къ государю, то и пользовались въ народѣ большимъ уваженіемъ, нежели аллодіяльные владѣльцы, неимѣвшіе леновъ, и потому всякій домогался чести и выгоды быть вассаломъ сильнаго владѣтеля. Рѣшенія народныхъ собраній замѣнились повелѣніями королей, которые, такимъ образомъ, сдѣлались распорядителями вооруженной силы собственно имъ принадлежавшей.

Впослѣдствіи—мало по малу, лены сдѣлались наслѣдственными помѣстьями, но обязанности ихъ владѣльцевъ въ отношеніи къ правительству — являться по призыву на службу — остались тѣ же самыя, какъ и прежде. У всякаго изъ главныхъ вассаловъ были тоже свои вассалы, обязанные ему повиновеніемъ и являвшіеся на службу по его востребованію. Само собою разумѣется, что подобныя учрежденія вели къ большимъ безпорядкамъ, потому что вассалы герцоговъ и графовъ повиновались не правительству, а главнымъ вассаламъ, которые весьма часто употребляли во зло свою силу. Срокъ службы вассаловъ былъ весьма различенъ: иногда они обязывались нести воинскую повинность въ продолженіи всей кампаніи, а въ иныхъ случаяхъ — выступали въ походъ на нѣсколько недѣль, и даже — дней. Обширныя предпріятія сдѣлались невозможными, либо совершались въ слѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ, придававшихъ временно болѣе прочную связь разнороднымъ началамъ феодальной арміи.

Чтобы получить понятіе о военномъ искусствѣ древнихъ Германцевъ, достаточно разсмотрѣть состояніе его у Франковъ.

Войска этого народа состояли почти исключительно

изъ пѣхоты, хотя, еще во времена Цезаря, Германцы имѣли превосходную кавалерію. Эта пѣхота, сперва вовсе не прикрытая латами отъ непріятельскихъ ударовъ, впослѣствіи имѣла кожаные и металлическіе шлемы и панцыри. Оружіемъ Франковъ былъ длинный тяжелый мечъ и франциска: послѣдняя состояла изъ насаженной на длинномъ древкѣ сѣкиры, или алебарды, у коей, со стороны противоположной лезвею, былъ крюкъ служившій для стаскиванія щита съ противника; иногда же Франки имѣли ангоны, т. е. копья съ зазубринами. Франки, подобно всѣмъ Германскимъ народамъ, сначала вовсе не употребляли метательнаго оружія, но впослѣдствіи—большіе луки. — Они сражались въ глубокомъ строю, въ видѣ клина, обращеннаго узкою стороною къ непріятелю. — Насчетъ продовольствованія войскъ, не было никакой заботы военачальнику: каждый воинъ добывалъ себѣ съѣстные припасы самъ, какъ могъ, и потому совершенное опустошеніе страны было обычнымъ слѣдствіемъ вторженія Германскихъ ополченій.

Обратимся къ походамъ Велисарія.

Въ то время, когда вся Западная Европа и Сѣверная Африка находились во власти варваровъ, Восточная имперія—казалось — получила новую жизнь подъ управленіемъ Юстиніана (восшедшаго на престолъ въ 527 г.) Этотъ дѣятельный государь, прежде всего, обратилъ вниманіе на приведеніе въ систему законовъ, которые, произойдя изъ Латынскаго начала, были отчасти несовмѣстны со нравами и обычаями самостоятельной Греческой монархіи. Результатомъ коммиссіи подъ пред-

сѣдательствомъ ученаго Трибоніана, составленной для пересмотра законовъ, были обнародованныя въ 533 г. узаконенія (Институціи и Пандекты), которыя сдѣлались сводомъ всѣхъ существовавшихъ до того времени постановленій. Развитіе внутреннихъ силъ государства, подъ мудрымъ управленіемъ Юстиніана, позволило ему предпринять завоеваніе западныхъ областей древняго Рима. Сначала оружіе его обращено было противъ Вандаловъ владѣвшихъ сѣверною Африкою. Изобиліе страны, вмѣстѣ съ богатствами пріобрѣтенными въ разбойничьихъ набѣгахъ, ослабило силы этого народа, а религіозныя распри католиковъ съ аріанами сдѣлали государство Вандальское легкою добычею для враговъ внѣшнихъ.—Въ 531-мъ г. Гелимеръ похитилъ Вандальскій престолъ, заключивъ въ темницу родственника своего, короля Гильдериха. Императоръ Юстиніанъ, находившійся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Гильдерихомъ, потребовалъ его освобожденія, и получивъ отъ Гелимера высокомѣрный отвѣтъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію. Начальство надъ войсками поручено было Велисарію, родившемуся среди Ѳракійскихъ поселянъ, и получившему военное образованіе въ дружинѣ тѣлохранителей Юстиніана, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе храбростью и ревностнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, и перешелъ постепенно всѣ ступени военной Іерархіи; когда же покровитель его возсѣлъ на престолѣ, то вѣрному воину поручено было главное начальство въ войнѣ противъ Персовъ. Велисарій доказалъ на опытѣ свои дарованія и снова назначенъ былъ главнокомандующимъ арміею назначенною для высадки въ Африку.

Въ іюнѣ 533 г. онъ отплылъ съ 20 тыс. пѣшихъ

и 5 тыс. конныхъ воиновъ, изъ Константинопольской гавани, совершилъ высадку на южномъ берегѣ Сициліи, чтобы дать войскамъ отдыхъ и снабдить ихъ запасами, и пользуясь первымъ попутнымъ вѣтромъ, снова продолжалъ плаваніе и наконецъ сталъ на якорѣ у мыса Caput Vada (нынѣ Капаудія), въ нѣсколькихъ переходахъ къ югу отъ Карѳагена, въ Сентябрѣ 533 года. Оставя часть войскъ для охраненія флота, Велисарій устроилъ на берегу моря укрѣпленный лагерь.— Строгая дисциплина, господствовавшая въ войскахъ его, внушила къ нему такое довѣріе окрестныхъ жителей, что они привозили въ изобиліи съѣстные припасы въ Греческій лагерь и не требовали за то немедленной уплаты, говоря, что «слово Велисарія для нихъ достаточно.»

Пользуясь въ особенности расположеніемъ католиковъ, враждебныхъ Вандальскому правительству за покровительство его аріанскому ученію, Велисарій одержалъ быстрые успѣхи. Суллекте, Лептисъ, Адруметъ отворили ему врата свои. Но великій полководецъ, не ослѣпляясь дарами фортуны, дѣйствовалъ съ большою осторожностью: впереди арміи слѣдовалъ авангардъ подъ предводительствомъ Іоанна Армянина, лучшаго изъ военачальниковъ Велисаріевыхъ; лѣвое крыло его прикрыто было отрядомъ состоявшимъ изъ 600 Массагетовъ, а правое — флотомъ, который плылъ вдоль берега не теряя изъ вида армію.

Въ это врема, лучшія войска Вандаловъ находились въ Сардиніи; тѣмъ не менѣе однакоже Гелимеръ успѣлъ собрать ополченіе силою въ 160 тысячъ. Но на сторонѣ Велисарія были дисциплина и духъ его арміи, а геній вождя замѣнялъ многія тысячи воиновъ. Планъ

дѣйствій Гелимера заключался въ томъ, чтобы атаковать Велисарія одновременно съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Между тѣмъ, какъ братъ короля Амматасъ получилъ приказаніе собрать всѣ войска находившіяся у Карфагена и атаковать греческій авангардъ въ небольшомъ разстояніи отъ города, племянникъ Гелимеровъ Гибамундъ съ 2-мя тысячами всадниковъ долженъ былъ напасть на Велисарія съ лѣваго фланга; самъ же Гелимеръ предполагалъ, обойдя непріятелей, атаковать ихъ арріергардъ и отрѣзать греческую армію отъ флота. Но самонадѣянный Амматасъ съ нѣсколькими всадниками напалъ на греческій авангардъ и погибъ въ ручной схваткѣ. Слѣдствіемъ того было совершенное пораженіе его отряда. Въ тоже время, отрядъ Гибамунда былъ разбитъ на голову Массагетами. Между тѣмъ Велисарій слѣдовалъ къ Децимy (Decimum), и приблизясь къ этому пункту, выбралъ мѣсто для лагеря, приказалъ пѣхотѣ занять его, а самъ съ конницею отправился впередъ для развѣдыванія о непріятелѣ. По прибытіи въ Децимумъ, онъ увидѣлъ первыхъ убитыхъ, и въ числѣ ихъ Амматаса, окруженнаго тѣлами павшихъ отъ его руки Грековъ. Въ то время, когда онъ распрашивалъ жителей о подробностяхъ боя, показалось въ лѣвой сторонѣ густое облако пыли, и вслѣдъ за тѣмъ лазутчики донесли о наступленіи несмѣтныхъ вандальскихъ полчищъ. Въ промежуткѣ между арміями противныхъ сторонъ находилось возвышеніе господствовавшее надъ всею окрестною мѣстностью. Авангарды обѣихъ армій устремились къ нему, но Вандалы успѣли предупредить Грековъ. Какъ только развернулись огромныя ополченія Гелимера, то передовыя войска Велисарія, пораженныя паническимъ страхомъ,

обратились въ бѣгство. Но Гелимеръ не умѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и вмѣсто того, чтобы настойчиво преслѣдовать непріятеля, медленно спустился съ высотъ и занялся погребеніемъ тѣла своего брата. А между тѣмъ Велисарій успѣлъ устроить свою кавалерію, ободрилъ бѣжавшія войска, и атаковалъ Вандаловъ, которые, будучи приведены въ замѣшательство нерѣшительностью своего государя и видомъ убитыхъ товарищей, вскорѣ обратились въ бѣгство. Потеря ихъ была огромна. Гелимеръ бѣжалъ не въ Карѳагенъ, но на равнину Булле (нынѣ Бусдера), въ 4-хъ переходахъ отъ Карѳагена, на пути ведущемъ въ Нумидію, откуда, не подвергаясь обложенію, онъ имѣлъ возможность пресѣчь доставку запасовъ непріятельской арміи. Къ вечеру, Велисарій успѣлъ сосредоточить свою армію у Децимума, а на слѣдующій день вступилъ съ торжествомъ въ Карѳагенъ, около 100 лѣтъ находившійся во власти Вандаловъ, и принялъ мѣры для приведенія въ оборонительное состояніе этого города.

Между тѣмъ — Гелимеръ, собравъ разсѣянную свою армію на равнинѣ Булле, окружилъ Грековъ въ Карѳагенѣ разъѣздами, которые пресѣкли подвозы и отвели каналы снабжавшіе водою городъ. Затѣмъ, соединившись съ братомъ своимъ, покорившимъ Сардинію, Гелимеръ атаковалъ Велисарія, въ десять разъ превосходными силами, при Трикамеронѣ, но потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ въ горы Паппуа, и наконецъ принужденъ былъ сдаться. Вся сѣверная Африка, Сардинія, Корсика и Балеарскіе острова покорились Велисарію.

Занятіе Готѳами нѣсколькихъ сицилійскихъ городовъ, прежде принадлежавшихъ Вандаламъ, было по-

водомъ къ ополченію Юстиніана противъ Готѳскаго царства. Въ 535 году, Велисарій сдѣлалъ высадку въ Сицилію и покорилъ весь островъ; а въ слѣдующемъ году (536) овладѣлъ Неаполемъ, что имѣло слѣдствіемъ низложеніе съ престола Готѳами малодушнаго ихъ властителя Теодата и возведеніе на его мѣсто храбраго Витигеса, который, оставя Римъ на произволъ судьбы, удалился въ Равенну, и сталъ собирать тамъ ополченія, между тѣмъ какъ Велисарій вступилъ въ Римъ. Въ слѣдующемъ году (537) Витигесъ явился съ 150-ти-тысячною арміею подъ стѣнами Рима. Но предусмотрительный Велисарій уже готовъ былъ къ упорной оборонѣ, возобновилъ разрушенныя укрѣпленія, снабдилъ городъ съѣстными припасами и сформировалъ изъ лучшихъ жителей городскія роты. Тѣмъ не менѣе однакоже единственную надежную часть его силъ составляли пять тысячъ воиновъ, образовавшихся подъ его знаменами въ Африкѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, нужно было болѣе нежели когда-либо подавать примѣръ презрѣнія опасностей, и можно сказать утвердительно, что, за исключеніемъ Александра Великаго, Пирра, Генриха IV и Петра Великаго, никто изъ полководцевъ не вдавался въ такія опасности, какимъ долженъ былъ подвергать себя Велисарій.

Не смотря на многочисленность Готѳовъ, они не могли совершенно обложить городъ, и потому, расположась въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, готовились къ штурму. Предварительныя распоряженія къ приступу потребовали 18-ти дней и состояли въ постройкѣ осадныхъ машинъ, заготовленіи фашинъ, лѣстницъ, и проч. Въ 19-й день, Готѳы подвезли къ городскимъ стѣнамъ на волахъ высокія подвижныя башни

и четыре большихъ тарана; для дѣйствія каждымъ—требовалось не менѣе 50-ти человѣкъ. Но воины Велисарія сперва перебили стрѣлами животныхъ тянувшихъ машины, а потомъ, дѣйствуя мѣткою стрѣльбою противъ непріятелей покушавшихся вломиться въ городъ, отразили приступъ на всѣхъ пунктахъ. Въ этомъ бою, кипѣвшемъ съ утра до самой ночи, Готѳы потеряли 30 тысячъ чел. убитыми и столько же ранеными. Успѣхъ обороны возбудилъ мужество горожанъ до того, что они стали домогаться сраженія въ полѣ; Велисарій, зная чрезвычайное превосходство непріятельскихъ силъ, сомнѣвался въ успѣхѣ, но желая воспользоваться усердіемъ Римлянъ, и зная, что на войнѣ иногда невозможное содѣлывается возможнымъ, согласился исполнить желаніе своихъ воиновъ. При этомъ, онъ имѣлъ въ виду, что духъ войскъ всего важнѣе въ военномъ дѣлѣ и что многія военныя предпріятія удавались вопреки математическимъ расчетамъ. Тѣмъ не менѣе однакоже горсть храбрыхъ его воиновъ была разбита многочисленными непріятельскими полчищами.

Эта неудача вмѣстѣ съ недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ водѣ оказала такое вліяніе на умы легкомысленныхъ Римлянъ, что нѣкоторые изъ нихъ вступили въ сношенія съ Готѳами. Тогда Велисарій усугубилъ свою осторожность: озаботился неусыпнымъ надзоромъ надъ начальниками постовъ, наблюдалъ самъ за строгимъ исполненіемъ обязанностей аванпостной службы, и даже—какъ увѣряютъ современные историки — приказалъ имѣть на всякомъ изъ отдѣльныхъ постовъ опредѣленное число собакъ, которыхъ бдительность и вѣрность могли служить примѣромъ для людей сомнительной преданности. Вмѣстѣ съ тѣмъ—

Велисарій воспользовался политическими средствами, и заключивъ съ непріятелями перемиріе на три мѣсяца, возбудилъ, въ продолженіе его, противъ Витигеса жителей окрестной страны, которые заняли многіе пункты въ тылу Готѳовъ и стѣснили ихъ до того, что Витигесъ, превративъ въ пепелъ свои машины и лагерь, отступилъ къ Равеннѣ. Осада Рима, одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи древней Поліорцетики, продолжалась годъ и девять дней и стоила Готѳамъ почти цѣлой трети ихъ огромныхъ ополченій.

Въ слѣдующемъ походѣ (539), Велисарій овладѣлъ многими городами еще остававшимися во власти Готѳовъ, и въ числѣ ихъ Аксимумомъ (близъ нынѣшней Анконы), открылъ сообщеніе съ Греціею, осадилъ Витигеса въ Равеннѣ и принудилъ его сдаться.

По отбытіи Велисарія въ Константинополь, снова возникло разрушенное имъ Остготѳское государство; сперва — провозглашенъ былъ королемъ Ильдебальдъ, а потомъ, въ 542 году, Тотила, успѣхи котораго побудили императора Юстиніана снова послать въ Италію побѣдоноснаго Велисарія (544). Но на сей разъ онъ могъ только замедлить, но не въ силахъ былъ остановить успѣхи Готѳовъ. Не имѣя ни войскъ, ни запасовъ, ни денегъ, Велисарій, не смотря на то, нашелъ средства вредить непріятелю, отстаивалъ Римъ до послѣдней крайности и удерживался въ Италіи, подобно Аннибалу, до тѣхъ поръ, пока былъ отозванъ оттуда (549 г.). По удаленіи Велисарія, Готѳы овладѣли всею Италіею со включеніемъ Сициліи, Сардиніи, и Корсики.

Успѣхи Готѳовъ, уже грозившихъ внести пламя войны въ Грецію, побудили императора послать войска

въ Италію. Главнокомандующимъ назначенъ былъ любимецъ его, евнухъ Нарзесъ, отличавшійся дипломатическими способностями, командовавшій частью войскъ противъ Готѳовъ въ 539 году, и имѣвшій тогда случай изучить страну и ознакомиться съ военнымъ дѣломъ. Хитрый Нарзесъ, зная причину неудачи послѣднихъ походовъ Велисаріевыхъ, не прежде отправился въ Италію, какъ исходатайствовавши у Юстиніана значительныя денежныя средства и дозволеніе набрать многочисленную армію. Результатомъ похода его противъ Готѳовъ (552 г.) было пораженіе при Лентаджіо Тотилы, который умеръ отъ ранъ, и взятіе Рима. Наслѣдникъ Тотилы Тей погибъ при оборонѣ Кумъ; съ нимъ пало царство Остготѳское (553 г.). Между тѣмъ Франки, подъ предводительствомъ Лотарія и Буцелина, вторгнулись въ Италію и опустошили всю страну. Но дѣятельный Нарзесъ, сосредоточивъ, весною 554 года, до 20-ти тыс. войскъ въ окрестностяхъ Рима и обучивъ ихъ тщательно, двинулся противъ Буцелина, который, съ 30-ю тыс. Франковъ, подойдя отъ Капуи къ рѣчкѣ Казилинуму, занялъ за нею позицію, укрѣпилъ ее валомъ съ палисадами и рядомъ повозокъ, коихъ колеса были врыты въ землю, и прикрылъ деревянною башнею противоположную сторону моста. Нарзесъ, съ 18-ю тыс. греческихъ и наемныхъ войскъ, долгое время стоялъ лагеремъ на берегу, а между тѣмъ послалъ въ обходъ Буцелиновой позиціи, часть войскъ, которой удалось захватить одинъ изъ непріятельскихъ транспортовъ съ продовольствіемъ, что заставило Франковъ сняться съ ихъ выгодной позиціи и отступить нѣсколько ближе къ р. Вултурну. Тогда Греки овладѣли башнею и перешли на другую сторону р. Казилинума,

Вслѣдъ за тѣмъ — Нарзесъ устроилъ войска въ боевой порядокъ: въ центрѣ стала большая часть пѣхоты въ двѣ линіи: въ первой тяжело—вооруженные; а во второй—легкая пѣхота; на флангахъ, примкнутыхъ къ рощамъ, кавалерія; за этими рощами скрыты были отряды отборной конницы; нѣсколько впереди боевыхъ линій, сталъ отрядъ тяжело — вооруженной пѣхоты, въ тѣсномъ строю (testudo), назначенный для выдержанія перваго натиска варваровъ; самъ Нарзесъ—съ своими тѣлохранителями расположился на правомъ крылѣ. Въ то время, когда онъ готовился къ бою, донесено было ему, что Герулы, находившіеся въ Греческой арміи, оскорбившись казнью одного изъ своихъ вождей, отказывались сражаться. «Скажите имъ — воскликнулъ Нарзесъ—чтобы они поторопились идти впередъ, ежели желаютъ имѣютъ честь участвовать въ бою.» Въ центрѣ боевыхъ линій оставленъ былъ интервалъ для Геруловъ, которые, раскаявшись въ своемъ неповиновеніи, поспѣшно двинулись для занятія указаннаго для нихъ мѣста.

Между тѣмъ—варвары, раздраженные потерею моста, требовали боя. Буцелинъ, надѣясь на превосходное число и храбрость своихъ ополченій, рѣшился сразиться. Вся пѣхота его выстроилась въ центрѣ, въ видѣ клина (caput porcinum), а малочисленная франкская конница стала на флангахъ, въ довольно значительномъ разстояніи отъ пѣхоты. Первоначальный ударъ варваровъ былъ ужасенъ: они опрокинули передовой греческій отрядъ и прорвались чрезъ первую линію, между тѣмъ какъ вторая, по приказанію Нарзеса, разомкнулась вправо и влѣво и образовала входящій уголъ. Непріятели кинулись въ этотъ интервалъ къ мосту, въ на-

мѣреніи перейти черезъ рѣку и ограбить греческій лагерь, но были удержаны съ фронта Герулами и атакованы съ фланговъ легкою пѣхотою; въ тоже время—Нарзесъ выдвинулъ впередъ конницу, стоявшую на обоихъ флангахъ его арміи, и приказалъ отрядамъ, стоявшимъ въ засадахъ, обскакать рощи и ударить непріятелю въ тылъ. Варвары, окруженные со всѣхъ сторонъ, были совершенно истреблены и самъ Буцелинъ погибъ.—Со стороны Грековъ, по увѣренію ихъ историковъ, уронъ не превосходилъ 80-ти человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ сотъ ранеными. Это сраженіе, въ которомъ Нарзесъ искусно воспользовался мѣстностью и недостатками боеваго порядка принятаго Буцелиномъ, представляетъ большое сходство съ побѣдою Аннибала при Каннахъ, но дѣйствія Аннибала были выше Нарзесовыхъ, въ томъ отношеніи, что онъ сражался не съ варварскими безпорядочными полчищами, а съ лучшими войсками своего времени.

Слѣдствіемъ побѣдъ Велисарія и Нарзеса было кратковременное владычество Грековъ въ Италіи, продолжавшееся до утвержденія въ этой странѣ Лонгобардовъ (народа пришедшаго съ береговъ Одера), при Императорѣ Юстинѣ II, въ 568-мъ году. Разсматривая образъ веденія войны Велисарія и Нарзеса, находимъ въ немъ тѣже достоинства, которыми отличались дѣйствія Александра, Аннибала и Цезаря: умѣнье пользоваться политическими средствами; поддержаніе дисциплины и духа въ войскахъ; примѣненіе тактическаго образованія собственныхъ войскъ къ мѣстности, а равно къ образу дѣйствій противника; искусство выждать благопріятнѣйшій моментъ для нанесенія непріятелю удара и воспользоваться имъ: наконецъ — соединеніе осторожности

съ рѣшительностью, которое самъ Наполеонъ требуетъ отъ полководца.

Походы Императора Ираклія въ VII вѣкѣ противъ Персовъ были послѣднимъ проблескомъ славы оружія Византійскихъ Грековъ. Первоначальныя дѣйствія Ираклія были неудачны: съ одной стороны, ополченія Персидскаго государя Хозроя опустошили Сирію, вторгнулись въ Египетъ и проникли въ Малую Азію, а съ другой—Авары подошли къ стѣнамъ Константинополя, (614-619 г.). Уже императоръ готовъ былъ перенести резиденцію свою въ Карѳагенъ, но патріархъ Константинопольскій возбудилъ упадшій духъ своихъ соотечественниковъ и пожертвовалъ сокровища церкви на спасеніе Имперіи. Заключивъ въ 621-мъ г. миръ съ Хозроемъ, на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, Ираклій выигралъ время для пріуготовленія къ отдаленному походу. Въ слѣдующемъ году (622), посадивъ на суда малочисленное и неопытное свое войско, онъ отплылъ въ Сирію; планъ дѣйствій его заключался въ томъ, чтобы отвлечь угрожавшее ему нашествіе Персовъ посредствомъ диверсіи, которая заставила бы ихъ озаботиться собственною защитою: такъ нѣкогда Сципіонъ освободилъ Римъ, совершивъ высадку въ Карѳагенскія владѣнія.

Ираклій, приставъ къ берегу на границѣ Сиріи съ Киликіею, близъ Исса, (тамъ гдѣ нѣкогда Александръ одержалъ побѣду надъ войсками Дарія), занялся, прежде всего, водвореніемъ дисциплины въ своихъ войскахъ и тактическимъ ихъ образованіемъ; у него не было сподвижниковъ, на которыхъ онъ могъ-бы положиться, и потому онъ самъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ наблюдалъ за обученіемъ рекрутъ, еже-

дневно присутствовалъ на ученьяхъ, и отъ времени до времени производилъ маневры, при чемъ войска раздѣлялись на двѣ стороны и подъ руководствомъ императора производили примѣрныя сраженія. Неутомимый Ираклій самъ былъ строгимъ цѣнителемъ ихъ успѣховъ, поощрялъ своихъ воиновъ и старался поселить въ душахъ ихъ ту доблесть, безъ которой безсильно самое искусство. Христіяне, составлявшіе наибольшую часть греческой арміи, возбужденные присутствіемъ въ ихъ лагерѣ чудотворнаго образа Спасителя, горѣли желаніемъ отмстить за оскорбленіе нанесенное ихъ отечеству огнепоклонниками Персами.

Страна бывшая театромъ военныхъ дѣйствій, Киликія, глубоко вдается въ Арменію и Сирію, отъ которыхъ отдѣляется горами Тавра. Многочисленная персидская армія наводнила Киликію, но Ираклій, замѣняя недостатокъ въ силахъ искусствомъ и дѣятельностью, направился на сообщенія непріятельской арміи, по такимъ путямъ, которые считались непроходимыми. Неожиданное появленіе греческаго войска въ тылу непріятелей поразило ихъ ужасомъ и заставило отступать поспѣшно, при чемъ Греки нанесли имъ большой уронъ.

Вслѣдъ за тѣмъ — Ираклій сдѣлалъ демонстрацію къ сторонѣ Арменіи, искусными маневрами вовлекъ непріятеля въ бой и вторично одержалъ побѣду.

Въ слѣдующемъ году (623) Ираклій, набравъ въ Константинополѣ 5 тыс. отборныхъ воиновъ, отправился съ ними моремъ къ Требизонду, и соединился съ греческими войсками перезимовавшими въ Понтѣ. Возбудивъ противъ Персовъ христіянское народонаселеніе Арменіи, Ираклій возстановилъ въ этой странѣ влады-

чество Грековъ и расположилъ свою армію на зимнія квартиры между Араксомъ и Куромъ. Столь же успѣшны были и слѣдующіе походы его противъ Хозроя (624 — 625 г.), по совершеніи которыхъ онъ возвратился въ Каппадокію, къ берегамъ Чернаго моря.

Между-тѣмъ, какъ мужественный Ираклій пожиналъ лавры въ отдаленныхъ странахъ, столица его была осаждена многочисленными полчищами Аваровъ, Гепидовъ и другихъ варваровъ; но жители Константинополя, возбужденные подвигами своего государя и поддержанные присланнымъ отъ него войскомъ, отразили непріятелей (626 г.); самъ же императоръ тогда воевалъ противъ знаменитыхъ *золотыхъ дружинъ*, составлявшихъ въ числѣ 50 тыс. человѣкъ лучшую часть Хозроевой арміи. — Переговорами и щедростью, Ираклій привлекъ на свою сторону Хазаровъ, (народъ пришедшій съ нижней Волги) и даже сильнѣйшаго изъ персидскихъ сатраповъ Сарбара, и сосредоточилъ при Эдессѣ до 70 ти тыс. войскъ. Со стороны Персовъ, если вѣрить свидѣтельству греческихъ историковъ, собрано было не менѣе 500-тъ тыс. человѣкъ. Продовольствованіе такихъ несмѣтныхъ полчищъ, въ странѣ опустошенной четырехъ-лѣтнею войною, должно было представлять непреодолимыя затрудненія, и потому, по всей вѣроятности, превосходство въ числѣ войскъ персидскихъ надъ греческими было менѣе значительно. Результатомъ встрѣчи арміи, происшедшей въ 627 году на лѣвомъ берегу Тигра, близъ развалинъ Ниневіи, было истребленіе большей части персидскихъ войскъ. Ираклій умѣлъ воспользоваться этою побѣдою, устроилъ, въ теченіи однихъ сутокъ, мосты на рѣкѣ Жобѣ и овладѣлъ многими городами, въ числѣ которыхъ былъ

и Дастагердъ. Множество захваченныхъ тамъ сокровищъ и освобожденіе многихъ Грековъ, находившихся въ плѣну у Персовъ, были послѣдствіями успѣховъ Ираклія. Гордый Хозрой, принужденный скитаться безъ пристанища, былъ наконецъ лишенъ престола мятежнымъ сыномъ своимъ Сироесомъ, который, желая утвердить за собою владычество, заключилъ съ Иракліемъ вѣчный миръ и уступилъ Грекамъ всѣ завоеванныя ими области. Животворящій крестъ Господень, похищенный Персами при взятіи Іерусалима, былъ снова воздвигнутъ Императоромъ, что подало начало празднованію Воздвиженія. — Въ послѣдніе годы своего царствованія, Ираклій былъ менѣе счастливъ и потерялъ въ войнѣ съ Аравитянами Сирію и Египетъ (633 — 640 г.).

Дѣйствія Ираклія противъ Персовъ изумительны. — Начавъ войну съ ничтожными средствами, онъ, подобно Александру Великому, умѣлъ усилить свою армію наборами въ завоеванной странѣ и вооруженіемъ сосѣдственныхъ народовъ. Единовѣріе съ Греками значительной части жителей Арменіи послужило ему въ пользу, а непрочная связь областей Персидской Монархіи облегчила успѣхи его дѣйствій. Подобно Аннибалу, онъ лишенъ былъ сообщеній съ основнымъ пунктомъ дѣйствій своихъ — Константинополемъ; подобно ему же — умѣлъ найти сподвижниковъ въ враждебной странѣ. Наконецъ, подобно Юлію Цесарю, Ираклій умѣлъ привлекать къ себѣ сердца своихъ воиновъ, возбуждать ихъ духъ, поддерживать дисциплину въ своей арміи и пріобрѣтать преданность непріязненныхъ народовъ.

Въ то время, когда изнѣженные Византійскіе Греки,

подъ предводительствомъ Ираклія, въ послѣдній разъ показали себя достойными сынами своихъ предковъ,— въ то самое время, силою воли и геніемъ одного человѣка, возникло въ пустыняхъ Аравіи новое владычество, которому суждено было распространиться въ трехъ частяхъ Свѣта и нанести окончательные удары Восточной Имперіи.

Обитатели Аравіи, съ незапамятныхъ временъ, раздѣлены были на поколѣнія управляемыя старшинами, или шейками. Одни изъ этихъ поколѣній (Гадези) жили въ городахъ плодороднаго Іемена и по берегамъ Чермнаго моря; другіе (Бедунны) кочевали въ пустыняхъ. Первые были образованы въ нѣкоторой степени и занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлею; послѣдніе жили скотоводствомъ и разбоемъ.—Первоначальною религіею въ Аравіи было идолопоклонство; впослѣдствіи внесены были туда ученія Зороастрово (поклоненіе солнцу и звѣздамъ) и Еврейское; наконецъ, водворилась и Христіянская вѣра. Такимъ образомъ Аравитяне и въ религіозномъ отношеніи были такъ-же раздѣлены, какъ въ политическомъ; не смотря на природныя свойства, содѣлавшія ихъ способными къ войнѣ—умѣренность, отвагу и дѣятельность — они не могли быть страшны для своихъ сосѣдей, потому что не имѣли ничего общаго между собою. Въ такомъ положеніи находилась Аравія при появленіи Магомета.

Этотъ необыкновенный человѣкъ произошелъ отъ племени Корейшидовъ, котораго родоначальникомъ считался Корейхъ, одинъ изъ сыновей Измаила. Оставшись сиротою съ пятилѣтняго возраста, безъ всякаго состоянія, и обязанный воспитаніемъ дядѣ своему Абу-Талебу, онъ былъ предоставленъ самому себѣ и про-

велъ большую часть своей юности въ уединеніи, которое послужило къ его умственному развитію. За тѣмъ, блуждая въ караванахъ и участвуя въ дѣйствіяхъ Аравитянъ на границѣ Сиріи, Магометъ пріобрѣлъ опытность въ военномъ дѣлѣ, но вскорѣ, наскучивъ кочевою жизнью, возвратился на родину въ Мекку; тамъ онъ упражнялся торговлею, женился на богатой вдовѣ Кадишѣ и нерѣдко выѣзжалъ за границы Аравіи. Сокровища, имъ пріобрѣтенныя, подали ему средство обратиться къ созерцательной жизни; цѣлые мѣсяцы проводилъ онъ въ уединеніи, и въ тиши его задумалъ смѣлое дѣло, соединить своихъ соотечественниковъ одною религіею, подъ однимъ владычествомъ.

Въ 611-мъ году, Магомедъ началъ проповѣдовать новое ученіе. Оно заключало въ себѣ смѣсь всѣхъ религіозныхъ вѣрованій господствовавшихъ въ Аравіи, и потому не встрѣтило почти никакого сопротивленія; къ тому же, оно было приноровлено къ понятіямъ и наклонностямъ народа; краснорѣчіе Магомета должно было убѣдить людей, которые, находясь еще въ первобытномъ состояніи гражданской образованности, были способны къ безотчетному увлеченію. Новая религія замѣняла идолопоклонство единобожіемъ, утверждала беззаботныхъ Бедуиновъ въ фатализмѣ (вѣрѣ въ предопредѣленіе), способствовала имъ развить воинственныя свои склонности въ войнѣ съ невѣрными, (то есть послѣдователями другихъ ученій), и обѣщала падшимъ въ бою всѣ блага доступныя грубымъ понятіямъ жителей пустыни. Бедуины, которыхъ вся жизнь состояла изъ безпрерывныхъ лишеній, умѣренные по необходимости, созерцательные по образу жизни, гостепріимные, подобно многимъ народамъ Востока, го-

товы были нетолько охотно исполнять главныя правила магометанской религіи, (молитву, постъ и милостыню), но и купить цѣною жизни вѣчное блаженство.

Успѣхи Магометова ученія возбудили опасенія шейковъ и въ особенности Абу-Софіана Мекскаго шерифа; положено было убить Магомета. — Тогда (622 г.) онъ бѣжалъ изъ Мекки въ Медину (Ятребъ), гдѣ у него было много послѣдователей, которые приняли его съ восторгомъ. Со времени этого бѣгства начинается Эджра, или лѣтосчисленіе Магометанъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вся Аравія приняла ученіе Магомета; самые враги его, и въ числѣ ихъ гордый Абу-Софіанъ, не только принуждены были покориться ему, но сдѣлались его жаркими приверженцами. Замѣняя недостатокъ въ оружіи и въ тактическомъ образованіи изступленнымъ фанатизмомъ, Аравитяне сдѣлались грозою для своихъ сосѣдей, и, повинуясь голосу предпріимчивыхъ вождей, устремились на завоеваніе, сперва сосѣдственной страны, а потомъ и странъ отдаленныхъ.

Военное искусство Аравитянъ, въ эпоху появленія Магомета, было весьма просто. Они сражались большею частію пѣшкомъ; оружіе ихъ состояло преимущественно изъ палицъ; впослѣдствіи же, главная сила ихъ ополченій, а иногда даже вся армія, состояла изъ легкой конницы. Они слѣдовали по направленію большихъ дорогъ, устремляясь къ важнѣйшимъ пунктамъ страны, въ которую производили вторженіе. Если они встрѣчали на пути непріятельскую армію, то вступали съ нею въ бой, а если дальнѣйшему ихъ слѣдованію препятствовала крѣпость, то старались овладѣть ею.—

Сраженію предшествовала молитва; въ началѣ боя, отважнѣйшіе воины выходили изъ рядовъ и кидались на непріятеля; за ними слѣдовали другіе, и наконецъ все войско вступало въ дѣло, оставляя за собою часть силъ въ резервѣ. Если первая атака не имѣла успѣха, то они повторяли нападеніе цѣлый день, и даже нѣсколько дней сряду, усиливая напоръ къ вечеру, *потому что пророкъ имълъ привычку побъждать при закатѣ солнца.*—Если же удавалось имъ опрокинуть непріятеля, то они преслѣдовали его съ чрезвычайною настойчивостію, истребляя враговъ до послѣдняго.

Впослѣдствіи времени, Аравитяне и водворившіеся на развалинахъ ихъ владычества Турки употребляли различныя военныя хитрости, какъ-то засады и нечаянныя нападенія. По свидѣтельству Императора Льва, пѣхота ихъ, вооруженная луками, располагалась впереди конницы; а при дѣйствіяхъ требовавшихъ быстроты всадники сажали за собою пѣхотинцевъ. Кавалерія была прикрыта легкими латами и вооружена превосходно выдѣланными мечами. Боевой порядокъ ихъ состоялъ изъ нѣсколькихъ линій образовавшихъ въ совокупности фигуру прямоугольника. Нерѣдко выжидали они противника, стоя на мѣстѣ, но какъ только удавалось имъ отразить нападеніе, то они тотчасъ переходили къ наступленію.

Въ продолженіе десяти лѣтъ (622 — 632 г.) Магометъ покорилъ всю Аравію; по смерти его, четыре калифа, избранные одинъ послѣ другаго, завоевали Сирію, Египетъ и Персію (632—660 г.)

По смерти Калифа Али, падшаго отъ руки фанатика, преемникомъ его сдѣлался Моавіа, сынъ Абу-Софіана, упрочившій наслѣдственное владычество въ сво-

емъ семействѣ и бывшій первымъ калифомъ династіи Омміадовъ (потомковъ Омміага прадѣда Моавіи) господствовавшей въ Аравіи, и потомъ въ Испаніи.

Успѣху дѣйствій Аравитянъ весьма много способствовала слабость ближайшихъ сосѣдей ихъ. Персидская и Греческая монархіи, ослабленныя внутренними раздорами и неустройствами, не могли оказать упорнаго сопротивленія изступленнымъ поклонникамъ Исламизма. Овладѣвъ всею Малою Азіею и сѣверною Африкою, они были отдѣлены отъ Европы только узкими проливами и уже готовились поработить эту часть свѣта, подобно тому какъ поработили они прочія. Но съ одной стороны, успѣхи ихъ были остановлены упорною обороною Константинополя (717), гдѣ Императоръ Леонъ Изорійскій, пользуясь Греческимъ Огнемъ, суровымъ временемъ года, и содѣйствіемъ Булгаръ, истребилъ мусульманскія полчища, а съ другой, положенъ предѣлъ распространенію магометанскаго владычества въ Европѣ побѣдою Карла-Мартелла при Турѣ (732.).

Главными причинами упадка могущества Аравитянъ были: 1) междуусобія; 2) ослабленіе ихъ религіознаго фанатизма. Не смотря на успѣхи ихъ въ наукахъ и художествахъ и на усовершенствованія въ военномъ искусствѣ, какъ только поколебалось единство верховной власти и возникли новыя калифатства и самостоятельныя эмирства, какъ только не стало дисциплины и повиновенія въ войскахъ и мало-по-малу сталъ угасать огнь военной доблести, возбуждавшій Мусульманъ къ славнымъ подвигамъ, то Аравитяне, мало-по-малу, потеряли всѣ свои завоеванія. Когда въ половинѣ VIII вѣка, по уничтоженіи владычества Омміадовъ

въ основанномъ ими калифатствѣ Дамасскомъ, престолъ перешелъ въ династію Аббасидовъ, тогда одинъ изъ потомковъ Омміага, спасшихся отъ гибели, эмиръ Абдерамъ бѣжалъ въ сѣверную Африку, и будучи призванъ оттуда аравійскими старшинами въ Испанію, основалъ западный калифатъ, котораго столицею сдѣлалась Кордова (756 г.). Хотя отложеніе его уменьшило объемъ прежняго калифатства, простиравшагося отъ Атлантическаго Океана до Инда, однакоже на Востокѣ слава Калифовъ не утратила блеска. Ея представителями были Альманзоръ (754 — 775), основатель новой великолѣпной стилицы Багдада, и въ особенности великій Гарунъ-Аль-Рашидъ (786 — 809 г.), занимавшій на Востокѣ такое же мѣсто, какое занималъ на Западѣ современникъ его Карлъ Великій. Но какъ будто бы для того, чтобы показать безсиліе самого человѣческаго генія, всѣ славныя дѣла, всѣ мудрыя постановленія Гаруна-Аль-Рашида были поколеблены въ основаніи послѣднимъ его распоряженіемъ, раздѣломъ областей калифатства между его сыновьями. Слѣдствіемъ того были раздоры; Мотасемъ, сынъ Гаруна, набралъ отрядъ тѣлохранителей изъ купленныхъ Турокъ, которые вскорѣ сдѣлались столь же мятежны, какъ преторіянская стража; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (866 — 870 г.), они возвели на престолъ и умертвили трехъ калифовъ. Ко всему этому присоединились религіозныя распри; намѣстники калифовъ, пользуясь смутами, основали множество независимыхъ владѣній. Фатимиды, выдававшіе себя за потомковъ Фатимы, дочери Магометовой, привлекши на свою сторону послѣдователей многочисленной Измаильской секты, утвердили свою власть въ Тунисѣ (908 г.), Фецѣ, и завое-

вали Египетъ (970 г.), гдѣ основали Каиръ, сдѣлавшійся ихъ столицею: такимъ образомъ въ концѣ X-го вѣка было три калифата: Аббасидовъ въ Багдадѣ, Омміадовъ въ Испаніи и Фатимидовъ въ сѣверной Африкѣ: но кромѣ того существовали и другія мусульманскія владѣнія независимыя отъ Калифовъ (Буиды въ Ширасѣ; Саманиды въ Хорасанѣ, и проч.). Въ половинѣ X вѣка, Альфтегинъ, родомъ Турокъ, бывшій намѣстникомъ одной изъ областей Хорасана, захватилъ крѣпость Газну, отложился отъ Саманидскаго владѣнія и сдѣлался родоначальникомъ династіи Газневидовъ. Потомки его распространили свое владычество, въ одну сторону до Гангеса, а въ другую до Каспійскаго и Аральскаго морей. Но между тѣмъ возвысились Сельджукскіе Турки, (потомки Эмира Сельджука), пришедшіе отъ Аральскаго моря и водворившіеся въ XI столѣтіи, въ Бухаріи, Персіи, Индіи, а впослѣдствіи распространившіеся до самаго Геллеспонта. По сверженіи съ престола династій Газневидовъ и Буидовъ, сельджукскій эмиръ Тогрулъ-Бегъ возведенъ былъ въ званіе эмира-аль-омра калифомъ Багдадскимъ, что̀ поставило послѣдняго въ такую же зависимость отъ Тогрулъ-Бега, въ какой находились послѣдніе Меровинги отъ палатныхъ меровъ. — Вскорѣ, несогласія, возникшія между Сельджуками, повлекли распаденіе ихъ государства на нѣсколько независимыхъ владѣній, управляемыхъ султанами, эмирами, и проч. Таково было состояніе Малой Азіи, Сиріи и Египта, въ эпоху перваго крестоваго похода, т. е. въ концѣ XI столѣтія.

Что касается до состоянія военнаго искусства у Турокъ, то лучшія войска ихъ состояли изъ конницы, покрытой легкими латами, шлемами и небольшими щи-

тами, и вооруженной саблями, копьями и стрѣлами. Пѣхота, набиравшаяся у покоренныхъ народовъ, вооружена была копьями, палицами, стрѣлами, и проч. Войска строились въ длинную линію, въ видѣ полумѣсяца, съ тою цѣлью, чтобы обхватывать фланги противника; позади боевой линіи стояли сильные резервы. Турецкая конница отличалась способностью къ одиночному дѣйствію въ рукопашномъ бою и искусствомъ стрѣлять изъ лука, и умѣла охранять себя отъ нечаянныхъ нападеній искусно расположенными ведетами. Вообще же дѣйствія Турокъ отличались внезапностью и хитростью. Подобно древнимъ Парѳянамъ, они старались заманить врага на выгодную мѣстность и утомить его частными атаками. Многія осады, веденныя Турками, доставили имъ опытность въ Поліорцетикѣ; находясь въ укрѣпленныхъ городахъ, они противопоставляли осаждающему весьма упорную оборону.

Чтобы получить понятіе о состояніи военнаго искусства въ Западной Европѣ, въ эпоху начала крестовыхъ походовъ, обратимся къ тому времени, когда аллодіальныя ополченія были замѣнены феодальными арміями: это преобразованіе совершилось постепенно, такъ что весьма часто аллодіальныя и феодальныя войска дѣйствовали одни вмѣстѣ съ другими.

Какъ владѣніе леномъ сопряжено было съ обязанностью личной военной повинности, то каждый изъ вассаловъ считалъ своимъ ремесломъ военную службу, готовился къ ней постоянно и готовилъ къ ней сыновей своихъ съ самаго дѣтства. Королевскіе вассалы, превосходя богатствомъ прочія свободныя сословія, одни лишъ имѣли возможность пріобрѣтать хорошихъ лошадей и оружіе, которыя, по дороговизнѣ своей,

были недоступны для людей съ ограниченнымъ состояніемъ. Такимъ образомъ, образовалась какъ бы особая военная каста, посвятившая себя исключительно военному дѣлу. Лучшая часть вооруженныхъ силъ въ Германіи и во Франціи состояла изъ кавалеріи; пѣхота же, дурно вооруженная, дурно устроенная, не пріобыкшая дѣйствовать оружіемъ и считавшая себя не въ силахъ противиться грознымъ всадникамъ, не принималась даже въ расчетъ при исчисленіи арміи.

Образованіе въ народѣ военной касты повело къ учрежденію рыцарства, которое имѣло рѣшительное вліяніе на современное военное искусство. Издревле въ Германіи существовалъ обычай торжественно вооружать юношей, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Въ ожиданіи же этого обряда, молодые люди находились при государяхъ и знатныхъ особахъ въ качествѣ оруженосцевъ. Такимъ образомъ возникло и развилось понятіе о рыцарствѣ, въ которомъ проявились всѣ доблести и недостатки современнаго высшаго сословія. Набожность, вѣрность данному обѣту, уваженіе къ прекрасному полу и мужество рыцарей нерѣдко помрачались высокомѣріемъ и своеволіемъ. Для полученія рыцарскаго достоинства, требовалось быть несомнѣннаго благороднаго происхожденія, по крайней мѣрѣ въ третьемъ колѣнѣ, и изучить военную службу съ семи-лѣтняго возраста, сперва въ качествѣ пажа, а потомъ — оруженосца. Посвященіе въ рыцари дѣлалось, не прежде достиженія двадцать перваго года; главный изъ обрядовъ посвященія состоялъ въ легкомъ ударѣ мечемъ, и каждый рыцарь имѣлъ право давать рыцарское достоинство.

Феодальныя арміи строились для боя въ различ-

ныхъ порядкахъ, а съ XII вѣка стали располагаться слѣдующимъ образомъ: впереди—рыцари, построенные въ одну шеренгу, иногда въ довольно значительномъ разстояніи между собою (en haie); какъ они, такъ и лошади ихъ, были покрыты латами. Оборонительное оружіе рыцаря состояло изъ шлема съ забраломъ, латъ или кольчугъ, обитыхъ жестью перчатокъ и щита; а нападательнымъ служили: длинный мечъ, длинное копье, кинжалъ, сѣкира, молотъ и палица: послѣднія иногда были вѣсомъ въ пудъ и служили для разбиванія латъ.—За рыцарями, въ нѣсколькихъ шагахъ, строились ихъ оруженосцы, имѣвшіе оборонительное вооруженіе подобное рыцарскому, но не столь тяжелое, и дѣйствовавшіе въ бою мечемъ и сѣкирою; еще болѣе сзади—находились конные стрѣльцы, покрытые легкими латами, имѣвшіе щиты и вооруженные мечами, дротиками и луками. Наконецъ—въ послѣдней линіи, стояла дурно вооруженная и незнакомая съ военнымъ дѣломъ пѣхота, неимѣвшая никакого вліянія на успѣхъ военныхъ дѣйствій.

Содержаніе феодальныхъ армій, въ мирное время, ничего не стоило правительству, а въ военное время, большею частью, было обремепительно только для той страны, въ которой велась война. По этому самому—феодальныя арміи могли быть весьма многочисленны, а храбрость рыцарей дѣлала эти арміи грозными въ бою; но разнородность и непрочность ихъ состава отнимали возможность предпринимать съ ними какое либо обширное предпріятіе. Императоръ Карлъ Великій желая имѣть дружину, болѣе надежную, приказалъ набрать постоянный отрядъ, извѣстный подъ названіемъ Скареманновъ. Съ подобною же цѣлью, при им-

ператорѣ Генрихѣ I-мъ, сформированъ былъ Мерзебургскій легіонъ, которому, для поддержанія воинскаго духа, дозволено было производить набѣги въ чужія владѣнія.— Альфредъ, Гарольдъ и другіе властители на сѣверѣ Европы содержали на жалованьѣ довольно большія арміи, и хотя зависимость ихъ отъ правительства была ограничена, однакоже короли предпочитали ихъ феодальнымъ ополченіямъ. Подобнымъ же образомъ — и Вильгельмъ Завоеватель, предпринявъ покореніе Англіи, совершилъ его съ наемными войсками.

Не смотря на младенческое состояніе военнаго искусства въ періодѣ рыцарства, встрѣчаются и въ это время нѣкоторыя дѣйствія достойныя вниманія—одни по искусству военачальниковъ, а другія по особенному характеру своему.

Въ числѣ ихъ, замѣчательны войны Карла Мартела: извѣдавъ свои силы, во многихъ походахъ, совершенныхъ противъ Фрисландцевъ, Невстрійцевъ и другихъ сосѣдей своихъ, Карлъ Мартелъ является въ дѣйствіяхъ противъ Сарацинов уже полководцемъ опытнымъ, увѣреннымъ въ себѣ. Несмѣтныя мусульманскія полчища, вторгнувшись изъ Испаніи во Францію, завоевали большую часть владѣній Эвда, герцога Аквитанскаго. Вслѣдъ за тѣмъ Испанскій намѣстникъ Абдеррахманъ обратилъ въ пепелъ Поатье и двинулся къ Туру, чтобы разграбить находившіяся тамъ церковныя сокровища (732 г.). Не смотря на несогласія между Франками и Аквитанцами, Карлъ Мартелъ, по призыву Эвда, быстро двинулся къ нему въ помощь и вступилъ въ бой съ Сарацинами между Туромъ и Поатье. Не смотря на неопредѣлительность дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этомъ сраженіи, не подлежитъ со-

мѣшію, по крайнѣй мѣрѣ, то, что Карлъ, будучи окруженъ несравненно превосходными силами Мусульманъ, отразилъ всѣ ихъ нападенія; что небольшая его армія построена была въ густыя массы въ видѣ каре, и что— наконецъ — нападеніе Эвда съ частью силъ на непріятельскій лагерь и смерть Абдеррахмана заставили Сарациновъ обратиться въ бѣгство. Самъ Карлъ лично принялъ самое дѣятельное участіе въ бою, отъ чего и получилъ названіе Мартелла. Побѣда его при Турѣ положила предѣлъ успѣхамъ мусульманъ на западѣ Европы. Результатами послѣдующихъ его походовъ были: на сѣверѣ—покореніе Фрисландіи, а на югѣ —приведеніе въ зависимость отъ Франковъ Аквитанскаго герцогства и очищеніе отъ мусульманскихъ полчищъ всей Франціи до р. Оды (Aude).

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ дѣйствій, въ періодѣ рыцарства, опишемъ экспедицію Вильгельма Завоевателя.

По смерти Эдуарда Исповѣдника короля англійскаго (1066 г.), наслѣдовалъ ему графъ Гарольдъ, игравшій при немъ роль палатнаго мера. Единственный оставшійся въ живыхъ потомокъ царственнаго дома, Эдгаръ, по личнымъ своимъ качествамъ, не былъ опасенъ для похитителя. Ему угрожалъ врагъ болѣе страшный. Давно уже — за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, Гарольдъ былъ прибитъ бурею къ Нормандскому берегу, что, по тогдашнему народному праву, содѣлывало его плѣнникомъ владѣтеля страны. Дальновидный Вильгельмъ воспользовался этимъ случаемъ: зная вліяніе Гарольда въ Англіи и вѣроятно предвидя его возвышеніе, онъ заставилъ плѣнника, въ присутствіи всѣхъ своихъ вассаловъ, дать клятву въ томъ, что онъ будетъ способ-

ствовать герцогу къ достиженію владычества въ Англіи. (*) Едва лишь Гарольдъ былъ вѣнчанъ на царство, какъ Вильгельмъ напомнилъ ему данное имъ обѣщаніе. Напрасно Гарольдъ доказывалъ незаконность обязательства вынужденнаго силою. Вильгельмъ требовалъ исполненія данной клятвы, и получивъ отказъ, сталъ готовиться къ высадкѣ на берега Англіи. Объявлено было, чтобы всѣ, желающіе участвовать въ завоеваніи этой страны, стекались подъ знамена Вильгельма. Охотниковъ нашлось много: одни изъ нихъ были привлечены надеждою добычи; другіе просили земель или богатыхъ невѣстъ; нѣкоторые поступали въ армію по найму: въ числѣ воиновъ герцога были французскіе и германскіе рыцари съ ихъ вассалами. Вильгельмъ принималъ всѣхъ и не отказывалъ никому ни въ чемъ; въ короткое время, собралъ онъ армію въ 50 тысячъ воиновъ и огромный флотъ. Самъ Папа Александръ II, ненавидѣвшій Гарольда за притѣсненія, которымъ подверглось въ Англіи католическое духовенство, изрекъ проклятіе на враговъ герцога и прислалъ ему освященное знамя.

Между тѣмъ—Гарольдъ, истребивъ почти совершенно войско Норвежское короля Гардрада, совершившаго высадку въ Англію, готовился отразить нападеніе Вильгельма. Вскорѣ пришла вѣсть о высадкѣ непріятелей у Певенси, въ Суссексѣ. Вмѣстѣ съ войсками перенесены были на берегъ три складныя деревянныя башни построенныя во Франціи и разобранныя по частямъ. Самъ Вильгельмъ, при выходѣ на берегъ, упалъ,

---

(*) Право Вильгельма на англійскій престолъ основано было на завѣщаніи Эдуарда Исповѣдника.

но предупредилъ всякое зловѣщее истолкованіе этого случая, громко воскликнувъ: «принимаю во владѣніе «эту землю для себя и для васъ, мои сподвижники.» Ободренные этою рѣчью воины быстро двинулись къ Гастингсу, гдѣ расположена была армія Гарольда. Немедленно приказано было рабочимъ, находившимся при Нормандскихъ войскахъ, построить башни и сложить въ нихъ всѣ запасы привезенные на корабляхъ.

Многіе предлагали Гарольду опустошить окрестную страну и отступить къ Лондону: такой образъ дѣйствій, безъ всякаго сомнѣнія, поставилъ бы Вильгельма въ затруднительное положеніе. Но король нетерпѣливо желалъ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе. Нѣсколько дней прошло въ напрасныхъ переговорахъ, въ продолженіе которыхъ, Англо-Саксы укрѣпились на высотахъ къ сѣверо-востоку отъ Гастингса. Весь лагерь ихъ обнесенъ былъ земляным валомъ съ одеждою изъ плетня, усиленнымъ палисадами.

Битва произошла 13-го октября 1066 года. На разсвѣтѣ, войска Вильгельма построились къ бою; епископъ Байёскій, въ полномъ церковномъ облаченіи накинутомъ поверхъ панцыря, отслужилъ молебенъ, по окончаніи котораго снялъ ризы, сѣлъ на коня и принялъ начальство надъ своими воинами. Самъ Вильгельмъ, обратясь къ войскамъ, ободрилъ ихъ краткою рѣчью: «сражайтесь храбро—говорилъ онъ имъ; рубите все, что́ встрѣтите. Если одержимъ побѣду, то всѣ будемъ богаты. Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы требовать законнаго наслѣдства, а хочу наказать Англичанъ за ихъ вѣроломство, и—да поможетъ мнѣ Богъ — надѣюсь успѣть въ своемъ намѣреніи.»

Армія Вильгельма раздѣлена была на три отдѣльныя

части, (batailles), изъ которыхъ одною, состоявшею почти изъ однихъ Нормандцевъ, командовалъ герцогъ. Впереди каждой части шла линія легкой пѣхоты, вооруженной большими луками; вторая линія состояла изъ пѣхоты вооруженной копіями; въ резервѣ, слѣдовала конница, надежнѣйшее изъ войскъ всей арміи. Приблизясь къ непріятельскому лагерю, Нормандцы запѣли Роландову пѣснь, сопровождая ее громкими восклицаніями: да поможетъ Богъ! (Diex aie). Какъ только лучники подошли на разстояніе выстрѣла къ Англичанамъ, то пустили тучу стрѣлъ, но не успѣли нанести ни малѣйшаго вреда непріятелямъ укрывавшимся за высокими валами; тогда посланы были впередъ копейщики и рыцари, которые пытались ворваться въ лагерь, но встрѣченные густою массою Англичанъ, построенныхъ въ видѣ клина и вооруженныхъ сѣкирами, воины Вильгельма принуждены были отступить. Герцогъ, собравъ своихъ стрѣлковъ, приказалъ имъ стрѣлять навѣсно въ непріятельскій лагерь; множество Англичанъ было перебито и самъ Гарольдъ лишился глаза, но продолжалъ сражаться и отразилъ нѣсколько разъ повторенныя атаки рыцарей. Тогда Вильгельмъ прибѣгнулъ къ хитрости; устроивъ засаду, онъ послалъ тысячу рыцарей штурмовать лагерь; легко можно было предвидѣть, что эта атака будетъ столь же безуспѣшна сколько и прежнія, и что Англичане, ободренные малочисленностью атакующей части, перейдутъ къ наступленію. Дѣйствительно — такъ и случилось: какъ только рыцари обратились въ бѣгство, то воины Гарольда, подъ личнымъ начальствомъ короля и братьевъ его, кинулись преслѣдовать ихъ, попали въ засаду и пали подъ ударами Нормандцевъ, которые, пользуясь этимъ

успѣхомъ, ворвались въ лагерь и истребили почти всѣхъ защитниковъ его.

Въ сраженіи при Гастингсѣ, положившемъ основаніе господству Вильгельма въ Англіи, Герцогъ Нормандскій представляетъ въ себѣ соединеніе качествъ храбраго воина и искуснаго военачальника.—Напротивъ того — сраженіе при Бувинѣ, происшедшее около полутора вѣка позже (1214 г.), можетъ считаться картиною современнаго младенческаго состоянія военнаго искусства. Въ этомъ сраженіи, видимъ: военачальниковъ ревностно, дѣйствующихъ мечемъ, но не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на управленіе войсками; рыцарей, сражающихся вразсыпную, и тысячу поединковъ между ними, не имѣющихъ никакой общей цѣли; пѣхоту, служащую живымъ валомъ для рыцарей и истребляемую безъ сопротивленія закованными въ желѣзо рыцарями. Французы были обязаны побѣдою случайному взятію въ плѣнъ, либо удаленію съ поля сраженія, главныхъ непріятельскихъ рыцарей.

Таково было состояніе военнаго искусства и въ продолженіе Крестовыхъ походовъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на главнѣйшія событія, ознаменовавшія стремленіе народовъ западной Европы на Востокъ и постараемся объяснить вліяніе этихъ предпріятій на общественный бытъ и на военное дѣло.

Давно уже путешествія въ Обѣтованную землю были въ обычаѣ у Христіянъ, обитавшихъ не только въ близкихъ, но и въ отдаленныхъ отъ Палестины странахъ. Аравитяне, сдѣлавшись обладателями ея, нисколько не притѣсняли благочестивыхъ пилигримовъ; Карлъ

Великій заключилъ съ Гарунъ-Аль-Рашидомъ договоръ, на основаніи котораго Калифъ обязался оказывать Христіянамъ покровительство. Путешествія, предпринимаемыя съ религіозною цѣлью, въ нѣкоторой степени послужили къ сближенію Запада съ Востокомъ въ торговомъ отношеніи. Но впослѣдствіи, когда Спрія находилась подъ властью Египетскихъ калифовъ, и въ особенности — по завоеваніи ея Сельджукскими Турками, Христіяне подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ. Какъ, въ это же самое время, Греческій императоръ Алексій I Комненъ просилъ помощи у папы Григорія VII противъ Турокъ, которые, овладѣвъ всею Малою Азіею, уже угрожали Константинополю, то властолюбивый папа, надѣясь воспользоваться слабостью Византійской имперіи и подчинить своему господству Греческую Церковь, пригласилъ властителей Запада къ войнѣ противъ невѣрныхъ. Самъ Григорій VII имѣлъ намѣреніе участвовать въ священной брани, но смерть положила предѣлъ — и необыкновенной его дѣятельности — и обширнымъ его предположеніямъ. Казалось — съ кончиною его должно было рушиться задуманное имъ предпріятіе.

Но внезапно явился бѣдный, дотолѣ неизвѣстный отшельникъ, которому суждено было привести въ исполненіе обширный планъ католическаго первосвященника. Совершивъ путешествіе ко гробу Спасителя, онъ видѣлъ оскорбленія, которымъ подвергались благочестивые странники; онъ самъ перенесъ обиды грубыхъ Сельджуковъ. По прибытіи въ Римъ (1088 г.), онъ явился къ папѣ Урбану II, начерталъ живыми красками горькую участь Христіянъ въ Палестинѣ и приглашалъ ополчиться всѣхъ желающихъ участвовать въ

священной войнѣ. «Самъ Спаситель явился мнѣ во снѣ «и повелѣлъ совершить это дѣло» говорилъ восторженной странникъ, и папа, убѣжденный имъ, послалъ его въ Италію и во Францію проповѣдывать въ городахъ и приготовить общественное мнѣніе къ исполненію обширнаго плана, задуманнаго Урбаномъ. Изнуренный голодомъ, жаждою и утомительнымъ странствованіемъ, безъ обуви, одѣтый въ рубище, *Петръ пустынникъ* — такъ звали благочестиваго странника — вскорѣ привлекъ на себя общее вниманіе, и, убѣждая своихъ слушателей пылкою рѣчью, внушая довѣріе къ себѣ строгою жизнью, призывалъ Христіянъ на брань противъ невѣрныхъ, для освобожденія Христова гроба. Его проповѣди имѣли необъятное вліяніе: отъ мала до велика, ополчались всѣ до кого только доходила вѣсть о священной войнѣ. Кромѣ увлекательнаго краснорѣчія Петра, кромѣ политической цѣли — ослабленія могущества Мусульманъ, грозныхъ для всей Европы—успѣху ополченія противъ невѣрныхъ много способствовало современное настроеніе умовъ ко всему чудесному, необыкновенному. Эта эпоха была временемъ юности обновленнаго Запада Европы, когда люди, сознавая крѣпость своихъ силъ, готовы были пускаться на самыя трудныя предпріятія; когда, для достиженія предположенной цѣли, они рѣшались переносить всевозможныя лишенія и жертвовать самою жизнью. Незадолго предъ тѣмъ, совершены были Норманами экспедиціи въ Сицилію и Исландію, далеко оставившія за собою, (какъ по затрудненіямъ встрѣченнымъ смѣлыми плавателями, такъ и по результатамъ ихъ предпріятій), столь прославленный въ древности походъ Аргонавтовъ. Въ числѣ воиновъ, готовыхъ къ ополченію противъ невѣрныхъ

были увлекаемые и другими побужденіями: люди бѣдные, задолжавшіе, надѣялись, предпринявъ походъ въ Палестину, не только избавиться отъ преслѣдованія заимодавцевъ, но и пріобрѣсть богатую добычу; а многіе земледѣльцы готовы были промѣнять жизнь, проводимую въ трудахъ и лишеніяхъ, на бродячую жизнь, которая обѣщала имъ болѣе неизвѣстной имъ свободы. Оставалось направить къ великой цѣли дѣятельность народовъ, едва лишь успѣвшихъ пріобрѣсть, послѣ многихъ переселеній, нѣкоторую осѣдлость, и скучавшихъ бездѣйствіемъ.

Самъ Урбанъ довершилъ дѣло начатое Петромъ пустынникомъ. На соборахъ, созванныхъ въ Піаченцу (въ мартѣ 1095 г.) и въ Клермонъ, въ Оверни, (въ ноябрѣ того же года), папа увлекательно представилъ великость предпринимаемаго подвига; тысячи людей всѣхъ народныхъ сословій воскликнули: «такъ хочетъ Богъ!» (Diex le voult!). Всѣ просили благословенія Урбана и въ знакъ участія въ общемъ дѣлѣ, нашили красный крестъ на правомъ плечѣ, что и подало поводъ къ названію Крестоносцевъ. Какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ обстоятельствахъ, пылкость воображенія и легковѣріе нашли себѣ обильную пищу. Одни замѣтили на небѣ огненный путь пролегавшій по направленію къ востоку; другіе — мечи, либо войска; одинъ священникъ видѣлъ двухъ огненныхъ рыцарей, сражавшихся между собою, при чемъ тотъ изъ нихъ, у котораго былъ на плечѣ крестъ, остался побѣдителемъ; разнесся даже слухъ, что Константинъ Великій возсталъ изъ мертвыхъ на гибель невѣрныхъ. Въ это самое время, открылась сильная эпидемическая болѣзнь, но она не только не остановила приготовленій къ походу, но

сочтена была Божескою карою за медленность и какъ бы понужденіемъ къ исполненію даннаго обѣта.

Какъ снабженіе на пути съѣстными запасами несмѣтнаго множества Крестоносцевъ представляло чрезвычайныя затрудненія, то положено было идти по разнымъ дорогамъ и соединиться въ Константинополѣ, но не было составлено ни какого общаго соображенія, которымъ опредѣлялись бы составъ и направленіе различныхъ колоннъ, и потому долженствовало случаться скопленіе множества людей на такихъ пунктахъ, которые не представляли никакихъ средствъ къ продовольствованію войскъ. Между тѣмъ, какъ владѣтельные князья формировали свои дружины, устроенныя подобно всѣмъ современнымъ феодальнымъ полчищамъ, Петръ пустынникъ и французскій рыцарь Вальтеръ Пексежо отправились, весною 1096 года, со множествомъ дурно вооруженныхъ людей, состоявшихъ почти исключительно изъ пѣхоты: это нестройное ополченіе почти вовсе было безъ денегъ, и потому для снисканія съѣстныхъ припасовъ принуждено было прибѣгнуть къ грабежу. Слѣдствіемъ того было истребленіе многихъ Крестоносцевъ Булгарами; остатки ихъ, не смотря на предостереженія греческаго императора Алексія Комнена, отправились въ Малую Азію противъ Турокъ и были истреблены, за исключеніемъ 3-хъ тысячъ человѣкъ бѣжавшихъ въ Константинополь вмѣстѣ съ Петромъ. Подобныя же безпорядочныя скопища, отправясь вслѣдъ за первыми въ Палестину, были истреблены въ Венгріи за совершенныя ими тамъ насилія. По самому умѣренному показанію, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, погибло на пути, отъ голода и отъ рукъ раздра-

женныхъ жителей Булгаріи и Венгріи, до ста тысячъ Крестоносцевъ.

Въ половинѣ августа того же года (1096), съ соизволенія императора Генриха IV, выступила въ походъ несравненно лучше устроенная армія Крестоносцевъ, въ числѣ 18-ти тыс. пѣхоты и 10-ти тыс. конницы, подъ начальствомъ Готфрида Бульонскаго. Хотя власть его надъ войскомъ была весьма ограничена, по множеству графовъ, рыцарей и другихъ знатныхъ лицъ ему сопутствовавшихъ, однакоже онъ умѣлъ сохранить въ своей арміи порядокъ и прибылъ безъ препятствія во Ѳракію. Почти въ одно время съ Готфридомъ прибыли въ Грецію ополченія, подъ начальстовомъ Гуго Вермандуаскаго, Роберта герцога Нормандійскаго, Роберта графа Фландрскаго, Раймонда Тулузскаго, Боэмунда принца Тарентскаго, и проч. Между тѣмъ — Алексій Комненъ, опасаясь, чтобы Крестоносцы, вмѣсто войны съ невѣрными, не обратились противъ одряхлѣвшей Византійской Имперіи, старался вредить имъ и мѣшать успѣху ихъ предпріятія. Только великодушіе Готфрида спасло на сей разъ слабую имперію и удержало Крестоносцевъ отъ явной войны съ Греками.

Въ маѣ 1097 года, собрались всѣ христіянскіе вожди съ ихъ войсками на необозримой равнинѣ въ окрестностяхъ Никеи; туда явился и Петръ. На общемъ смотру этого воинства, было до ста тысячъ конницы и до трехъ сотъ тысячъ довольно хорошо вооруженной пѣхоты; а съ монахами, нестроевыми, женщинами и дѣтьми, число Крестоносцевъ простиралось до 600 тысячъ. Армія эта уподоблялась вооруженной республикѣ: главнаго вождя не было, и единственною общею связью

войскъ служили чувство рыцарской чести и религіозное одушевленіе.

Военныя дѣйствія Крестоносцевъ начались осадою Никеи, города принадлежавшаго къ султанству Иконійскому, основанному Килиджъ-Арсланомъ (меченосным львомъ), по смерти Малека-Шаха, внука Тогрулъ-Бегова , въ 1092 году. Въ продолженіе этой осады, Греки открыли тайно переговоры съ жителями города и уговорили ихъ сдаться императору Алексію; греческія войска скрытно вошли въ городъ и водрузили на стѣнахъ его свои знамена къ удивленію и досадѣ Крестоносцевъ, которые явно были обмануты своими союзниками. Но не желая нарушить даннаго обѣта враждою съ христіянами, воины Готфрида, спустя девять дней по взятіи Никеи, выступили въ дальнѣйшій походъ; армія ихъ двинулась двумя колоннами, которыя слѣдовали безъ всякой связи между собою. Правая колонна, подъ начальствомъ Готфрида, Раймунда Тулузскаго, епископа Адемара и графовъ Вермандуаскаго и Фландрскаго, двигалась чрезъ Дорилейскую равнину, между тѣмъ какъ лѣвая, подъ предводительствомъ Боэмунда Тарентскаго, Танкреда, Роберта Нормандійскаго, и проч. вступила въ долину Горгони и 30-го іюня расположилась тамъ на ночлегъ при небольшой рѣчкѣ, (Батисъ, нынѣ Батунъ). На слѣдующій день, когда Крестоносцы сбирались выступить въ дальнѣйшій походъ, получено было отъ высланныхъ лазутчиковъ вѣстіе о наступленіи огромной непріятельской арміи. Боэмундъ, въ тотъ день командовавшій по очереди всѣми войсками колонны, немедленно сдѣлалъ распоряженія къ оборонѣ: изъ всѣхъ повозокъ построенъ былъ вагенбургъ, прикрытый съ фронта рѣчкою, а съ флан-

говъ — болотами; оборона этого вагенбурга, въ которомъ находились женщины, дѣти и всѣ немогшіе сражаться, поручена была пѣхотѣ; конница же раздѣлена на три части, изъ коихъ двѣ, подъ начальствомъ Танкреда и герцога Нормандійскаго, расположились въ нѣкоторомъ разстояніи по сторонамъ вагенбурга и составили вмѣстѣ съ нимъ боевую линію; а остальная кавалерія, подъ личною командою Боэмунда, стала сзади вагенбурга на возвышеніи, въ видѣ резерва; въ то же время, посланъ былъ небольшой отрядъ для извѣщенія Готфрида о наступленіи Турокъ. Едва лишь окончены были приготовленія къ бою, какъ Турки спустились съ высотъ къ рѣчкѣ, огласили окрестности ужаснымъ крикомъ, подобнымъ — по сказанію современныхъ лѣтописцевъ — голосу дьявола, и засыпали Христіянъ тучею стрѣлъ; пѣхота, укрывшаяся въ вагенбургѣ, и рыцари, покрытые латами, мало потерпѣли отъ этой стрѣльбы, но многія лошади были убиты, либо ранены. Крестоносцы, желая отмстить врагамъ, перешли въ безпорядкѣ черезъ рѣчку и казалось одного появленія ихъ на противулежащемъ берегу было достаточно для наведенія ужаса на невѣрныхъ; по мѣрѣ наступленія христіянскихъ рыцарей, Турки отступали, ограничиваясь стрѣльбою. Но какъ только Крестоносцы отдалились отъ своего лагеря, то Килиджъ-Арсланъ подалъ знакъ къ нападенію; по звуку трубъ и литавръ, несмѣтныя тучи непріятельскихъ всадниковъ устремились съ нѣсколькихъ сторонъ на изумленныхъ рыцарей; многіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ Робертъ Парижскій, погибли; прочіе смѣшались въ безпорядочную толпу. Между тѣмъ, какъ часть турецкой арміи сражалась противъ конницы Танкреда и герцога Норман-

дійскаго, другая обошла вагенбургъ и ворвалась въ него съ тыла. Самъ Боэмундъ съ резервомъ поспѣшилъ въ помощь пѣхотѣ и отразилъ непріятелей; тѣмъ не менѣе однакоже Крестоносцы претерпѣли чувствительный уронъ. Вскорѣ послѣ того — подошелъ Готфридъ съ 50-ю тысячами рыцарей, и Турки, устрашенные грознымъ видомъ его воинства, обратились въ бѣгство за рѣчку и заняли на высотахъ прежнюю свою позицію.

Но Крестоносцы, не довольствуясь отраженіемъ непріятеля, рѣшились атаковать его, и съ этою цѣлью снова построились къ бою: въ 1-й линіи, стала большая часть конницы, которой правымъ крыломъ командовали Готфридъ и графъ Блоаскій; центромъ, поддержаннымъ всею пѣхотою—Раймундъ, а лѣвымъ крыломъ — Боэмундъ и Танкредъ; резервъ находился подъ начальствомъ Адемара. Успѣхъ сраженія былъ рѣшенъ менѣе нежели въ одинъ часъ; Христіяне обошли Турокъ съ обоихъ фланговъ, между тѣмъ какъ резервъ Адемара ударилъ непріятелю въ тылъ. Турки, которые въ это время уже израсходовали всѣ свои стрѣлы, принуждены были вступить въ рукопашный бой; окруженные лѣсомъ копій и поражаемые тяжкими мечами покрытыхъ желѣзомъ рыцарей, они потерпѣли совершенное пораженіе и частью были истреблены, частью же обратились въ бѣгство, оставя свой лагерь въ добычу побѣдителямъ. Крестоносцы потеряли 4 тыс. человѣкъ, но за то Килиджъ-Арсланъ уже не отваживался искать съ ними встрѣчи, а довольствовался опустошеніемъ страны, чрезъ которую пролегалъ путь Христіянской арміи.

Побѣда въ долинѣ Горгони (при Дорилеумѣ, нынѣ

Эски-Шеръ), въ которой обнаружились военныя дарованія Готфрида и Боэ́мунда, внушила въ Крестоносцахъ уваженіе къ храбрости Турокъ и заставила Христіянъ, при дальнѣйшемъ движеніи, принять мѣры предосторожности, которыя они прежде считали излишними, и обезпечивать себя особыми частями войскъ высылаемыми впередъ и по сторонамъ главныхъ силъ. Но имъ угрожалъ новый, страшный непріятель — голодъ. По приказанію Килиджъ-Арслана, изъ Фригіи, страны безплодной и мало населенной, вывезены были всѣ съѣстные припасы, и потому Крестоносцы терпѣли въ нихъ большую нужду; невыносимый зной довершалъ ихъ бѣдствія. Въ это же время возникли раздоры между предводителями ихъ, Балдуиномъ братомъ Готфрида и Танкредомъ; слѣдствіемъ того было отдѣленіе дружины перваго отъ главныхъ силъ и движеніе Балдуина къ Эвфрату, на берегахъ котораго онъ основалъ самостоятельное владѣніе въ Эдессѣ. Всѣ же прочіе Крестоносцы собрались подъ Антіохіею и ограничились обложеніемъ этого города, потому что неимѣніе хорошей пѣхоты не позволяло имъ предпринимать правильныхъ осадъ. Вскорѣ безпорядокъ и легкомысліе, съ которыми Христіанскія войска расточали и истребляли средства окрестной страны, повлекли за собою недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, голодъ и смертность. Тогда военачальники, по совѣту благочестиваго Адемара, желая показать своимъ воинамъ, что испытаніе ихъ только лишъ началось, приказали вспахать и засѣять окрестныя поля. Но не смотря на примѣрную непреклонность вождей, многіе изъ Крестоносцевъ, совершенно потерявъ бодрость духа и позабывъ данный ими обѣтъ, бѣжали изъ лагеря. Доставка продовольствія и при-

бытіе моремъ новыхъ сподвижниковъ нѣсколько поправили положеніе осаждающихъ, но осада города нисколько не подвигалась впередъ, а между тѣмъ уже приближался въ помощь защитникамъ Антіохіи султанъ Мосульскій Кербога съ несмѣтнымъ ополченіемъ. Случай вывелъ Крестоносцевъ изъ отчаяннаго положенія. Боэмунду посчастливилось открыть сношенія съ ренегатомъ Пирромъ, которому ввѣрена была защита самой крѣпкой изъ городскихъ башень, и Крестоносцы, скрытно впущенные въ городъ, истребили гарнизонъ и жителей (3-го іюня 1098 г.). Такимъ то образомъ завоевана была Антіохія Христіянами послѣ 9-ти-мѣсячной осады. Но еще не успѣли они утвердиться въ городѣ, какъ явился Кербога съ многочисленною арміею и обложилъ Крестоносцевъ, которые вскорѣ будучи подвержены голоду, потеряли видъ благоустроеннаго войска. Многіе изъ нихъ, приведенные въ отчаяніе, передались Туркамъ и приняли магометанское исповѣданіе; прочіе утратили всякую надежду и не могли оказать сопротивленія непріятелямъ ежеминутно угрожавшимъ ворваться въ городъ. Въ такомъ положеніи находились Крестоносцы, когда священникъ Петръ Бартоломей объявилъ о являвшемся ему во снѣ четыре раза Апостолѣ Андреѣ, который открылъ ему въ церкви Св. Апостола Петра мѣсто, гдѣ находилось копье, коимъ нанесена была рана Спасителю. Дѣйствительно — это копье было найдено въ указанномъ мѣстѣ, и воины Христа, изнуренные лишеніями, но въ надеждѣ на помощь свыше, сдѣлали общую вылазку. Гордый Кербога, узнавъ о томъ, продолжалъ начатую имъ игру въ шахматы, но едва лишь прошло нѣсколько часовъ, какъ несмѣтныя полчища его были разсѣяны и самъ онъ съ

остатками ихъ бѣжалъ къ Евфрату. Къ сожалѣнію — это умилительное торжество истинной Вѣры помрачено было распрями христіянскихъ вождей за обладаніе Антіохіею, едва не дошедшими до кровопролитія, и только лишъ пламенное желаніе Крестоносцевъ достигнуть Іерусалима удержало ихъ на время отъ явной вражды между собою.

Въ іюнѣ 1099 года, христіянскія войска, въ числѣ 20-ти тыс. пѣхоты и 1500 всадниковъ, подошли къ Іерусалиму. Въ то время, священный градъ находился во власти Египетскихъ Калифовъ изъ династіи Фатимидовъ. Это обстоятельство благопріятствовало Крестоносцамъ, потому что Сельджукскіе владѣтели, ненавидя Калифовъ, не хотѣли препятствовать успѣхамъ Христіянъ въ Сиріи; тѣмъ не менѣе однакоже Іерусалимъ былъ обороняемъ сорока-тысячнымъ войскомъ. Но еще ужаснѣйшіе непріятели—голодъ и жажда—томили Крестоносцевъ; въ особенности же несносенъ былъ недостатокъ въ водѣ, въ знойную пору. Таково было положеніе дѣлъ, въ то время, когда въ Яфскую гавань вошелъ генуезскій флотъ съ съѣстными припасами, на которомъ находились также плотники искусные въ построеніи осадныхъ машинъ. Пользуясь этою неожиданною помощью и получа свѣдѣніе отъ перехваченнаго непріятельскаго лазутчика о наступленіи сильной египетской арміи въ помощь Іерусалимскому гарнизону, Крестоносцы рѣшились на приступъ, и, послѣ двухъ-дневнаго упорнаго боя, овладѣли городомъ, 15-го іюня 1099 года. Къ сожалѣнію— этотъ блестящій подвигъ повлекъ за собою истребленіе почти всѣхъ жителей города (какъ Мусульманъ, такъ и Евреевъ).

По завоеваніи Іерусалима, Крестоносцы, достигнувъ

главной цѣли предпринятаго подвига, поняли шаткость своего положенія: извнѣ угрожали имъ Сельджукскіе владѣтели и Калифъ Египетскій, а между собою они постоянно враждовали. Главною причиною тому была раздѣльность власти между многими князьями, находившимися въ христіянскомъ станѣ. Желая ввести дисциплину и порядокъ въ войска, вожди, по общему согласію, предложили господство надъ собою, вмѣстѣ съ королевскимъ титуломъ, Готфриду Бульонскому; но онъ не принялъ царственнаго вѣнца, довольствуясь названіемъ защитника Христова Гроба. И дѣйствительно — едва лишь исполнилось пламенное желаніе Христіянъ— водвориться въ Іерусалимѣ, какъ они должны были отстаивать его противъ многочисленной египетской арміи, подъ начальствомъ эмира Эль-Афдала. Узнавши о наступленіи непріятелей, Готфридъ двинулся на встрѣчу имъ къ Аскалону, близъ котораго на равнинѣ раскинутъ былъ станъ Лфдала. 12-го августа 1099 года, армія Готфрида, въ числѣ 20-ти тысячъ, построилась къ бою. Войска раздѣлены были на пять частей, изъ которыхъ три (Роберта Нормандійскаго, Роберта Фландрскаго и Танкреда), составлявшія боевую линію, долженствовали атаковать невѣрныхъ съ фронта, а остальныя двѣ (Раймунда Тулузскаго и самаго Готфрида), построенныя уступами за флангами боевой линіи, назначались для противодѣйствія непріятельскимъ обходамъ и для атаки на фланги египетской арміи. Всѣ части войскъ построены были такъ, что пѣхота находилась въ 1-й, а кавалерія во 2-й линіи. Не смотря на то, что мусульмане не разъ уже понесли наказаніе за свою самонадѣянность, Афдалъ тогда только принялъ мѣры предосторожности отъ нападенія Крестоносцевъ,

когда они уже подошли къ его стану. Войска его построились къ бою торопливо и въ безпорядкѣ: Египляне стали въ центрѣ; Турки на правомъ крылѣ; Эѳіопляне, съ палицами, и Мавры, на лѣвомъ крылѣ; впереди же находилась негритянская пѣхота, вооруженная луками и сплетенными изъ проволоки бичами. Число мусульманскихъ воиновъ простиралось, по свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, до 140 тысячъ человѣкъ, которыхъ большую часть составляла конница.

Крестоносцы начали бой тучею стрѣлъ, пущенныхъ пѣхотою, которая, вслѣдъ за тѣмъ, разомкнулась и пропустила впередъ рыцарскую конницу. Эти отборные всадники, подобно бурѣ, опрокинули все, что́ только находилось предъ ними. Герцогъ Нормандійскій, поразивъ множество враговъ, достигъ того пункта, на которомъ развѣвалось главное знамя Афдала и овладѣлъ имъ. Тогда Египтяне бросились къ морю, гдѣ находился ихъ флотъ, надѣясь найти себѣ тамъ убѣжище, но Раймундъ Тулузскій сталъ на пути ихъ, а Готфридъ, съ другой стороны, пресѣкъ отступленіе Туркамъ, которые покушались уйти въ горы. Афдалъ съ остатками своихъ полчищъ ушелъ въ Аскалонъ. Потеря мусульманъ вообще простиралась до 30-ти тысячъ; лагерь ихъ, съ несмѣтными богатствами, достался въ добычу побѣдителямъ, которыхъ уронъ не превосходилъ 500 человѣкъ.

По смерти Готфрида (1100 г.), господство надъ вновь-основанною державою перешло къ его брату Балдуину, который первый принялъ наименованіе короля. При немъ и при слѣдующемъ королѣ Балдуинѣ II, Крестоносцы одержали большіе успѣхи съ содѣйствіемъ итальянскихъ республикъ, помогавшихъ имъ изъ выгодъ для своей морской торговли.

Многіе города (Кессарія, Акконъ или Акра, Триполь, Сидонъ и Тиръ) были покорены христіянами. Владѣнія Крестоносцевъ обнимали пространство между Тарсомъ, Эдессою и Газою, такимъ образомъ, что въ Сиріи у Турковъ оставались только два небольшія владѣнія: Дамасское и Алепское. Что же касается до королевства Іерусалимскаго, то хотя князья Антіохійскій и Галилейскій, и графы Трипольскій и Эдесскій считались его вассалами, однакоже были почти совершенно отъ него независимы. Гораздо надежнѣйшими сподвижниками королей Іерусалимскихъ были рыцари орденовъ Св. Іоанна (съ 1100 г.) и Храма (съ 1118 г.). Вскорѣ явился опасный противникъ новаго государства въ лицѣ Зенги, сперва правителя, а потомъ владѣтеля Мосульскаго, который овладѣлъ Алеппомъ и пользуясь юностью Балдуина III, отнялъ у христіянъ Эдессу (1144 г.). Успѣхи сына его Нуреддина заставили императора Конрада III и короля французскаго Лудовика VII предпринять въ 1147 г. новый крестовый походъ (2-й), но вѣроломство Грековъ и несогласія возникшія между Крестоносцами повлекли за собою совершенную неудачу этого предпріятія (1149 г.).

Не долго продолжалось существованіе Царства Іерусалимскаго: чрезъ 88 лѣтъ по завоеваніи Іерусалима Крестоносцами, какъ сей городъ, такъ и почти всѣ прочія владѣнія ихъ, были отняты Саладиномъ. Этотъ знаменитый воинъ, сынъ Айюба, происходилъ изъ Курдскаго племени. Сначала онъ принималъ дѣятельное участіе въ покореніи Египта, находясь въ службѣ Нуреддина, а по смерти его, въ 1173 г. сдѣлался обладателемъ всей страны отъ Каира до Алеппа, обхватывавшей, въ видѣ дуги, королевство Іерусалим-

ское. Между тѣмъ, какъ государство, основанное Саладиномъ, возвышалось и усиливалось подъ мудрымъ его управленіемъ, христіянское королевство, въ продолженіе царствованія несовершеннолѣтнихъ государей (Балдуиновъ IV и V); волнуемое внутренними раздорами, быстро клонилось къ упадку; а Гвидо Лузиньянъ, восшедшій на престолъ въ 1186 году, слабый характеромъ и невнушавшій къ себѣ уваженія въ своевольныхъ вассалахъ своихъ, имѣлъ неосторожность вступить въ явную борьбу съ опаснымъ противникомъ.

Военныя дѣйствія между Крестоносцами и Сарацинами открылись въ 1187 году. Между тѣмъ, какъ Лузиньянъ, съ 2-мя тысячами рыцарей, и съ 50-ю тысячами пѣхоты, расположенъ былъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Сафоріи, Саладинъ опустошалъ страну, желая выманить христіянъ въ открытое поле, гдѣ войска его, легче вооруженныя нежели Крестоносцы, имѣли надъ ними значительныя выгоды. Напротивъ того — составъ Лузиньяновой арміи не подавалъ никакой надежды на успѣхъ дѣйствій. Рыцарская конница состояла изъ людей храбрыхъ, но, по чрезвычайно тяжелому вооруженію своему, не могшихъ ни переносить зноя — ни производить быстрыя продолжительныя движенія; къ тому же, они не имѣли нималѣйшаго понятія о воинской подчиненности и постоянно враждовали между собою. Что же касается до пѣхоты, то это былъ сбродъ большею частью плохо вооруженныхъ людей, не умѣвшихъ — ни владѣть оружіемъ — ни производить движенія въ стройномъ порядкѣ. Пока эта разнохарактерная армія оставалась въ укрѣпленномъ лагерѣ, она благодаря недостаточности средствъ современной тактики для атаки укрѣпленій — находилась въ

безопасности. Но когда — съ одной стороны — истощеніе запасовъ не позволило христіянамъ оставаться на мѣстѣ, а съ другой — Саладинъ, искусными маневрами, умѣлъ усилить самонадѣянность, всегда господствовавшую въ станѣ Крестоносцевъ, тогда они вышли изъ своего убѣжища. Саладинъ не принялъ боя, но сталъ отступать, увлекая за собою христіянъ, заманилъ ихъ въ степную мѣстность между Сафоріею и Тиверіадою, и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ своими легкими войсками, на пустынной горѣ, близъ Марескалліи. Крестоносцы находились въ ужасномъ положеніи: осыпаемые тучею стрѣлъ, томимые жаждою и изнуряемые зноемъ, они, сверхъ того, были обезпокоиваемы густымъ дымомъ, отъ горѣнія кустарниковъ у подошвы горы зажженныхъ Сарацинами. Желая достигнуть Тиверіады, Лузиньянъ напалъ на непріятелей; но войска Саладина, по прежнему, избѣгали рѣшительной встрѣчи, и отступали, дѣйствуя со всѣхъ сторонъ стрѣльбою: такимъ образомъ — обѣ арміи достигли Генисаретскаго озера близъ Тиверіады. Увидя воду христіяне бросились къ ней въ безпорядкѣ, чтобы утолить палящую жажду; многіе даже побросали оружіе, чтобы скорѣе достигнуть озера. Въ этотъ самый моментъ, мусульмане, замѣтя разстройство Крестоносцевъ, напали на нихъ со всѣхъ сторонъ. Графу Трипольскому съ его рыцарями удалось пробиться чрезъ густыя толпы Сарациновъ, но вмѣсто того, чтобы содѣйствовать выручкѣ прочихъ войскъ, онъ думалъ только о собственномъ спасеніи и обратился въ бѣгство. Остальные рыцари и пѣхота Лузиньяна частью были истреблены, а частью захвачены въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ были самъ король и главные христіянскіе военачальники.

Одержавъ побѣду, Саладинъ искусно ею воспользовался, покорилъ всю Сирію, и обложивъ Іерусалимъ, заставилъ защитниковъ его сдаться послѣ тридцати трехъ-дневной осады.

Паденіе Іерусалимскаго королевства заставило христіянъ предпринять еще нѣсколько Крестовыхъ походовъ: 3-й, 1189 — 1193 г. 4-й, 1202 — 1204 г. 5-й, 1217 — 1221 г. 6-й, 1228 — 1229 г. 7-й, 1248 — 1254 г. и 8-й въ 1270 году. Всѣ эти предпріятія отличались неосновательностью соображеній, несогласіемъ вождей, отсутствіемъ дисциплины и порядка въ войскахъ и неопредѣлительностью цѣли дѣйствій. Въ 4-мъ походѣ, Крестоносцы, вмѣсто освобожденія Іерусалима отъ господства невѣрныхъ, предприняли овладѣніе Константинополемъ и низложеніе Византійскихъ императоровъ, слѣдствіемъ чего было господство Французовъ въ Константинополѣ, которое продолжалось болѣе 50-ти лѣтъ. Междуусобія, возникшія между мусульманскими владѣтелями, способствовали императору Фридриху II, (въ теченіе 6-го крестоваго похода), по договору съ Султаномъ Египетскимъ Камелемъ, пріобрѣсть Іерусалимъ, въ 1229 году. Но Христіяне вскорѣ потеряли его: въ 1244 году, одинъ изъ сыновей Камеля, принявъ къ себѣ на службу дикія орды Ховаразмитовъ, кочевавшихъ на Евфратѣ и Тигрѣ, овладѣлъ Іерусалимомъ и почти всею Сиріею.

Основаніемъ соображеній Людовика IX, короля французскаго, въ экспедиціяхъ, предпринятыхъ имъ противъ мусульманъ, (7-й и 8-й крестовые походы) было то, чтобы овладѣвъ странами, составлявшими средоточіе могущества непріятелей, утвердиться въ нихъ, а потомъ уже приступить къ завоеванію Сиріи. Съ этою

цѣлью, король Людовикъ отплылъ въ Египетъ, высадилъ свою армію у Даміеты, (1249 г.) и овладѣлъ этимъ городомъ; но впослѣдствіи—сильное сопротивленіе Сарациновъ, въ особенности наносившихъ много вреда Крестоносцамъ употребленіемъ Греческаго Огня, и еще болѣе голодъ и повальныя болѣзни, ослабили христіянскую армію и повлекли за собою совершенную неудачу предпріятія задуманнаго Людовикомъ. Король со всею арміею попался въ плѣнъ и получилъ свободу только цѣною золота и возвращеніемъ Даміетты. Второй походъ его въ 1270 г. начавшійся высадкою Крестоносцевъ близъ развалинъ древняго Карѳагена, стоилъ потери множества воиновъ: самъ король былъ одною изъ жертвъ этого необдуманнаго предпріятія. Въ 1291-мъ году Акра, послѣдній изъ пунктовъ Сиріи остававшихся во власти христіянъ, сдѣлался достояніемъ Египетскихъ султановъ. Рыцари орденовъ, установленныхъ съ цѣлью защиты гроба Христова, удалились на островъ Кипръ. Въ началѣ XIV столѣтія, Тевтоническіе рыцари основали въ Курляндіи новое владѣніе, Іоганиты (впослѣдствіи Мальтійскіе кавалеры) водворились на островѣ Родосѣ, а рыцари Храма были уничтожены.

Причинами неудачи крестовыхъ походовъ были: во 1-хъ, *разнородность состава христіянскихъ армій*, представлявшихъ сборъ разноплеменныхъ и повиновавшихся различнымъ вождямъ дружинъ, отъ совокупности которыхъ невозможно было ожидать — ни единства въ дѣйствіяхъ—ни соблюденія дисциплины. Успѣхи, одержанные Крестоносцами, не могли быть прочны, потому что они, вмѣстѣ съ основаніемъ новыхъ христіянскихъ владѣній въ Азіи, перенесли туда феодальныя учрежденія, со всѣми ихъ неустройствами и

междуусобіями; во 2-хъ, *недостатокъ предусмотрительности:* многіе изъ Крестоносцевъ считали излишнимъ принимать мѣры для продовольствованія и содержанія ополченій направленныхъ въ Палестину съ благою цѣлью—освобожденія Христова гроба. Послѣдствіями такой беззаботности были: голодъ, безпорядки, грабежи и истребленіе многихъ Крестоносцевъ жителями опустошаемой ими страны. Въ 3-хъ, *вооруженіе и образъ дѣйствій не сообразныя съ мѣстностью и съ обстоятельствами.* Главную силу христіянскихъ армій составляла рыцарская конница, а между тѣмъ — Крестоносцамъ доводилось безпрестанно производить осады укрѣпленныхъ городовъ, при чемъ было бы гораздо полезнѣе имѣть хорошую пѣхоту; въ открытомъ же полѣ, легкая сарацинская конница имѣла большое превосходство надъ рыцарями обремененными тяжелымъ вооруженіемъ и нерѣдко изнемогавшими отъ зноя.

Вообще—Крестовые походы, предпринятые безъ всякаго соображенія съ средствами и обстоятельствами, и основанные болѣе на безотчетномъ увлеченіи, нежели на глубоко обдуманныхъ политическихъ расчетахъ, не достигли предположенной цѣли и стоили Западной Европѣ сотней тысячь сыновъ ея; но не должно полагать, чтобы эти жертвы принесены были безъ пользы. Напротивъ того—непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ походовъ было ослабленіе могущества мусульманъ, которые, будучи принуждены думать о собственной защитѣ, пріостановили на время свои наступательныя предпріятія угрожавшія самостоятельности европейскихъ государствъ; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Византійская имперія обязана была продолженіемъ существованія своего Крестовымъ походамъ, и хотя

Крестоносцы, изъ союзниковъ содѣлавшіеся врагами Грековъ, овладѣли Константинополемъ, однакоже господство ихъ тамъ было непрочно, и Византійскіе императоры владѣли послѣ Французовъ Константинополемъ въ продолженіи почти двухъ столѣтій (1261 - 1453 г.). Крестовые походы, послуживъ къ ослабленію своевольныхъ вассаловъ, на западѣ Европы, усилили власть государей, и были одною изъ главныхъ причинъ образованія средняго сословія. Экспедиціи, предпринятыя моремъ, послужили къ рязвитію искусства мореплаванія, къ успѣхамъ торговли и сближенію отдаленныхъ народовъ. Многія страны, остававшіяся доселѣ неизвѣстными, были извѣданы и описаны; исторія восточныхъ странъ сдѣлалась болѣе извѣстна, нежели прежде; врачебное искусство Аравитянъ отчасти сдѣлалось достояніемъ Европы. Что же касается до военнаго искусства, то оно осталось, послѣ Крестовыхъ походовъ, почти на той же степени, на которой стояло прежде. Крестоносцы, по возвращеніи въ Европу, стали дѣйствовать по прежнему, и даже понятіе о хорошей пѣхотѣ, видѣнной ими въ Сиріи, было утрачено. Употребленіе арбалетовъ (большихъ луковъ), перенятыхъ ими у мусульманъ, было въ началѣ запрещено папскою буллою, какъ слишкомъ вредное оружіе, которое допускалось только въ войнѣ противъ невѣрныхъ, а не въ войнахъ христіянъ между собою: все это подало поводъ къ заключенію, что «ополченія запада научились въ крестовыхъ походахъ только употребленію литавръ, таре-«локъ и барабановъ». Но благодаря успѣхамъ просвѣщенія, бывшимъ послѣдствіями сближенія народовъ въ этихъ походахъ, идеи о лучшемъ устройствѣ и вооруженіи пѣхоты, забытыя только на время, снова возни-

кли, были приведены въ исполненіе и впослѣдствіи послужили къ усовершенствованію Военнаго Искусства.

Недостатки феодальныхъ войскъ, какъ мы уже видѣли, побуждали къ употребленію найма при формированіи армій. Императоры Германскіе, въ Италіянскія войны, содержали на жалованіи нѣсколько тысячъ наемниковъ, подъ различными наименованіями, какъ то Брабансоновъ, Сервіентовъ (servientes) и солдатъ (soludarii). Впослѣдствіи — содержались наемныя войска также и во Франціи, но эти дружины (grandes compagnies) ни мало не походили на благоустроенное войско, а по корыстолюбію своему и по совершенному отсутствію въ нихъ дисциплины, были настоящими шайками разбойниковъ. Одновременно съ употребленіемъ наемныхъ войскъ образовались войска городскихъ общинъ (комуніальныя войска). Многіе города сѣверной Италіи, разбогатѣвъ торговлею и промыслами своихъ гражданъ и подвергаясь безпрестаннымъ притѣсненіямъ отъ своевольныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, завели собственныя дружины: это учрежденіе установилось подъ покровительствомъ власти императоровъ и послужило впослѣдствіи къ утвержденію ея на развалинахъ феодализма. То же самое случилось и въ Германіи. — Во Франціи же, сами короли, видя въ Италіи и Германіи на опытѣ выгоды комуніальныхъ войскъ, въ отношеніи къ противодѣйствію своевольнымъ вассаламъ, способствовали вооруженію городскихъ общинъ. Людовикъ VI первый воспользовался комуніальными войсками. Но должно замѣтить, что эти войска, состоявшія изъ сборища дурно вооруженныхъ и во все не воинственныхъ гражданъ, уподоблялись національной стражѣ новѣйшаго времени и въ рѣдкихъ только случаяхъ могли состязаться съ

грозными рыцарями. Слѣдовательно — вооруженныя силы Франціи до Карла VII, (котораго правленіе ознаменовалось учрежденіемъ постоянныхъ войскъ), состояли изъ дружинъ своевольныхъ вассаловъ, изъ плохихъ комуніальныхъ ополченій, и изъ небольшаго числа наемниковъ.

Совсѣмъ иное видимъ въ современныхъ военныхъ учрежденіяхъ Англіи. Чтобы устранить затрудненія, сопряженныя съ феодальными ополченіями, которыхъ срокъ службы не превышалъ шести недѣль, англійскіе короли стали освобождать своихъ вассаловъ отъ личной воинской повинности, замѣняя ее денежною платою и употребляя собираемыя суммы на содержаніе войскъ, набираемыхъ изъ средняго сословія на все время войны. Каждый владѣлецъ недвижимаго имѣнія, приносившаго болѣе 5-ти фунт. стерл: (около 30-ти руб. сер.) годоваго дохода, обязанъ былъ выставлять стрѣлка изъ лука, либо легко-вооруженнаго всадника, а каждый владѣлецъ земли, получавшій до 50-ти фунт. стерл. (около 300 руб. сер.) дохода, выставлялъ всадника въ полномъ вооруженіи, либо долженъ былъ явиться самъ на конѣ въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Каждый изъ воиновъ, подъ опасеніемъ обращенія въ вѣчное рабство, являлся во всемъ вооруженіи, два раза въ годъ, на смотръ, въ продолженіи котораго производились различныя воинскія упражненія, какъ то стрѣльба въ цѣль, и проч. Неослабное наблюденіе королевскихъ коммисаровъ, исправлявшихъ должность инспекторовъ войскъ, положило начало арміи, всегда готовой выступить въ походъ по востребованію правительства и несравненно лучше образованной, въ тактическомъ отношеніи, нежели современныя войска во Фран-

ціи. Главную силу англійской арміи составляли арбалетчики, или лучники, стрѣлявшіе изъ луковъ длиною въ шесть футовъ. Разстояніе, на которомъ они могли дѣйствовать большими стрѣлами, простиралось до 400 ярдовъ (болѣе 160 саж.). Стрѣлки обыкновенно строились въ нѣкоторомъ разстояніи между собою и во многихъ линіяхъ (такъ на прим. при Креси, они были построены въ 200 рядовъ и въ 40 шеренгъ) въ видѣ бороны (en herse). Этотъ родъ войска былъ такъ страшенъ для Французовъ, что короли ихъ, изъ дома Валуа, стали нанимать въ значительномъ числѣ Генуескихъ арбалетчиковъ.

Съ кончиною Карла IV, въ 1328 г. и съ восшествіемъ на французскій престолъ Филиппа VI, изъ дома Валуа, внука Филиппа Прекраснаго, возникъ новый поводъ къ несогласіямъ и безъ того уже существовавшимъ между Франціею и Англіею. Эдуардъ III, король англійскій домогался французской короны, въ качествѣ внука послѣдняго короля (по женской линіи). Французскіе государственные чины предпочли Филиппа, и самъ Эдуардъ торжественно призналъ его и присягнулъ въ вѣрности ему, какъ владѣтель области Гіене. Оба короля позабыли на время о раздѣлявшей ихъ враждѣ, будучи отвлечены посторонними предпріятіями: Эдуардъ обратилъ свои силы на покореніе Шотландіи, а Филиппъ занялся усмиреніемъ Фламандцевъ, возставшихъ противъ вассала его графа Фландрскаго Лудовика. Но когда богатый пивоваръ Яковъ Артевельдъ, ставъ въ челѣ мятежниковъ, предложилъ Эдуарду принять титулъ короля французскаго, чтобы Фламандцы могли признать его законнымъ своимъ властителемъ, въ 1337 г., тогда началась явная война между

Англіею и Франціею, продолжавшаяся, съ небольшими промежутками бездѣйствія, болѣе ста лѣтъ (1337-1453 г,) и извѣстная въ исторіи подъ названіемъ *Столѣтней* войны.

Въ продолженіе девяти лѣтъ (1337—1345 г.) ведены были враждебныя дѣйствія, на сушѣ и на морѣ, прерываемыя перемиріемъ, и не имѣвшія никакого рѣшительнаго результата. Въ 1346 году, Эдуардъ III, съ 15-ти тысячною арміею, сдѣлалъ высадку въ Нормандію, у мыса La Hogue, и пользуясь отсутствіемъ французскихъ войскъ, которыя тогда были собраны на югѣ, разорилъ всю окрестную страну; за тѣмъ—имѣя въ виду овладѣть городомъ Кале, и пріобрѣсть чрезъ то опорный пунктъ, весьма выгодный при вторженіяхъ во Францію, Эдуардъ направился къ Руану и хотѣлъ тамъ переправиться черезъ Сену; но мостъ у Руана былъ разрушенъ, а на другой сторонѣ рѣки стоялъ Филиппъ съ огромною арміею. — Напрасно Англичане дѣлали передвиженія вверхъ по рѣкѣ, желая обмануть осторожнаго непріятеля: Филиппъ неусыпно слѣдилъ за ними и постоянно находился въ готовности ихъ встрѣтить. Эдуардъ опустошалъ страну, надѣясь заманить Француэовъ на лѣвую сторону Сены и вступить въ бой, въ которомъ Англичане, имѣвшіе на своей сторонѣ выгоды тактическаго образованія и дисциплины, могли побѣдить враговъ, не смотря на превосходство ихъ въ числѣ войскъ. Но Филиппъ оставался хладнокровнымъ зрителемъ разоренія своихъ областей, предвидя, что оно, уничтоживъ средства къ продовольствованію войскъ, должно было обратиться во вредъ Англичанамъ. Наконецъ — Эдуардъ быстро двинулся отъ Поасси къ Парижу, заставилъ тѣмъ французскаго ко-

роля поспѣшить въ помощь своей столицѣ, а самъ внезапно обратился къ Поасси, устроилъ тамъ мостъ и перешелъ черезъ Сену. Король Филиппъ, узнавши о томъ, предложилъ Эдуарду вступить съ нимъ въ бой на равнинѣ Вожирарской, между Франконвилемъ и Понтоазомъ, но Эдуардъ, во все не помышляя о принятіи этого рыцарскаго вызова, спѣшилъ къ рѣкѣ Соммѣ, чтобы переправиться черезъ нее прежде нежели могла настигнуть его Филиппова армія.

Но когда Англичане прибыли на Сомму, тогда оказалось, до какой степени затруднительно было ихъ предпріятіе: всѣ мосты были разрушены; на противоположной сторонѣ рѣки, стоялъ 12-ти тысячный французскій отрядъ для встрѣчи Эдуарда съ фронта, между тѣмъ какъ главная Филиппова армія направилась въ тылъ непріятелю и находилась только въ одномъ переходѣ отъ Англичанъ. Казалось—участь Эдуарда должна была рѣшиться; но случай вывелъ его изъ положенія, въ которое онъ поставилъ себя, совершивъ высадку на такомъ пунктѣ, откуда для достиженія Кале должно было ему переправиться чрезъ двѣ значительныя рѣки. Одинъ изъ французскихъ крестьянъ, попавшійся въ плѣнъ къ Англичанамъ, указалъ имъ, въ сосѣдствѣ Аббевиля, Бланшташскій бродъ, имѣвшій твердый грунтъ и удобопроходимый при отливѣ даже для пѣхоты. Въ полночь, со всевозможною скрытностью, войска Эдуарда подошли къ указанному для переправы пункту, но туда же, по другому берегу, подоспѣлъ 12-ти тысячный французскій отрядъ. Съ нетерпѣніемъ выжидали Англичане отлива; наконецъ—когда наступилъ онъ, уже въ 10-мъ часу утра, Эдуардъ приказалъ своимъ войскамъ начать переправу; стрѣлки пустили ту-

чу стрѣлъ, но Французы, не смотря на то, кинулись въ бродъ на встрѣчу непріятелю; на самой срединѣ рѣки, завязался упорный бой. Въ это время, уже приближался Филиппъ со всею французскою арміею; отчаяніе заставило Англичанъ усугубить ихъ усилія; французскій отрядъ былъ опрокинутъ и войска Эдуарда успѣли переправиться. Въ этотъ самый моментъ войска короля Филиппа подошли къ рѣкѣ; но уже начинался приливъ, и Французы принуждены были оставаться въ бездѣйствіи свидѣтелями побѣды Эдуарда, который, вслѣдъ за тѣмъ, овладѣлъ городомъ Кротоа и большими складами тамъ находившимися.

Ободренный одержанными успѣхами, возвысившими духъ Англичанъ, либо не отваживаясь продолжать отступленіе въ открытой странѣ, въ виду многочисленной французской кавалеріи, Эдуардъ рѣшился остановиться и принять сраженіе. «Не стану отступать да«лѣе—сказалъ король, обратясь къ своей свитѣ—зем«ля эта принадлежитъ моей матери; я долженъ за«щищать свое достояніе.»

Мѣстность, избранная Эдуардомъ для расположенія войскъ, представляла выгоду въ оборонительномъ отношеніи, возвышаясь постепенно позади деревни Кресси. 26-го августа, на разсвѣтѣ, англійскія войска построились къ бою, по указанію самого короля, въ три линіи (battles, batailles). Въ первой, состоявшей подъ начальствомъ Принца Чернаго, сына Эдуардова, которому для совѣта приданы были лорды Варвикъ и Оксфордъ, находились 800 рыцарей, 1000 человѣкъ Валлійской пѣхоты, вооруженной копьями и мечами, и 2000 стрѣлковъ; вторая линія, находившаяся нѣсколько въ сторонѣ отъ первой, состояла изъ 800 рыцарей и 1200

стрѣлковъ, подъ начальствомъ лордовъ Нортгамптона и Аронделя; наконецъ — въ резервѣ, подъ личнымъ начальствомъ короля, стояли 700 рыцарей и 2000 стрѣлковъ. Число англійскихъ войскъ не превышало 9-ти тысячъ человѣкъ. Какъ непріятели еще не показывались, то Эдуардъ приказалъ своимъ воинамъ сѣсть, положить оружіе передъ собою и подкрѣпить себя пищею. Между тѣмъ — французская армія приближалась въ величайшемъ безпорядкѣ: пылкіе рыцари опередили пѣхоту, не смотря на то, что имъ приказано было построиться во второй линіи. Король Филиппъ, завидя Англичанъ, вышелъ изъ себя, (le sang lui mua, car il les haissait), и желая, какъ можно скорѣе завязать бой, приказалъ, чтобы Генуэзскіе стрѣлки, слѣдовавшіе въ арріергардѣ арміи, пробившись чрезъ находившіяся впереди ихъ толпы пѣшооты и конницы, начали сраженіе. Отъ этого — построеніе войскъ къ бою исполнено было съ чрезвычайнымъ замѣшательствомъ. Въ первой линіи расположились 15 тысячъ, (а по свидѣтельству другихъ всего—6 тысячъ) Генуэзскихъ стрѣлковъ; во второй — 4 тысячи рыцарей и значительная часть пѣхоты; въ резервѣ — французское дворянство и феодальныя дружины, подъ личнымъ начальствомъ короля Филиппа, при которомъ находились слѣпой король Богемскій Іоаннъ и сынъ его Карлъ. Число французскихъ войскъ простиралось до 8-ми тысячъ рыцарской конницы и 60-ти тысячъ пѣхоты.

Въ то самое время, когда французскія войска готовились атаковать Англичанъ, случилось солнечное затмѣніе, сопровождаемое сильнымъ дождемъ. Въ три часа по полудни, когда небо нѣсколько прояснилось, Генуэзскіе стрѣлки двинулись впередъ и открыли стрѣльбу,

но будучи осыпаны тучью стрѣлъ, брошенныхъ англійскими лучниками, подались назадъ. Графъ Алансонскій, братъ короля Филиппа, начальствовавшій объими передними линіями, выведенъ былъ изъ терпѣнія малодушіемъ Генуезцевъ до того, что сперва приказалъ рыцарямъ рубить бѣгущихъ, а потомъ — устремился съ рыцарскою конницею впередъ, пробиваясь силою сквозь опрокинутую первую линію. Въ продолженіи наступленія рыцарей, они много терпѣли отъ стрѣльбы Англичанъ и проходя сквозь толпу Генуезскихъ стрѣлковъ, приведены были въ разстройство; тѣмъ неменѣе однакоже храбрые рыцари дошли до первой линіи Англичанъ и аттаковали ее; Аронделъ и Нортгамптонъ ввели въ дѣло вторую линію; но Французы, не смотря на то, стали одерживать верхъ, и Варвикъ послалъ къ Эдуарду прося о помощи. «Скажите Вар-
«вику, что онъ не получитъ ее — отвѣчалъ король. «Пусть сынъ мой заслужитъ сегодня шпоры. Слава «этого дня должна принадлежать ему и его войскамъ.» Слова короля поселили необыкновенное одушевленіе въ Англичанахъ; между тѣмъ — графъ Алансонскій и многіе рыцари были убиты мѣткими англійскими стрѣлками; наконецъ—Французы стали отступать, не смотря на всѣ усилія своего короля, который сражался весьма храбро и подъ конмъ была убита лошадь; графъ Генегаускій помогъ ему сѣсть на другую и увлекъ его съ поля сраженія, гдѣ общій бой превратился во множество поединковъ. Въ числѣ погибшихъ былъ слѣпой король Богемскій, участвовавшій въ аттакѣ французскихъ рыцарей.

Къ вечеру, когда бой уже прекратился, Эдуардъ отправился къ войскамъ своего сына. «Ты сражался, «какъ рыцарь и показалъ себя достойнымъ меня и

«моей короны», сказалъ Король принцу. На слѣдующій день, посланъ былъ отрядъ, въ три тысячи воиновъ, для развѣданія о разбитой непріятельской арміи. Между тѣмъ — со всѣхъ сторонъ стекались комуніальныя войска, шедшія въ безпорядкѣ на усиленіе Французовъ и не знавшія о ихъ пораженіи; эти жалкія ополченія были истреблены почти безъ сопротивленія. Для вовлеченія въ засаду разсѣянныхъ Французовъ, Англичане поставили на высотахъ захваченныя знамена; Французы, считая ихъ сборными пунктами, подходили къ нимъ и были убиваемы. Въ этотъ день, погибло еще болѣе Французовъ, нежели наканунѣ; вообще же они потеряли: 90 князей и начальниковъ дружинъ; 1,200 рыцарей; 4,000 всадниковъ и до 30,000 пѣшихъ ратниковъ.—Виллани, въ сочиненіи своемъ *istoria de suoi tempi*, (заключающемъ въ себѣ изложеніе событій съ 1286 по 1348 годъ), говоритъ, что Англичане имѣли въ сраженіи при Кресси артиллерійскія орудія, но свидѣтельство его весьма сомнительно; да если бы въ этомъ сраженіи и была артиллерія, то она, по неудовлетворительности своего дѣйствія въ эту эпоху, не могла оказать никакого вліянія на успѣхъ боя. Англичане обязаны были побѣдою при Кресси—какъ порядку и дисциплинѣ своихъ войскъ, такъ и превосходству своихъ стрѣлковъ надъ Генуезскою легкою пѣхотою.

Спустя нѣсколько дней, Эдуардъ двинулся къ Кале и обложилъ этотъ городъ. Между тѣмъ — супруга его Филиппа выступила съ небольшою дружиною противъ короля Шотландскаго Давида Брюса, который, пользуясь отсутствіемъ Эдуарда, вооружился противъ Англіи; но храбрыя англійскія войска, подъ предводительствомъ Баліоля, одушевленныя подвигами Эдуарда, разбили на-

голову Шотландцевъ (въ октябрѣ 1346 года); самъ Давидъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Обложеніе Кале продолжалость цѣлые 11 мѣсяцевъ; весьма замѣчательно, что контръ и циркумъ-валаціонныя линіи Англичанъ состояли изъ отдѣльныхъ укрѣпленій, въ видѣ редутовъ. Эдуардъ, стоявшій несравненно выше своихъ современниковъ, въ отношеніи къ военному искусству, такъ былъ увѣренъ въ неприступности своего лагеря, что приказалъ показать его пойманнымъ лазутчикамъ короля Филиппа. Наконецъ— комендантъ Кале, храбрый Іоаннъ де Віеннъ принужденъ былъ сдаться; всѣ жители были высланы изъ города; Кале сдѣлался англійскою колоніею.

Потери, сопровожденныя съ веденіемъ войны, и моровая зараза, опустошавшая западную Европу, побуждали обѣ стороны къ уступчивости: папа Климентъ VI, пользуясь тѣмъ, склонилъ ихъ къ перемирію, которое, будучи возобновляемо нѣсколько разъ, продолжалось до 1355 года. Въ это время, война возгорѣлась снова, по случаю отказа Іоанна Добраго, сына и наслѣдника Филиппа VI, въ требованіи Эдуарда желавшаго уничтожить ленную зависимость владѣній своихъ во Франціи. Какъ эта зависимость могущественнаго вассала существовала только по имени, то и слѣдовало королю Іоанну отказаться отъ этого права; но онъ отвергъ требованіе Эдуарда. Слѣдствіемъ того было возобновленіе военныхъ дѣйствій (1355 г.): Принцъ Черный произвелъ высадку въ Бордо и разорилъ югозападную Францію, а самъ Эдуардъ, выступя изъ Кале, опустошилъ Пикардію.

Въ слѣдующемъ году (1356), король Іоаннъ, одержавъ нѣкоторые успѣхи въ Нормандіи, двинулся про-

тивъ Принца Чернаго, который, въ то время, наступалъ къ Лоарѣ. Іоаннъ, съ 60-тысячною арміею, успѣлъ предупредить его на этой рѣкѣ, уничтожилъ многіе мосты, а самъ, переправясь при Блоа, направился черезъ Амбоазъ къ Поатье, на сообщенія принца, который, между тѣмъ, занимался осадою Ромморантинскаго замка. При этой осадѣ, употреблены были съ пользою Англичанами артиллерійскія орудія (бомбарды) и Греческій Огонь. Наконецъ — овладѣвъ замкомъ, и узнавъ о движеніи Французовъ къ Поатье, принцъ двинулся туда и наткнулся на непріятельскій авангардъ у Мопертюи, въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Поатье. Войска его были въ пять разъ слабѣе числомъ французской арміи, но на сторонѣ его были выгоды не подлежащія никакому математическому расчету: тактическое искусство; образованіе войскъ; порядокъ, дисциплина и воспомнианіе прежнихъ успѣховъ.

Тѣмъ не менѣе однакоже огромное превосходство непріятелей въ числѣ войскъ заставляло принца сомнѣваться въ возможности одержать побѣду и побудило его къ открытію переговоровъ. Онъ предложилъ возвратить Іоанну всѣ свои завоеванія, добычу и плѣнныхъ, и невоевать цѣлыя семъ лѣтъ. Папскій легатъ Талейранъ-Перигоръ старался примирить враждующихъ, но король Іоаннъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ до тѣхъ поръ, пока принцъ и сто знатнѣйшихъ его рыцарей не сдадутся въ плѣнъ. Судьба войны должна была рѣшиться боемъ.

Но пока продолжались переговоры, Англичане успѣли укрѣпить занятую ими позицію. Она находилась въ сосѣдствѣ Бомонъ, на высотахъ Мопертюи, пересѣченныхъ заборами и кустарникомъ, къ вершинѣ которыхъ

можно было достигнуть только по весьма затруднительному дефиле. Прямо противъ всхода, на плато, расположены были кавалерія и пѣхота; стрѣлки же—частью построились въ видѣ бороны, впереди прочихъ войскъ—частью же были разсыпаны за заборами и въ кустахъ, по сторонамъ дефиле.

Чтобы овладѣть сею позиціею, Французамъ надлежало пройти весьма узкимъ фронтомъ чрезъ длинное дефиле, подвергаясь на каждомъ шагу дѣйствію мѣткихъ англійскихъ стрѣлковъ. На военномъ совѣтѣ, принято было мнѣніе Рибаумона, имѣвшаго славу опытнаго военачальника. По плану его, король Іоаннъ, рѣшился атаковать тѣснину рыцарями, изъ числа которыхъ только 300 должны были, двигаясь верхомъ въ головѣ колонны, проложить путь спѣшеннымъ рыцарямъ. Французская армія, въ числѣ 50-ти тысячъ, раздѣлена была на три части, каждая около 16-ти тысячъ: одна изъ нихъ расположилась противъ дефиле, а прочія, подъ начальствомъ короля и дофина, стали по сторонамъ первой, нѣсколько позади въ видѣ уступовъ.

Съ восходомъ солнца, 19-го сентября, французская колонна смѣло устремилась въ тѣснину, но едва лишъ она достигла средины дефиле, какъ была осыпана со всѣхъ сторонъ тучею стрѣлъ; люди и лошади смѣшались въ безпорядочную толпу; часть всадниковъ успѣла прорваться чрезъ тѣснину и кинулась на Англичанъ, но была истреблена еще не достигнувъ фронта непріятельскихъ войскъ. Въ этотъ самый моментъ, англійская кавалерія кинулась на головныя войска французской колонны, которыя, и безъ того уже будучи въ безпорядкѣ, обратились назадъ и опрокинули спѣшенныхъ рыцарей. Смятеніе центра сообщилось и лѣ-

вому крылу, а между тѣмъ — 600 Англичанъ, пользуясь высотою, скрывавшею ихъ наступленіе, обошли непріятеля съ лѣваго фланга, и вскорѣ Французы обращены были въ бѣгство; только одно лишъ правое крыло ихъ, подъ личнымъ начальствомъ короля, оставалось на полѣ сраженія, и хотя эти войска превосходили числомъ всю англійскую армію, однакоже Принцъ Черный рѣшился атаковать ихъ. Французы, возбужденные примѣромъ своего короля, сражались храбро, но наконецъ были разсѣяны и самъ король Іоаннъ взятъ въ плѣнъ.

Казалось — все было потеряно, и тѣмъ болѣе, что осиротѣвшая Франція сдѣлалась жертвою анархіи и междуусобій, но сынъ Іоанна Карлъ, (впослѣдствіи прозванный *Мудрымъ*), будучи объявленъ регентомъ, остановилъ успѣхи непріятелей Франціи. Зная несовершенство состава и тактическаго образованія своихъ войскъ, онъ сталъ избѣгать рѣшительныхъ сраженій, ограничиваясь дѣйствіями малой войны и оборонною городовъ. Англичане, удерживаемые на всякомъ шагу, должны были бороться съ трудностями и лишеніями; войска ихъ таяли. Король Эдуардъ, желая положить предѣлъ сопротивленію Французовъ, вступилъ съ сильною арміею чрезъ Кале во Францію и осадилъ Реймсъ, но не имѣлъ успѣха; за тѣмъ — покушался овладѣть Парижемъ, потерпѣлъ уронъ и принужденъ былъ отступить къ Шартру. Это отступленіе, совершенное въ зимнее время, сопряжено было съ такими бѣдствіями, что Эдуардъ, потерявъ надежду покорить Францію, заключилъ миръ въ Бретиньи, (8 мая 1360 г.), по которому король Іоаннъ получилъ свободу цѣною уступки Кале, югозападной части Франціи (древней Аквитаніи) и значительной суммы денегъ, а Эдуардъ отказался

отъ притязаній своихъ на французскій престолъ. Въ 1368 году, снова возгорѣлась война; Французы избѣгали рѣшительной встрѣчи, изнуряя непріятеля дѣйствіями малой войны, и отняли у Англичанъ почти всѣ области пріорѣтенныя побѣдами при Креси и Потье. Такимъ образомъ—дѣйствія французскихъ войскъ, въ этомъ періодѣ Столѣтней войны, подобно тому, какъ и дѣйствія Фабія во 2-ю Пуническую войну, доказали на опытѣ важную истину, что: во 1-хъ, какъ бы ни было велико числительное превосходство войскъ, оно можетъ служить залогомъ побѣды только въ такомъ случаѣ, когда на сторонѣ противника не существуетъ рѣшительнаго превосходства въ дисциплинѣ, порядкѣ и тактическомъ образованіи войскъ, и во 2-хъ, что когда войска противника имѣютъ несомнѣнный перевѣсъ въ тактическомъ образованіи и соблюденіи порядка и дисциплины, тогда должно избѣгать рѣшительныхъ сраженій, истощая непріятеля дѣйствіями малой войны, которыя послужатъ лучшею практическою школою для собственныхъ войскъ: дѣйствуя на сообщенія противника съ тѣми пунктами, на которыхъ устроены его магазины,—опустошая страну кругомъ его арміи,—заставляя противника совершать утомительныя движенія безъ рѣшительныхъ послѣдствій, и истребляя его войска по частямъ, можно довести непріятельскую армію до такого же ослабленія, до какого иногда доводитъ потеря генеральнаго сраженія. До тѣхъ поръ, пока Французы слѣдовали этой системѣ, до тѣхъ поръ всѣ усилія Англичанъ были безплодны.

Въ 1412 году англійскій король Генрихъ V, возсѣвъ на престолъ, по смерти отца своего Генриха IV, потребовалъ отъ французскаго правительства возвраще-

нія всѣхъ областей прежде завоеванныхъ Англичанами. Отказъ въ этомъ требованіи былъ поводомъ къ возобновленію войны, прерванной, въ продолженіе 18-ти лѣтъ, междуусобіями волновавшими Францію и Англію. Въ 1415 году, Генрихъ V высадилъ въ Гавръ-де-Грасѣ армію, въ числѣ 16-ти тыс. человѣкъ тяжелой конницы и 24-хъ тыс. стрѣлковъ, и осадилъ Гарфлёръ съ сухаго пути и съ моря. Городъ сей былъ обнесенъ земляным валомъ со рвомъ; въ исходящихъ частяхъ устроены были башни, а передъ ними земляные верки, въ родѣ бастіоновъ. Осаждающіе приближались къ укрѣпленіямъ постепенно, сооружая аппроши и траншеи, въ которыхъ находились батареи, имѣвшія большое вліяніе на успѣхъ осады (вѣроятно по причинѣ слабости укрѣпленій города). Но мѣры, принятыя Генрихомъ для продовольствованія своихъ войскъ, были столь неудовлетворительны, что въ продолженіе пятинедѣльной осады, оканчившейся взятіемъ города, англійская армія отъ голода и болѣзней уменьшилась почти въ половину. За тѣмъ — Генрихъ V двинулся чрезъ Пикардію къ Кале и будучи преслѣдованъ превосходною въ силахъ французскою арміею, подъ начальствомъ коннетабля д'Альбре, успѣлъ, не смотря на то, перейти въ бродъ черезъ Сомму. Французы, которые, до того времени, весьма благоразумно ограничивались дѣйствіями малой войны, были озлоблены успѣхомъ переправы Англичанъ до такой степени, что рѣшились вступить въ сраженіе. Герольды, посланные къ Генриху, для объявленія ему объ этомъ намѣреніи, спросили у короля, по какой дорогѣ направится его армія. «Я пойду «прямо на Кале, не избѣгая съ вами встрѣчи, но я не «желаю пролитія христіянской крови», — отвѣчалъ

Генрихъ. 24-го октября, англійская армія остановилась на ночлегѣ у Мезонсель, между тѣмъ какъ французская расположилась на позиціи близъ Азинкура. Ночь съ 24-го на 25-е и все послѣдующее утро проведены были Французами въ шумномъ веселіи и хвастливыхъ вызовахъ; нѣкоторые изъ рыцарей уже разсуждали о томъ— какую назначить цѣну за выкупъ англійскаго короля, ежели имъ удастся взять его въ плѣнъ.

Напротивъ того — коннетабль д' Альбре, помня пораженія понесенныя Французами при Креси и Поатье, не раздѣлялъ самонадѣянности своихъ подчиненныхъ, и желая усилить свою армію расположеніемъ на мѣстности выгодной для обороны, занялъ позицію между Азинкуромъ и Фрамкуромъ. Французскія войска построились на этой позиціи въ три линіи, изъ коихъ каждая состояла изъ 20-ти—30-ти шеренгъ; вся тяжелая конница, за исключеніемъ 2-хъ тыс. рыцарей, была спѣшена и поставлена въ первую линію; а рыцари на коняхъ — по флангамъ. Дождливая погода удержала въ бездѣйствіи обѣ стороны; наконецъ—въ два часа по полудни, король Генрихъ, видя, что коннетабль не рѣшался атаковать его, и зная, что замедленіе на походѣ могло быть гибельно для англійскихъ войскъ, терпѣвшихъ недостатокъ въ продовольствіи, двинулся въ атаку съ небольшою своею арміею (12 тысячъ пѣхоты и 2 тыс. всадниковъ); войска его построены были въ три линіи, изъ которыхъ въ первой стояли стрѣлки. Малочисленность Англичанъ заставила построить каждую изъ линій не болѣе какъ въ четыре шеренги. Фланги первой линіи, при наступленіи, были обезпечены небольшими лѣсами; для охраненія же фронта отъ непріятельской конницы, многіе изъ стрѣлковъ имѣли съ

собою заостренныя съ обоихъ концовъ жерди, которыя, будучи воткнуты наклонно въ землю, служили защитою.

Между тѣмъ, какъ наступала англійская армія, Французы, едва удерживаемые на мѣстѣ своими военачальниками, съ такимъ нетерпѣніемъ рвались въ бой, что почти всѣ рыцари, командовавшіе во 2-й и 3-й линіяхъ войсками городскихъ общинъ, оставили свои мѣста и присоединились къ первой линіи: такимъ образомъ — задніи линіи остались безъ начальниковъ.—Король англійскій, подойдя къ непріятельской позиціи на разстояніе около версты, и видя, что Французы оставались на мѣстѣ, остановилъ свои войска, велѣлъ имъ подкрѣпить себя пищею, и пользуясь лѣсистою мѣстностью, отправилъ скрытно два отряда, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ расположиться въ засадѣ на лѣвомъ флангѣ Французовъ, а другой — зайти имъ въ тылъ. — Вслѣдъ за тѣмъ — Англичане двинулись въ атаку. Коннетабль д'Альбре, желая остановить ихъ, приказалъ своей кавалеріи атаковать стрѣлковъ; но она едва могла двигаться по вязкому болотистому лугу и потерпѣвъ огромный уронъ отъ дѣйствія англійскихъ стрѣлковъ, понеслась назадъ и разстроила густые ряды собственной 1-й линіи. Стрѣлки, пользуясь этимъ случаемъ, кинулись съ мечами и сѣкирами на безпорядочныя толпы непріятельскія и истребили множество рыцарей; самъ коннетабль былъ убитъ. Король англійскій, подоспѣвъ между тѣмъ съ своими рыцарями на мѣсто побоища, остановилъ стрѣлковъ, устроилъ ихъ въ порядокъ и аттаковалъ вторую линію французской арміи. Бой возобновился съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ; самъ король принялъ въ немъ личное участіе и подвергался величайшей опасности: герцогъ Алан-

соискій однимъ ударомъ сбилъ съ коня герцога Іоркскаго, а другимъ разсѣкъ шлемъ короля; но когда герцогъ былъ убитъ, то и вторая линія французскихъ войскъ обратилась въ бѣгство. Третья же линія, атакованная одновременно съ фронта и тыла, защищалась весьма слабо и вскорѣ была разсѣяна. Французы потеряли убитыми до 8-ми тыс. рыцарей и оруженосцевъ и до 1,200 человѣкъ пѣхоты; со стороны же Англичанъ было убитыми и ранеными 1,600 человѣкъ.

Разсматривая сраженіе при Азинкурѣ, находимъ, что главными причинами потери его Французами были: во 1-хъ, неосновательныя распоряженія коннетабля, который, занявъ довольно сильную позицію, самъ лишилъ себя ея выгодъ, послав въ атаку рыцарей и необративъ вниманія на лѣсъ, въ сосѣдствѣ фланга французской арміи; во 2-хъ безпорядокъ, господствовавшій во французскихъ войскахъ. Король Генрихъ весьма искусно воспользовался ошибками и оплошностью непріятелей, но не извлекъ изъ одержанной имъ побѣды никакихъ результатовъ.

Французскіе короли, убѣдясь на опытѣ въ превосходствѣ англійской военной системы, обратили вниманіе на улучшеніе своихъ вооруженныхъ силъ. Съ этою цѣлью, они стали нанимать Шотландскихъ стрѣлковъ; а въ 1444-мъ году король Карлъ VII приступилъ къ учрежденію постоянныхъ войскъ. Какъ въ эту эпоху все еще господствовала идея о безусловномъ превосходствѣ кавалеріи надъ пѣхотою, (*) то сперва учреждена бы-

---

(*) Въ сущности, всѣ роды войскъ, нынѣ существующіе на основаніи опыта многихъ столѣтій, равно полезны — равно необходимы, и только сообразно мѣстности и прочимъ обстоятельствамъ, одинъ родъ войска можетъ быть употребляемъ преимущественно предъ другимъ. Преимущество

ла постоянная конница, въ составѣ 15-ти ордонансъ—ротъ (compagnies) каждая въ 600 всадниковъ (100 рыцарей, 100 оруженосцевъ, 100 пажей и 300 конныхъ стрѣлковъ): слѣдовательно постоянная конница Карла VII состояла въ числѣ 9-ти тысячъ различно вооруженныхъ всадниковъ. Въ бою, первая линія состояла изъ 1500 жандармовъ, имѣвшихъ рыцарское вооруженіе и построенныхъ въ одну шеренгу (en haie); за ними располагались въ двухъ линіяхъ оруженосцы и пажи, вооруженные нѣсколько легче жандармовъ, а впереди строя дѣйствовали въ разсыпную конные стрѣлки.

Это постоянное войско находилось на жалованіи выдаваемомъ отъ правительства, и будучи постоянно обучаемо верховой ѣздѣ и дѣйствію оружіемъ, сдѣлалось лучшею конницею въ Западной Европѣ.—Въ 1448-мъ году, Карлъ VII, желая имѣть тоже корпусъ постоянной пѣхоты, но не находя средствъ къ содержанію его на казе́нный счетъ, повелѣлъ, чтобы каждый приходъ выставилъ и содержалъ постоянно одного человѣка способнаго къ стрѣльбѣ изъ лука; эти люди, освобожденные отъ всякой другой повинности, назывались въ народѣ *вольными стрѣлками* (francs archers); ихъ было 16 тысячъ.—Вооруженіе ихъ состояло изъ легкихъ латъ и шлема, меча и копья, либо арбалета. Вся эта постоянная пѣхота была раздѣлена на 4 полка (bandes), а каждый полкъ на 8 ротъ (compagnies) по 500 человѣкъ въ каждой. Учрежденіе постоянныхъ войскъ и образованіе народныхъ дружинъ нанесло послѣдній ударъ

же, приданное въ средніе вѣка кавалеріи, происходило, какъ мы уже видѣли, единственно отъ того, что въ это время пѣхота была весьма дурно устроена.

рыцарству, и безъ того уже тогда пришедшему въ упадокъ.

Улучшенія военной системы во Франціи, вмѣстѣ съ безпорядками и смутами раздиравшими Англію, повлекли за собою перевѣсъ Французовъ надъ Англичанами и изгнаніе послѣднихъ изъ Франціи; во власти ихъ оставался только Кале до 1558 года.

Людовикъ XI, цѣлью котораго постоянно было обузданіе самовольныхъ вассаловъ, а средствомъ — благоустроенныя войска, убѣдясь въ недостаткахъ французской пѣхоты, составленной изъ 16-ти тыс. вольныхъ стрѣлковъ, и многочисленныхъ, но во́-все не воинственныхъ комуніальныхъ дружинъ, рѣшился замѣнить, какъ тѣ, такъ и другія, вербованными войсками. Средства къ тому нашелъ онъ въ улучшенной системѣ государственныхъ финансовъ. Эти войска, не смотря на разнородный составъ свой, отличались, благодаря строгой дисциплинѣ и безпрерывному обученію, порядкомъ и тактическимъ обарзованіемъ. Въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XI, постоянная его армія состояла изъ 50-ти тыс. пѣхоты, 5-ти тыс. жандармовъ (тяжелой конницы) и 20-ти тыс. прочей конницы. Кромѣ того король, по договору (aimable union) съ Швейцарцами, обязался платить имъ извѣстную сумму и помогать въ ихъ войнахъ, за что они, съ своей стороны, должны были, въ случаѣ нужды, выставлять на службу французскому правительству до 6000 и болѣе войскъ. Этотъ договоръ можно считать эпохою появленія наемныхъ швейцарскихъ дружинъ, уже прославившихся въ войнахъ противъ герцоговъ австрійскихъ, и впослѣдствіи игравшихъ важную роль въ войнахъ Западной Европы.

Еще прежде начала столѣтней войны, появилась первая хорошо устроенная пѣхота въ Швейцаріи. Бѣдные,

но окрѣпшіе въ междуусобныхъ распряхъ Швейцарцы, въ начал ѣ не имѣли средствъ добывать предохранительное вооруженіе; ихъ оружіе состояло преимущественно изъ длинныхъ пикъ; но нѣкоторые были вооружены тяжелымъ мечемъ, которымъ можно было дѣйствовать не иначе, какъ обѣими руками. Боевой строй ихъ, имѣвшій, по глубинѣ и непроницаемости своей, сходство съ греческою фалангою, назывался *ежомъ* (herisson), потому что представлялъ какъ-бы лѣсъ составленныйизъ копій.

Обратимся къ событіямъ, ознаменовавшимъ основаніе самостоятельнаго быта Швейцаріи.

Гельвеція, въ концѣ XI столѣтія, пожалована была императоромъ Генрихомъ IV герцогу Цирингенскому Бертольду, и подъ управленіемъ его потомковъ находилась въ цвѣтущемъ состояніи; по пресѣченіи же этого дома въ 1218-мъ г., страна отошла къ имперіи и была управляема австрійскими намѣстниками, которыхъ высокомѣріе и жестокость подали жителямъ Швица, Ури и Унтервальдена поводъ къ возстанію. Образованіе союза этихъ трехъ кантоновъ (областей) послужило началомъ швейцарскому союзу, а признаніе правъ ихъ императоромъ германскимъ Генрихомъ VII (Люксембургскаго дома) еще болѣе озлобило владѣтелей Австріи. Въ 1315-мъ году, герцогъ Леопольдъ съ сильнымъ ополченіемъ, къ которому присоединился цвѣтъ германскаго рыцарства, двинулся въ Швейцарію для наказанія непокорныхъ ея обитателей.

Узнавши о вторженіи врага, Швейцарцы, по совѣту опытнаго Реднига, собрались въ тѣснинѣ при Моргартенѣ (въ 12-ти верстахъ къ югу отъ Цуга). Число этихъ ратниковъ, вооруженныхъ копьями, булавами и алебардами, не превосходило 1300. Изгнанники изъ Швей-

царіи, въ числѣ 50-ти, узнавши объ опасности угрожавшей отечеству, предложили содѣйствовать въ защитѣ своимъ единоземцамъ, но не были ими приняты, а получили дозволеніе дѣйствовать отдѣльно и расположились на скалахъ возвышавшихся надъ тѣсниною, чрезъ которую надлежало проходить непріятелямъ.

15-го ноября, армія герцога Леопольда, въ числѣ 4-хъ тысячъ тяжелой конницы и 8-ми тысячъ пѣхоты, вступила въ Цугскую тѣснину, ограниченную съ права отъ нихъ озеромъ Эгери, а слѣва — крутыми горами. Рыцарская конница составляла главную силу этой арміи, но она не могла дѣйствовать съ успѣхомъ на той мѣстности, гдѣ ожидали ее Швейцарцы. Едва лишь гордые рыцари вступили въ тѣснину, внезапно посыпались на нихъ камни и бревна, за ранѣе приготовленныя изгнанниками; между тѣмъ ландманъ Лотольдъ расположилъ свою дружину при выходѣ изъ дефиле, чтобы встрѣтить тамъ разстроенную и обезсиленную непріятельскую армію. Узнавши объ успѣхѣ дѣйствій изгнанниковъ, онъ отправилъ къ нимъ подкрѣпленіе, а самъ атаковалъ съ фронта головную часть непріятельской колоны. Австрійскіе рыцари, стѣсненные въ узкомъ пространствѣ и поражаемые съ фронта и лѣваго фланга, обратились въ бѣгство и смяли собственную пѣхоту: слѣдствіемъ того было совершенное разстройство австрійской арміи, которая потеряла до 1500 человѣкъ; со стороны Швейцарцевъ, уронъ не превосходилъ 14 человѣкъ.

Успѣхъ сраженія при Моргартенѣ увеличилъ Швейцарскій Союзъ присоединеніемъ Луцерна, а потомъ Цуриха, Берна и проч. Впродолженіи многихъ лѣтъ, Герцоги Австрійскіе не принимали прямаго участія въ дѣйствіяхъ Союза, довольствуясь поддержаніемъ рыцарей враждо-

вавшихъ съ нимъ; но наконецъ, въ исходѣ XIV столѣтія, отважный Леопольдъ рѣшился возстановить силою оружія права свои на обладаніе Швейцаріею. Въ 1386 году, двинулся онъ изъ Бадена къ Луцерну съ 4-мя тысячами рыцарей и 20-ю тысячами пѣхоты. Разногласіе Швейцарцевъ подавало ему надежду на успѣхъ; жители южныхъ кантоновъ едва могли собрать 1400 воиновъ, которыми начальствовали Конрадъ Фонъ Аттингаузенъ, Арнольдъ Фонъ Винкельридъ и Арнольдъ Фонъ Рединтъ.

Между тѣмъ—войска герцога Леопольда вторгнулись въ Швейцарію тремя колонами, изъ которыхъ главная состоявшая изъ 6-ти тыс. отборныхъ войскъ, (въ числѣ которыхъ было до 4-хъ тыс. рыцарей), подъ личнымъ начальствомъ герцога, должна была направиться отъ Аарау, чрезъ Семпахъ, къ Луцерну. За нею слѣдовали тяжелыя бомбарды для дѣйствія при осадѣ Семпаха. Швейцарцы, въ числѣ 1400 человѣкъ, расположились, для встрѣчи непріятелей, близъ сего города, въ разстояніи полуперехода отъ Луцерна, на лѣсистой горѣ, въ глубокомъ строю, въ видѣ клина. Оружіе ихъ состояло изъ копій, палицъ, алебардъ и тяжелыхъ мечей; одни изъ нихъ имѣли шлемы и латы; другіе—щиты, либо замѣняли ихъ небольшими досками, привязанными на груди, или къ лѣвой рукѣ.

9-го Іюля, рыцари, уже находившіеся въ виду Швейцарцевъ, замѣтя малочисленность ихъ, просили, чтобы, не дожидаясь пѣхоты, вели ихъ на бой съ непріятелями. Какъ мѣстность представляла затрудненія къ дѣйствію конницы, то герцогъ приказалъ рыцарямъ спѣшиться; лошади были отведены назадъ. Изъ 4-хъ тысячъ рыцарей образовалась густая фаланга, состоявшая болѣе нежели изъ тридцати шеренгъ; длинныя пики нѣсколькихъ шеренгъ, выдаваясь изъ передней,

представляли грозный видъ желѣзной стѣны, готовой обрушиться на малочисленныхъ непріятелей. Начальники Швейцарцевъ объявили своимъ подчиненнымъ, что всякій изъ нихъ, который не рѣшается сразиться, по крайней мѣрѣ, съ четырьмя Австрійцами, можетъ удалиться съ поля сраженія. Только сто воиновъ воспользовались этимъ позволеніемъ; остальные двинулись противъ рыцарей. Но тщетно покушались они пробиться чрезъ лѣсъ непріятельскихъ копій; гордые рыцары, заранѣе торжествуя побѣду, уже стали обходить ихъ съ фланговъ. Но въ эту самую минуту, дѣло приняло иной оборотъ: Арнольдъ Фонъ Винкельридъ, Унтервальденскій дворянинъ, рѣшась пожертвовать собою для общаго спасенія, обратился къ своимъ соотечественникамъ и воскликнулъ: «не забудьте жены и дѣтей моихъ! За мною!» Съ этими словами мужественный Винкельридъ бросился на лѣсъ непріятельскихъ копій, и захвативъ ихъ сколько могъ обѣими руками, встрѣтилъ ихъ своею грудью и открылъ путь къ побѣдѣ швейцарскимъ воинамъ; тогда Унтервальденцы дружно устремились въ отверстіе образовавшееся среди австрійской фаланги; ихъ короткіе мечи и сѣкиры давали имъ рѣшительное превосходство надъ рыцарями, которые въ тѣснотѣ не могли дѣйствовать своими длинными мечами и копьями. Австрійцы потеряли до 2-хъ тыс. убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и герцогъ Леопольдъ, и принуждены были отступить; весь лагерь ихъ и множество знаменъ достались побѣдителямъ, коихъ уронъ не превосходилъ 200 человѣкъ.

Безпрестанныя войны Швейцарцевъ съ ихъ сосѣдями послужили къ поддержанію воинскаго духа въ народѣ и къ довершенію тактическаго образованія ихъ пѣхоты, которая, по свойству страны, составляла исключительно

вооруженную ихъ силу и удержала на долго первенство надъ пѣхотою прочихъ націй Западной Европы, что́ подтвердилось успѣхомъ борьбы ихъ съ Карломъ Смѣлымъ.

Отлагая впредь изложеніе этой войны, бросимъ взглядъ на состояніе военнаго дѣла у народовъ Западной Европы, въ половинѣ XV столѣтія; т. е. въ ту эпоху, когда огнестрѣльное оружіе вошло во всеобщее употребленіе, хотя еще нигдѣ не умѣли употреблять его съ пользою.

Въ это время, какъ мы уже видѣли, опытъ показалъ недостатки прежнихъ воинскихъ учрежденій и заставилъ ввести многія полезныя преобразованія. Такимъ образомъ—мало по малу—исчезали аллодіальныя ополченія и феодальныя дружины; а въ замѣну ихъ учреждены были комуніальныя, а потомъ — наемныя и постоянныя войска. Пѣхота снова пріобрѣла то важное значеніе, которое она всегда имѣла и будетъ имѣть во всѣхъ благоустроенныхъ арміяхъ: этимъ обязана была пѣхота лучшему вооруженію и строю, которые дали ей возможность дѣйствовать съ выгодою на мѣстности недоступной для конницы. Фортификація и Поліорцетика, которыя, въ Западной Европѣ, большею частью, ограничивались обороною и атакою замковъ, служившихъ убѣжищемъ феодальнымъ владѣльцамъ, получили большее развитіе и примѣненіе въ Крестовыхъ походахъ. — Вообще — военныя учрежденія этого времени представляютъ какъ бы начатки будущихъ улучшеній и преобразованій. Но нужно было еще нѣсколько вѣковъ; нужно было много усилій и неудачныхъ попытокъ, чтобы военное искусство на время забытое, какъ и всѣ геніальныя созданія Грековъ и Римлянъ, возникло изъ развалинъ и пепла, подобно фениксу, и достигло настоящаго своего состоянія.

Состояніе военнаго искусства въ Западной Европѣ отъ повсемѣстнаго употребленія въ Европѣ огнестрѣльнаго оружія до Густава-Адольфа (отъ половины XV до начала XVII столѣтія).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣланіе пороха и изготовленіе изъ него различныхъ горючихъ издѣлій, съ незапамятныхъ временъ, извѣстны были въ Азіи, и что—какъ порохъ, такъ и артиллерійскія орудія—гораздо позже появились въ Европѣ. Но обитателямъ нашей части свѣта суждено было сдѣлать такое примѣненіе силы пороха къ военному дѣлу, которое мало по малу, совершенно измѣнило образъ дѣйствій войскъ. Для этого нужно было значительное время—нѣсколько столѣтій. Цѣлью нашею есть изложеніе хода и усовершенствованій военнаго дѣла, и потому не вдаваясь въ изслѣдованіе вопросовъ—когда и гдѣ именно первона-

чально появились въ Европѣ порохъ и артиллерійскія орудія, постараемся объяснить постоянное вліяніе этихъ нововведеній—какъ на дѣйствія войскъ въ бою, такъ и на образъ веденія войны.

Первоначальныя артиллерійскія орудія, появившіяся въ Западной Европѣ около половины XIV столѣтія, подъ именемъ *бомбардъ*, были малы, коротки, тяжелы, имѣли дурно устроенные станки, стрѣляли каменными ядрами, требовали для заряжанія и для наведенія значительнаго времени, и—по всему этому—дѣйствовали медленно и слабо; что же касается до соглашенія стрѣльбы изъ артиллерійскихъ орудій съ дѣйствіемъ пѣхоты и кавалеріи, то, въ это время, еще никто и не помышлялъ о его возможности. Какъ первыя артиллерійскія орудія, величиною и устройствомъ своимъ, подходили къ ручному огнестрѣльному оружію, то нѣсколько спустя, именно въ началѣ XV столѣтія, появились *ручныя пушки* и *аркебузы*, состоявшія изъ длинныхъ желѣзныхъ стволовъ, которые при стрѣльбѣ клались на подставки, воткнутыя въ землю; для сообщенія же огня заряду—служилъ фитиль. Дѣйствіе первоначальнаго огнестрѣльнаго оружія, какъ мы уже сказали, было весьма слабо; но преувеличенное понятіе о его дѣйствительности, внушенное громомъ этого оружія, заставило помышлять о мѣрахъ для предохраненія отъ него войскъ, и вмѣсто того, чтобы достигать сей цѣли посредствомъ уменьшенія глубины строя и доставленія большей движимости войскамъ, военные люди этой эпохи надѣялись предохранить войска отъ дѣйствія огнестрѣльныхъ снарядовъ посредствомъ болѣе прочнаго (а вмѣстѣ съ тѣмъ—и болѣе тяжелаго) предохранительнаго оружія: всадники были—такъ ска-

зать — закованы въ желѣзо, а пѣхота имѣла кирасы, набедренники, длинныя желѣзныя перчатки и каски (salade). Дѣйствіе изъ аркебузъ было весьма медленно, не только отъ дурнаго устройства ихъ, но и отъ многосложности пріемовъ при заряжаніи: чтобы зарядить аркебузу, трéбовалось такое время, въ которое можно было сдѣлать послѣдовательно отъ 40 до 50-ти выстрѣловъ, и потому, для поддержанія непрерывной стрѣльбы придумано было, чтобы войска строились въ 40—50 шеренгъ и производили пальбу шеренгами: сперва стрѣляла 1-я шеренга, которая, за тѣмъ, уходила, чрезъ интервалы оставленные между рядами, за послѣднюю шеренгу и тамъ заряжала свои аркебузы; потомъ—стрѣляла 2-я шеренга, и т. д.

Изъ всего нами сказаннаго легко вывести заключеніе, что артиллерія и ручное огнестрѣльное оружіе, въ томъ неудовлетворительномъ видѣ, въ какомъ они находились при появленіи своемъ, оказали превратное вліяніе на военное искусство. Войска, замедляемыя на маршѣ тяжелыми артиллерійскими орудіями, (которыхъ калибръ и длину стали постепенно увеличивать, имѣя ввиду придать имъ чрезъ то бóльшую дѣйствительность), и изнемогавшія подъ бременемъ огнестрѣльнаго и предохранительнаго оружія, строились въ глубокія неповоротливыя массы, неспособныя—ни къ продолжительнымъ переходамъ — ни къ быстрымъ движеніямъ въ бою.

Такова была армія Карла Смѣлаго, герцога Бургундскаго, считавшаяся первою въ понятіяхъ его современниковъ. Никто не предполагалъ, чтобы эта грозная армія могла подвергнуться пораженію при первой встрѣчѣ съ Швейцарскими войсками, состоявшими изъ

*

плохо вооруженной пѣхоты, но способными къ передвиженіямъ и къ дѣйствію на всякой мѣстности. Еще прежде — борьба Гусситовъ показала, какихъ результатовъ могла достигнуть противъ неповоротливыхъ массъ хорошая пѣхота подъ предводительствомъ искуснаго военачальника. Дружины Циски, состоявшія изъ неопытныхъ, но одушевленныхъ фанатизмомъ и отчаяніемъ Богемцевъ, были вооружены и устроены совершенно особеннымъ образомъ. Богемская пѣхота, въ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ, стояла за щитами, воткнутыми въ землю посредствомъ острыхъ наконечниковъ, находившихся на нижней сторонѣ ихъ, либо обставлялась колесницами, съ которыхъ дѣйствовали лучшіе стрѣлки изъ ружей и луковъ. Число этихъ колесницъ иногда простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Гусситы, расположась въ вагенбургѣ, составленномъ изъ этихъ колесницъ, съ нѣсколькими орудіями по угламъ, встрѣчали непріятеля стрѣльбою, и когда удавалось имъ разстроить его, то колесницы быстро размыкались и изъ за нихъ выходили резервы тяжелой пѣхоты, вооруженной булавами и желѣзными бичами. Походныя движенія ихъ отличались необыкновенною быстротою: война, веденная ими противъ императора Сигизмунда и союзниковъ его, представляетъ рядъ опустошительныхъ набѣговъ простиравшихся изъ Богеміи во всѣ стороны, въ Австрію, Франконію, Венгрію, Силезію, Саксонію, и даже въ Померанію. Нѣмецкія войска, которыхъ главную силу тогда составляла тяжелая конница, были побѣждаемы Гуситами почти при каждой встрѣчѣ (1417—1434 г.), и только междоусобія, возникшія въ Богеміи по смерти

Циски, дали возможность Сигизмунду одержать верхъ надъ послѣдователями Гуссова ученія (1436 г.).

—

Между тѣмъ — Швейцарскій Союзъ, послѣ удачной борьбы его съ Австрійцами, постоянно усиливался присоединеніемъ сосѣдственныхъ областей. Увѣренные въ своихъ силахъ, жители Гельветіи оскорбили герцога Бургундскаго, Карла Смѣлаго. Этотъ могущественный государь, владѣлъ Бургундіею, Лимбургомъ, Люксамбургомъ, Франшкомте, Рейнскимъ Пфальцемъ и большою частью нынѣшнихъ королевствъ Голландіи и Бельгіи. Считая себя сильнѣйшимъ изъ владѣтелей Западной Европы, Карлъ Смѣлый мечталъ о соединеніи подъ власть свою всѣхъ странъ лежащихъ между Нѣмецкимъ и Средиземнымъ морями, и даже объ освобожденіи Константинополя незадолго предъ тѣмъ завоеваннаго Турками. Съ этою цѣлью, герцогъ сформировалъ большую армію (по свидѣтельству историковъ до 70 тыс.), занимался постоянно обученіемъ войскъ, по особеннымъ своимъ понятіямъ о тактикѣ, и устроилъ многочисленную артиллерію, состоявшую изъ нѣсколькихъ сотъ орудій большаго калибра. Главную силу его арміи, сообразно съ духомъ времени, составляла тяжелая конница; но кромѣ того, онъ имѣлъ конныхъ стрѣлковъ, обученныхъ спѣшиванью и дѣйствію въ пѣшемъ строю; подобнымъ образомъ—и пѣхота его раздѣлялась на тяжелую, вооруженную длинными пиками и дѣйствовавшую въ глубокихъ массахъ, и на легкую состоявшую изъ стрѣлковъ и аркебузеровъ, которая дѣйствовала въ разсыпную.

По завоеваніи Лотарингіи, Карлъ Смѣлый, давно уже искавшій случая отмстить Швейцарцамъ за казнь Гагенбаха, поставленнаго имъ правителемъ въ Сундгау и Брисгау, двинулся противъ нихъ, съ арміею въ числѣ болѣе 40 тыс. человѣкъ, съ 160-ю, а по другимъ свѣдѣніямъ — съ 420-ю сорока-восьми фунт. пушками, изъ Нанси къ Безансону, перешелъ черезъ Юру къ Орбъ, овладѣлъ безъ сопротивленія нѣсколькими укрѣпленными пунктами, присоединилъ къ своей арміи до 20 тыс. союзныхъ войскъ и подступилъ къ городку Грансону, на западномъ берегу Невшательскаго озера (1476 г.). Швейцарскій отрядъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ коменданта Фонъ-Штейна и пушкаря Тиліерса, принужденъ былъ очистить городъ и запереться въ замкѣ. Когда же многочисленная Бургундская артиллерія разрушила стѣны замка, то гарнизонъ согласился сдать его съ условіемъ свободнаго пропуска (29-го Февр.). Но эта капитуляція была нарушена, и всѣ защитники замка, за исключеніемъ коменданта, были повѣшены. Два дни спустя Швейцарская армія, въ числѣ около 20 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ Шарнатальскаго мера, прибыла въ Будри, въ разстояніи небольшаго перехода отъ Грансона. Войска противныхъ сторонъ раздѣлены были между собою почти безпрерывными тѣснинами, образуемыми съ одной стороны озеромъ, а съ другой—горами. Еслибы Карлъ остался на позиціи у Грансона, то поставилъ бы Швейцарцевъ въ затруднительное положеніе; но, вмѣсто того, онъ двинулся къ нимъ на встрѣчу (3-го Марта), въ то самое время, когда швейцарскія дружины слѣдовали отъ Будри къ Грансону. Герцогъ, узнавши о приближеніи непріяте-

лей, построилъ свои войска въ боевой порядокъ, но тѣснота позиціи, занятой имъ между озеромъ и горами, не позволила ему развернуть силы и извлечь пользу изъ превосходства ихъ въ численномъ отношеніи. Впереди боевой линіи размѣщена была по всему фронту большая часть артиллеріи; за нею — 20 тыс. кавалеріи, въ двухъ массахъ, между которыми, для поддержанія всадниковъ, поставлена была часть пѣхоты, а сзади, въ видѣ резерва, англійская и валлонская пѣхота, правѣе которой, близъ озера, находилась батарея изъ 50-ти тяжелыхъ орудій и самъ герцогъ съ своими аркебузирами. Вообще же различные роды войскъ расположены были такъ, что, вмѣсто взаимнаго содѣйствія, мѣшали одинъ другому.

Между тѣмъ—Швейцарцы выступили съ ночлега на разсвѣтѣ, и для облегченія дебушированія изъ тѣсninъ главной колонны, слѣдовавшей вдоль озера, отрядили вправо чрезъ горы часть легкихъ войскъ. Это распоряженіе способствовало Швейцарцамъ занять выходъ одной изъ главныхъ тѣсninъ прежде достиженія его Бургундцами и быстро построиться къ бою. Въ центрѣ, предъ выходомъ изъ дефиле, стояла тяжелая пѣхота, числомъ до 10-ти тысячъ, въ видѣ прямоугольника, котораго фланги прикрыты были легкими войсками, а фронтъ обезпеченъ оврагомъ, находившимся впереди позиціи. Швейцарская артиллерія занимала одинъ изъ горныхъ уступовъ на правомъ крылѣ позиціи.

Сраженіе началось канонадою; за тѣмъ — герцогъ приказалъ своей конницѣ атаковать тяжелую непріятельскую пѣхоту; но двукратная атака Бургундскихъ жандармовъ была отбита. Тогда Швейцарцы, ободрен-

ные успѣхомъ, перешли къ наступленію, напали на всадниковъ Карла съ обоихъ фланговъ и опрокинули ихъ на стоявшую сзади пѣхоту. Вслѣдъ за тѣмъ— Шарнатальскій меръ отрядилъ чрезъ горы часть легкихъ войскъ, подъ начальствомъ Ганса Вальдманна, для обхода непріятелей съ лѣваго фланга, и какъ только этотъ отрядъ извѣстилъ звукомъ роговъ о достиженіи указаннаго ему мѣста, то Швейцарцы повели усиленную фронтальную атаку. Войска герцога, окруженныя съ нѣсколькихъ сторонъ, были объяты паническимъ страхомъ и бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. Всѣ усилія начальниковъ ихъ и самаго герцога— остановить опрокинутыя войска — не имѣли успѣха, не смотря на незначительность понесеннаго Бургундцами урона, простиравшагося всего на все до тысячи человѣкъ. Потеря Швейцарцевъ не превышала 50 человѣкъ. Добыча, ими пріобрѣтенная, была несмѣтна; въ числѣ трофеевъ побѣды находилась вся артиллерія герцога (до 400 большихъ и 800 ручныхъ орудій), а также множество знаменъ и различнаго оружія. Сраженіе при Грансонѣ вполнѣ обнаружило недостатки организаціи войскъ Карла Смѣлаго и превосходство въ военномъ дѣлѣ его непріятелей. Многочисленная, снабженная въ изобиліи всѣми средствами Бургундская армія обратилась въ бѣгство не вслѣдствіе понесенныхъ ею потерь, а по безотчетному внушенію страха, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ атакъ конницы герцога.

Неудача встрѣчи съ Швейцарцами еще болѣе озлобила противъ нихъ Карла Смѣлаго. Собравъ разсѣянную свою армію, онъ сдѣлалъ новый наборъ и усиленный налогъ во всѣхъ подвластныхъ ему странахъ: эти

чрезвычайныя средства дали ему возможность снова выступить въ поле, чрезъ три мѣсяца послѣ пораженія при Грансонѣ. Въ началѣ іюня 1476 года, двинулся онъ отъ Лозанны къ замку Муртену, имѣя ввиду, по овладѣніи имъ, приступить къ осадѣ Берна. Замокъ былъ занятъ 1,600 человѣкъ швейцарскаго ополченія, подъ начальствомъ опытнаго и храбраго Фонъ-Бубенберга. Карлъ Смѣлый, приблизясь съ 70-ти тысячною арміею къ Муртену, 10-го іюня, обложилъ городокъ со всѣхъ сторонъ, слѣдующимъ образомъ: графъ Ромонъ, съ 12 тыс. чел. расположился къ сѣверо-востоку отъ Муртена, для наблюденія путей ведущихъ туда изъ Арберга, Берна и Лаупена, по коимъ преимущественно могъ приблизиться вспомогательный непріятельскій корпусъ; принцъ Антонъ (побочный сынъ герцога), съ 30 тыс. чел. сталъ къ юго-западу отъ замка, на дорогѣ въ Лозанну и долженъ былъ отрядить часть своихъ войскъ для веденія осады; наконецъ — самъ герцогъ, съ 27 тыс. войскъ, состоявшихъ преимущественно изъ кавалеріи, занялъ лагерь къ юго-востоку отъ замка, на пути изъ Фрейбурга. Осада была начата съ большою дѣятельностью. 80 орудій огромнаго калибра стрѣляли каменными ядрами по стѣнамъ Муртена; дѣйствіемъ ихъ были пробиты бреши и Бургундскія войска устремились на штурмъ, но были отбиты; второе покушеніе ихъ овладѣть замкомъ, 20-го іюня, также не имѣло успѣха и стоило имъ нѣсколькихъ тысячь воиновъ. Между тѣмъ приблизилась къ Муртену Швейцарская армія, считавшая въ рядахъ своихъ, вмѣстѣ съ союзниками (Австрійцами, Тирольцами, Альзасцами, и проч.), принявшими ихъ сторону изъ ненависти къ Карлу Смѣлому, до 35 тысячъ чело-

вѣкъ: въ числѣ ихъ было: 27 тыс. пѣхоты вооруженной пиками, алебардами, сѣкирами и мечами; 3 тыс. пѣхоты вооруженной аркебузами и арбалетами и 4 тысячи, большею частію союзной, конницы. Швейцарцы нѣсколько разъ покушались подать помощь защитникамъ замка, но не успѣли открыть съ ними сообщеніе: для освобожденія гарнизона оставалось единственное средство — атаковать и разбить Бургундскую армію. Но швейцарскіе вожди, не довольствуясь этою цѣлью, составили планъ дѣйствій, результатомъ котораго долженствовало быть истребленіе непріятельской арміи. Оставя слабый отрядъ, для наблюденія, противъ графа Ромона, главныя силы Швейцарцевъ расположились лѣвѣе, между Бернскою и Лаупенскою дорогами, а союзная Тирольская и Альзасская конница двинулась еще лѣвѣе, въ обходъ праваго крыла непріятельской арміи, для пресѣченія ей пути отступленія. Впереди главныхъ силъ находился авангардъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тыс. тяжелой и легкой пѣхоты, подъ начальствомъ рыцаря Фонъ-Гальвиля, которому придано было нѣсколько артиллерійскихъ орудій; за нимъ расположился герцогъ Лотарингскій съ австрійскою и лотарингскою конницею; еще болѣе сзади—слѣдовали главныя силы, состоявшія изъ швейцарской пѣхоты, подъ командою Вальдмана, и страсбургской—Вильгельма Экстера, съ 10-ю орудіями; наконецъ—въ резервѣ, часть швейцарской пѣхоты, подъ начальствомъ рыцаря Фонъ-Гарштейна.

Герцогъ Бургундскій, который, по видимому, во-все не заботился объ охраненіи своей арміи отъ нечаяннаго нападенія, тогда только узналъ о наступленіи непріяте-

лей, когда авангардъ ихъ, по утру 21-го іюня, явился передъ его лагеремъ и оттѣснилъ его аванпосты. Немедленно приказано было войскамъ строиться къ бою, на позиціи, прикрытой непрерывною линіею укрѣпленій между Курльвономъ и Гренгомъ. Пѣхота, подъ начальствомъ герцога Оранскаго, расположилась въ центрѣ, въ шестнадцать шеренгъ; на правомъ крылѣ стали жандармы, подъ личнымъ начальствомъ самаго Карла Смѣлаго, а на лѣвомъ — Принцъ Антонъ съ италіянскими войсками. Впереди праваго крыла находилась сорокапушечная батарея, окруженная валомъ со рвомъ и засѣкою, подъ прикрытіемъ особаго отряда; прочія же орудія размѣщены были по всему протяженію фронта, преимущественно же на правомъ крылѣ. Построеніе войскъ къ бою потребовало много времени; между тѣмъ — пошелъ весьма сильный дождь замедлившій начало сраженія; наконецъ, Швейцарцы вышли изъ Муртенской рощи, приготовились къ бою, по обычаю своему, краткою молитвою и повели атаку на передовое укрѣпленіе. Успѣху ихъ весьма много способствовало неискусное дѣйствіе бургундской артиллеріи, стрѣлявшей подъ слишкомъ большими углами возвышенія, такъ что почти всѣ снаряды перелетали черезъ головы Швейцарцевъ; къ тому же—у Бургундцевъ отсырѣлъ порохъ и главный пушкарь на батареѣ былъ убитъ при самомъ началѣ атаки. Швейцарцы, ободренные неудачею дѣйствія непріятельской батареи, кинулись на нее съ фронта, отрядивъ для обхода часть силъ, которая ворвалась въ окопы, овладѣла орудіями и обратила ихъ противъ бургундскихъ войскъ. Пользуясь этимъ успѣхомъ, швейцарскіе вожди уже готовились направить въ обходъ кавалерію назначенную

для отрѣзанія непріятелю пути отступленія; въ этотъ самый моментъ, она была атакована бургундскими жандармами и опрокинута ими, но успѣла устроиться подъ прикрытіемъ пѣхотнаго резерва, и, въ свою очередь, опрокинула жандармовъ. Между тѣмъ—въ центрѣ, завязался бой съ перемѣннымъ успѣхомъ; Карлъ Смѣлый, желая рѣшить дѣло на этомъ пунктѣ, послалъ туда свою кавалерію, но и сія атака не имѣла успѣха. Тогда — герцогъ, считая сраженіе проигранным и опасаясь потерять единственный путь отступленія, остававшійся свободнымъ, обратился въ бѣгство, съ 3-мя тысячами жандармовъ и частью пѣхоты, по дорогѣ въ Лозанну. Въ продолженіи времени этихъ дѣйствій на правомъ крылѣ и въ центрѣ бургундской арміи, лѣвое крыло ея было атаковано съ тыла Муртенскимъ гарнизономъ и съ праваго фланга центромъ швейцарской арміи, и отброшено къ Муртенскому озеру. Немногимъ только изъ Бургундцевъ удалось спастись бѣгствомъ на этомъ пунктѣ; всѣ же прочіе были—частью истреблены, частью—потоплены въ озерѣ. Между тѣмъ—корпусъ Ромона оставался въ совершенномъ бездѣйствіи; когда же, послѣ пораженія главныхъ силъ бургундской арміи, онъ былъ атакованъ Швейцарцами, то обратился въ бѣгство чрезъ Кюдрефинъ, вдоль Невшательскаго озера, къ Ивердюну, оставя всю свою артилерію и обозъ въ добычу побѣдителямъ. Уронъ бургундской арміи простирался, по мнѣнію Баранта, до 10-ти (а, по другимъ свѣдѣніямъ, до 30-ти) тысячъ человѣкъ, двухъ сотъ орудій, множества знаменъ и всего обоза. Потери Швейцарцевъ не превышали 1,100 человѣкъ.

Такимъ образомъ—въ сраженіи подъ Муртеномъ, подобно тому какъ и подъ Грансономъ — одни и тѣже

причины имѣли одинаковыя послѣдствія. Армія Карла Смѣлаго, превосходившая числомъ и вооруженіемъ непріятельскую армію и славившаяся тактическимъ образованіемъ, подверглась пораженію, отъ неумѣнья своего полководца примѣнять къ мѣстности расположеніе и дѣйствіе войскъ и отъ дурнаго состава ихъ: по свидѣтельству Коммина и другихъ современныхъ историковъ, армія Карла Смѣлаго представляла, большею частью, сбродъ наемниковъ, недовольныхъ жестокостью герцога и непитавшихъ къ нему никакой преданности. Напротивъ того—швейцарская армія состояла изъ людей сражавшихся за свою родину и приготовленныхъ къ бранным подвигамъ суровою жизнью отъ самой юности.

Неудачи, понесенныя Карломъ Смѣлымъ при Грансонѣ и Муртонѣ, поколебали могущество его до такой степени, что онъ заключилъ бы миръ съ Швейцарцами, если бы они не требовали отъ герцога возстановленія ненавистнаго ему герцога Лотарингскаго. Герцогъ Бургундскій рѣшился продолжать войну и погибъ при Нанси (въ январѣ 1477 г.).

—

Успѣхи Швейцарцевъ въ войнѣ противъ Карла Смѣлаго доставили имъ такую славу, что сильнѣйшіе изъ государей западной Европы старались имѣть въ своихъ арміяхъ наемныя швейцарскія дружины, которыя въ концѣ XV и въ началѣ XVI считались лучшими войсками. Когда же опасность угрожала ихъ отечеству, то звуки роговъ и огни разводимые на горныхъ вершинахъ служили сигналами для сбора всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, на условленныхъ пунктахъ

(Landsturm). Въ тактическомъ отношеніи, швейцарскія войска раздѣлялись на отряды (Haufen) въ 1000 человѣкъ линѣйной пѣхоты и 100 стрѣлковъ; линѣйная пѣхота, по прежнему, продолжала строиться въ видѣ фаланги, въ 8 или 10 шеренгъ, изъ коихъ 3 или 4 переднія и заднія вооружены были пиками, а среднія—алебардами; стрѣлки же, вооруженные аркебузами, прикрывали фланги отрядовъ линѣйной пѣхоты, а въ случаѣ построенія ихъ въ каре, располагались по угламъ ихъ. Иногда — часть легкой пѣхоты дѣйствовала врассыпную впереди прочихъ войскъ (verlorene Knechte). Кавалерія у Швейцарцевъ была союзная, либо наемная; артиллерія придавалась войскамъ въ небольшомъ числѣ орудій. Армія составленная изъ 10-ти, 20-ти и болѣе дружинъ (Haufen), раздѣлялась на главныя силы (Gewalthaufen); и на два крыла, которыя, въ походѣ, слѣдовали впереди и позади главныхъ силъ, въ видѣ авангарда и арріергарда.

Разсматривая составъ, вооруженіе и строй швейцарскихъ войскъ сей эпохи, находимъ весьма большое сходство съ македонскою фалангою, но это было слѣдствіемъ не безотчетнаго подражанія древнимъ, а одинаковыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились Швейцарцы и Греки, обитавшіе—какъ тѣ, такъ и другіе—въ горной странѣ, раздѣленные на нѣсколько небольшихъ республикъ и имѣвшіе войска составленныя изъ ополченій собиравшихся только на время войны. Главная сила непріятелей ихъ состояла въ конницѣ, надъ которою хорошая пѣхота, дѣйствуя на пересѣченной мѣстности, должна была имѣть и дѣйствительно имѣла постоянное превосходство.

Извѣстно, что Карлъ VII былъ основателемъ постоянныхъ войскъ во Франціи—первыхъ въ Европѣ. Его сынъ и преемникъ Лудовикъ XI, убѣдясь въ ненадежности *вольныхъ стрѣльцовъ*, замѣнилъ ихъ вербованными, постоянно состоявшими на жалованьѣ войсками. Изъ охотниковъ являвшихся на службу сформирована была пѣхота; конница же, по прежнему, состояла изъ ордонанцъ-ротъ, которыхъ составъ былъ значительно усиленъ. Феодальныя и коммуніальныя войска сдѣлались не нужными, и въ концѣ царствованія своего Лудовикъ имѣлъ постоянную армію въ числѣ 50,000 конныхъ стрѣльцовъ, оруженосцевъ, и проч. Кромѣ того, швейцарскій союзъ обязался выставлять на службу французскаго Короля до 6,000 и болѣе воиновъ. Постигая несовершенство современной огромной артиллеріи, Лудовикъ старался ввести орудія меньшаго калибра, и такимъ образомъ проложилъ путь преемнику своему Карлу VIII къ устройству болѣе удобоподвижной полевой артиллеріи. Но главная заслуга Лудовика XI состояла во введеніи дисциплины, которая до него не существовала во французскихъ войскахъ, утратившихъ духъ порядка и подчиненности въ мятежахъ и междуусобіяхъ волновавшихъ Францію въ началѣ XV столѣтія. Въ продолженіе своего царствованія, Лудовикъ преимущественно обращалъ вниманіе на обузданіе опасныхъ вассаловъ, и потому французская армія не имѣла случая—ни пріобрѣсти воинскую опытность въ борьбѣ со внѣшними врагами,—ни прославиться побѣдами; тѣмъ не менѣе однакоже Король занимался многостороннимъ изслѣдованіемъ военнаго дѣла и убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ можетъ служить книга Le rosier des guerres,

составлявшая одно изъ руководствъ при обученіи Дофина (впослѣдствіи Короля Карла VIII), авторомъ коей нѣкоторые считаютъ самаго Лудовика. Нѣкоторые изъ правилъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, весьма поучительны, какъ наприм. «Народъ непобѣдимъ, ко-«гда государь его мужественъ и одаренъ способностя-«ми въ военномъ дѣлѣ; должно обращать вниманіе на «правильный наборъ и на тщательное образованіе во-«иновъ. Полезнѣе имѣть резервы, нежели растягивать «боевую линію; должно по возможности усливать по-«зицію укрѣпленіями, и проч.»

Вооруженіе французскихъ войскъ, въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія сходно было съ вооруженіемъ прежнихъ жандармовъ и вольныхъ стрѣльцовъ (за исключеніемъ аркебузъ, замѣнившихъ прежніе луки). Пѣхота, сколько можно судить изъ записокъ Коммина и изъ сочиненія Le rosier des guerres, строилась въ 10 шеренгъ, а кавалерія, подобно ордонанцъ—ротамъ. Первая раздѣлялась на дивизіи, по 10,000 человѣкъ въ каждой; дивизія на 10 баталіоновъ; а баталіонъ на 10 ротъ.

Испанскія войска, получившія особенное устройство въ теченіе борьбы съ Маврами, отличались превосходными нравственными качествами. Испанская пѣхота не уступала швейцарской, и даже впослѣдствіи считалась лучшею въ Европѣ. Она была вооружена мечами, кинжалами и легкими копьями, вмѣсто которыхъ стрѣлки имѣли короткія ружья (scopeta), и для боя строились въ глубокія колонны прикрытыя стрѣлками и неболь-

ними пикинерными отрядами. Эта пѣхота славилась дисциплиною, умѣренностью и неустрашимостью: по свидѣтельству современниковъ, ни что не могло остановить натискъ *непобѣдимыхъ смуглыхъ карликовъ* (des invincibles nains basanés). Тяжелая кавалерія Испанцевъ, по вооруженію и строю, имѣла сходство съ французскими жандармами, а легкая устроена была по примѣру конницы Мавровъ. Оружіе всадниковъ состояло изъ сабель, легкихъ дротиковъ и луковъ, а для предохраненія себя отъ непріятельскихъ ударовъ—они имѣли кожаные щиты. Эта конница отличалась легкостью, проворствомъ и способностью къ дѣйствіямъ Малой войны.

Побѣды Швейцарцевъ и Гусситовъ надъ германскими арміями, показавъ на опытѣ—какъ ненадежность феодальныхъ и коммуніальныхъ ополченій, такъ и важность хорошей пѣхоты, подали императору Максиміліану I, мысль учредить новое войско, впослѣдствіи прославившееся подъ названіемъ *Ландскнехтовъ* Landsknechte, Lanzknechte). Главнымъ сподвижникомъ Максиміліана въ этомъ дѣлѣ былъ рыцарь Георгъ Фонъ-Фронсбергъ, одинъ изъ опытнѣйшихъ военныхъ людей своего времени. Наборъ Ландскнехтовъ производился опытными офицерами, (полковниками, Oberste), которымъ поручалось вербовать на счетъ казны, либо въ надеждѣ на будущую добычу, полки, числомъ отъ 4,000 до 5,000 воиновъ. Полковникъ избиралъ самъ себѣ помощника (Obrist-Lieutenant), ротныхъ командировъ (капитановъ, Hauptleute) и фельдфебелей. Главное оружіе Ландскнехтовъ состояло изъ длинныхъ копій и мечей. Аркебузеры, вмѣсто пикъ, имѣли аркебузы.— Пикинеры строились въ видѣ глубокой массы, въ 50

шеренгъ, по угламъ и впереди которой располагались аркебузеры. Прежняя рыцарская конница замѣнена была въ германскихъ арміяхъ *Рейтарами* (всадниками, Reuters), состоявшими изъ латниковъ или кирассировъ, пикинеровъ и конныхъ стрѣлковъ, которыхъ оружіе состояло изъ легкихъ латъ, мечей, копій и длинныхъ карабиновъ, либо пистолетовъ. Различные роды кавалеріи сперва строились для боя одинъ за другимъ, подобно тому какъ французскія ордонанцъ-роты, но впослѣдствіи образовали глубокія массы (Schwadron) имѣвшія до 20-ти коней въ ряду и шеренгѣ.

Вообще же—какъ Ландскнекты, такъ и рейтары, отличались храбростью и строгою дисциплиною, которая ослабѣла въ позднѣйшія времена только вслѣдствіе продолжительныхъ междуусобій раздиравшихъ Германію.

Совершенно иное зрѣлище представляютъ намъ италіянскія дружины, извѣстныя подъ названіемъ *Кондотьери* (Condotieri, предводимые). Многіе города Сѣверной Италіи, разбогатѣвшіе, благодаря успѣхамъ промышленности и торговли своей и находившіеся въ цвѣтущемъ состояніи, подвергались притѣсненіямъ сосѣдственныхъ владѣтелей, либо находились въ войнѣ между собою; но какъ эти города не могли выставить достаточнаго числа воиновъ, то и принуждены были прибѣгать къ найму дружинъ, которыя, за опредѣленную плату, сражались противъ ихъ непріятелей; впослѣдствіи—нѣкоторые изъ вождей этихъ дружинъ не только располагали судьбою италіянскихъ владѣній, но и сами сдѣлались самостоятельными владѣтелями. Къ числу знаменитѣйшихъ кондотьеровъ принадлежали

Карманьола, Франческо Сфорца, и проч. Другіе же страшны были только прозваніями, которыя они себѣ придавали, какъ наприм. Forte braccio, и тому под.

За исключеніемъ не многихъ, всѣ дружины кондотьеровъ, по свидѣтельству Макіавелли, отличались трусостью, хищничествомъ и распутствомъ. Руководимые лишь корыстолюбіемъ, они измѣняли нанимавшимъ ихъ и переходили на сторону непріятеля, какъ только видѣли въ томъ для себя выгоду. Войну вели они какъ бы для вида, сговариваясь иногда съ своими товарищами, державшими противную сторону—кому отступить въ случаѣ взаимной встрѣчи; сраженія между кондотьерами происходили въ видѣ маневровъ, при которыхъ не убивали противниковъ, а старались захватывать ихъ въ плѣнъ, для полученія выкупа. Весьма часто случалось, что въ сраженіи, продолжавшемся нѣсколько часовъ, не было—ни убитыхъ—ни раненыхъ: такъ напр. въ дѣлѣ при Ангіари (1440 г.), въ которомъ противныя стороны упорно сражались цѣлые три часа, погибъ—да и то случайно—только одинъ всадникъ упавшій съ лошади и затоптанный въ тѣснотѣ своими же сослуживцами.

Такимъ образомъ — Италія представляла вѣрную добычу чужеземному завоевателю. Карлъ VIII, король французскій, получивъ въ наслѣдство отъ отца своего, Лудовика XI, многочисленную и благоустроенную армію, и устроивъ удобную къ движеніямъ артилерію, (чего прежде не было ни въ одной изъ арміи), предпринялъ походъ въ Италію, съ цѣлью завоеванія королевства Неаполитанскаго, на которое онъ имѣлъ

притязаніе по завѣщанію послѣдняго изъ герцоговъ Анжуйскихъ (Anjou) Карла IV, сдѣлавшаго наслѣдникомъ своимъ Людовика XI. По утвержденіи своего владычества въ Италіи, Карлъ VIII намѣревался перенести оружіе въ Грецію и изгнать изъ Европы Турокъ. И дѣйствительно—Король съ 30-ти тысячною арміею, при которой находилось 140, (а по свидѣтельству Павла Джовіо—400) орудій, прошелъ всю Италію и въ нѣсколько недѣль завоевалъ Неаполитанскія владѣнія (1494—1495 г.). Но въ то время, когда онъ углубился въ южную часть Аппенинскаго полуострова, составился противъ него союзъ изъ владѣтелей сѣверной и средней Италіи. Карлъ VIII, узнавши о томъ, оставилъ половину своихъ войскъ въ Неаполѣ, а съ другою быстро прошелъ чрезъ Италію, разбилъ Венеціянъ и союзниковъ ихъ при Форнуѣ (6 іюля 1495 г.) и проложилъ себѣ путь во Францію; но войска, оставленныя имъ въ Неаполѣ, принуждены были сдаться и завоеванія Карла были потеряны. Изъ разсмотрѣнія этого похода, видно, что Король былъ обязанъ своими быстрыми успѣхами преимущественно превосходной (по тому времени) своей артилеріи, которая возилась на лошадяхъ и не отставала отъ пѣхоты, между тѣмъ какъ италіянская артиллерія, двигавшаяся на волахъ, не могла оказывать никакого вліянія на успѣхъ дѣйствій въ полѣ. — Завоеванія, сдѣланныя Карломъ VIII въ южной Италіи, были непрочны единственно потому, что, находясь тамъ, онъ былъ отрѣзанъ отъ собственныхъ своихъ владѣній, служившихъ источникомъ его военныхъ средствъ, непріязненными владѣніями сѣверной Италіи, которыхъ готовы были поддерживать всѣ сосѣди ихъ, устрашенные быстрыми

успѣхами Карла. Послѣдующіе походы въ Италію преемника его, Лудовика XII, представляютъ такъ же рядъ побѣдъ, не имѣвшихъ никакого результата. Италія нѣсколько разъ была *гробомъ Французовъ*, не смотря на малодушіе и на раздоры ея обитателей.

Чтобы получить ясное понятіе о жалкомъ состояніи сей прекрасной страны въ эту эпоху, достаточно прочесть сочиненіе Макіавелли: *о военномъ искусствѣ* (de l'arte del la guerra), появившееся въ 1521 г.

Макіавелли, секретарь флорентинской республики, человѣкъ государственный, искусный политикъ, изучившій военное искусство древнихъ и современное состояніе Европы, не былъ военнымъ, и потому не могъ имѣть практическихъ свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ; къ тому же—въ его время, незадолго предъ тѣмъ вошедшее въ употребленіе огнестрѣльное оружіе было весьма дурно, и потому нельзя было предвидѣть тотъ рѣшительный переворотъ въ военномъ искусствѣ, который оно произвело впослѣдствіи. Отъ этого самаго—всѣ мысли Макіавелли, касающіяся набора, дисциплины и поддержанія духа въ войскахъ, а равнымъ образомъ и тѣ, которыя относятся къ политической части науки веденія войны, отличаются яснымъ, опытнымъ взглядомъ на излагаемые предметы. Напротивъ того—мысли автора на счетъ организаціи, вооруженія, строя, и вообще технической части военнаго дѣла, представляютъ ни что иное, какъ неудачный опытъ подражанія древнимъ, которое во времена Макіавелли, а тѣмъ болѣе въ позднѣйшее время, было бы анахронизмомъ въ военномъ искусствѣ.

Основная идея сочиненія Макіавелли состоитъ въ томъ, что невозможно было образовать изъ кондотье-

ровъ благоустроеннаго войска, и что слѣдовало замѣнить ихъ воинами набранными изъ среды гражданъ. Эти войска—по мнѣнію его—обязаны были собираться только въ случаѣ войны, но всѣ граждане должествовали постоянно обучаться военному дѣлу въ мирное время. Для составленія народной арміи—надлежало подчинить набору всѣхъ гражданъ отъ семнадцати до сорока-лѣтняго возраста.—Макіавелли, увлекаясь примѣромъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, совѣтуетъ набирать кавалерію изъ горожанъ, а пѣхоту изъ сельскихъ обитателей (что, въ настоящее время, подлежитъ большому сомнѣнію, потому что поселяне, по роду своихъ занятій, болѣе обращаются съ лошадьми, нежели городскіе жители).

Предѣломъ числа войскъ составляющихъ армію считаетъ онъ отъ 24-хъ до 30-ти тыс. человѣкъ: такая армія будетъ довольно самостоятельна для дѣйствій, не слишкомъ затрудняя полководца заботою о ея продовольствованіи. Эти мысли Макіавелли, несогласныя съ опытомъ новѣйшихъ временъ, были совершенно справедливы тогда, когда, по младенческому состоянію Тактики, требовалось нѣсколько часовъ для расположенія къ бою тридцати-тысячной арміи.

Весьма замѣчательно, что Макіавелли, не раздѣляя предразсудка своего вѣка, на счетъ безусловной важности кавалеріи, считалъ пѣхоту основною силою войска и государства. Кромѣ тяжелой пѣхоты, которую Макіавелли предлагаетъ вооружать—частью пиками—частью аркебузами, и строить изъ пикинеровъ густыя каре, располагая аркебузеровъ по угламъ ихъ, онъ считаетъ полезнымъ имѣть особыя роты для аванпостной службы. — По мнѣнію его—современная ему ка-

валерія (жандармы), по тяжести своего вооруженія, не могла принести большой пользы, и тѣмъ болѣе, что она требовала большаго количества подъемныхъ лошадей (по четыре на каждаго жандарма), между тѣмъ какъ нѣмецкіе рейтары довольствовались одною вьючною лошадью на 20 человѣкъ. И вообще—говорить Макіавели—кавалерія должна быть малочисленна, въ сравненіи съ пѣхотою, но—за то—превосходнаго качества.

Изложивъ правила раздѣленія арміи на части въ тактическомъ отношеніи, употребленія музыкальныхъ сигналовъ и различныхъ построеній, авторъ намѣкаетъ на пользу одинаковаго обмундированія войскъ, (впослѣдствіи введеннаго въ Шведскія войска уже при Густавѣ-Адольфѣ). Боевыя движенія, по его мнѣнію, можно раздѣлить вообще на два рода: движенія каждаго изъ солдатъ въ баталіонѣ и движенія баталіона въ общемъ расположеніи войска. Солдатъ, твердо обученный первымъ, не встрѣтитъ никакаго затрудненія при исполненіи послѣднихъ, и потому одиночное обученіе рекрутъ весьма важно; въ числѣ полезныхъ упражненій въ мирное время, могутъ быть пріемы и движенія съ оружіемъ болѣе тяжелымъ, нежели употребляемое въ бою.

Разсуждая о маршахъ, Макіавели говоритъ о неудобствѣ походнаго движенія арміи въ одной общей колоннѣ и предлагаетъ двигать войска въ нѣсколькихъ колоннахъ слѣдующихъ, параллельно между собою, на одной высотѣ и сохраняющихъ постоянно связь между собою.

По мнѣнію автора, *перевесъ въ бою есть главная цѣль военныхъ дѣйствій;* но чтобы пріобрѣсть его—

лучше выждать непріятеля въ выгодной для обороны позиціи, нежели атаковать его. Очевидно, что послѣдній выводъ автора былъ слѣдствіемъ современнаго ему несовершенства войскъ, которыя, по неудободвижимости своей, были болѣе способны къ дѣйствію на мѣстѣ и къ оборонѣ позицій, нежели къ атакѣ и къ быстрымъ маневрамъ.

Авторъ, будучи свидѣтелемъ упадка духа въ кондотьерахъ, составлявшихъ тогда исключительно вооруженную силу его отечества, утверждаетъ, что въ крѣпостяхъ не должно строить—ни цитаделей—ни редюнтовъ, чтобы надежда на укрытіе въ нихъ не ослабила обороны гарнизона при защитѣ крѣпости.

Въ заключеніе своихъ мыслей, авторъ предлагаетъ правила для полководца, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ: постоянно заниматься обученіемъ войскъ, поддерживать воинскій духъ ихъ и не вводить ихъ въ бой, если они не увѣрены въ побѣдѣ; сохранять въ тайнѣ свои намѣренія; пользоваться благопріятными обстоятельствами; сохранять часть силъ въ резервѣ; преслѣдуя опрокинутаго непріятеля, сохранять порядокъ въ собственныхъ войскахъ; всевозможно заботиться о сохраненіи и продовольствованіи своей арміи. Мужество войскъ важнѣе многочисленности ихъ; еще болѣе важно умѣнье пользоватся мѣстностью, а дисциплина важнѣе самой храбрости. Правила эти такъ просты—такъ естественны, что изложеніе ихъ—по видимому—не было большою заслугою. Но принимая во вниманіе—до какой степени отклонялись отъ этихъ правилъ, не только современники Макіавелли, но и полководцы дѣйствовавшіе въ позднѣйшее время, должно сознаться въ геніяльности автора, ко-

тораго правила совпадаютъ съ мыслями лучшихъ повѣйшихъ писателей и съ практическими наставленіями завѣщанными Наполономъ. *Истинное благоденствіе государства*—говоритъ Макіавелли—*зависитъ отъ согласія гражданскихъ и военныхъ учрежденій его.*

—

Подражаніе древнимъ въ XVI вѣкѣ не ограничивалось теоретическими изслѣдованіями предметовъ относящихся къ военному искусству. Французскій король Францискъ I, убѣжденный въ недостаткахъ военныхъ учрежденій своего государства, послѣ сраженія при Павіи (1525 г.), въ которомъ большая часть его арміи подверглась истребленію и самъ король былъ взятъ въ плѣнъ, рѣшился преобразовать свои войска по примѣру Римлянъ. Въ 1534 г. сформировано было 17 легіоновъ, каждый въ 6,000 воиновъ, изъ числа которыхъ было: 2,000 аркебузеровъ, 2,000 пикинеровъ и столько же алебардіеровъ: они раздѣлялись на шесть когортъ, изъ которыхъ каждая была въ 1,000 человѣкъ. Легіонами командовали старшіе капитаны, въ званіи полковниковъ (Colonel). Начальникомъ всей пѣхоты былъ генералъ (Colonel-général). Военному званію присвоены были особенныя поощренія и преимущества, но, не смотря на то, новая французская система пришла въ упадокъ. Легіонная организація возобновлена была въ царствованіе Генриха II и существовала до Карла IX. Французскія войска для боя строились не въ видѣ глубокихъ массъ, а въ 8 либо 10 шеренгъ.— Кавалерія все еще состояла изъ жандармовъ и строилась, подобно ордонанцъ-ротамъ, въ длинныхъ разом-

жутыхъ линіяхъ (en haye); но какъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія заставило увеличить тяжесть лать и сдѣлало жандармовъ весьма неповоротливыми, то въ царствованіе Франциска I впослѣдствіи учреждены были особые отряды легкой кавалеріи, по примѣру Албанскихъ Страдіотовъ, подъ названіемъ Кренекеновъ, Аргулетовъ, Карабеновъ и Легкоконныхъ (Chévaux legers). Мы уже видѣли, что у Карла Смѣлаго была кавалерія обученная спѣшиванью и дѣйствію, какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю; но названіе драгунъ встрѣчается впервые въ 1554 году, когда маршалъ Брисакъ сформировалъ, во время кампаніи въ Піемонтѣ, первый драгунскій полкъ. Драгуны, а равно и легкая кавалерія, строились для боя въ разомкнутыхъ шеренгахъ и дѣйствовали вразсыпную.

Въ царствованіе Карла IX, легіоны переименованы полками (regiment, отъ слова regere, управлять), начальниками которыхъ были полковники. Полки состояли изъ нѣсколькихъ ротъ (отъ 2-хъ до 5-ти), каждая въ 200 человѣкъ. Число аркебузеровъ относилось къ числу пикинеровъ, какъ 3 къ 4; но главнымъ оружіемъ пѣхоты постепенно становились аркебузы, не смотря на тяжесть этого оружія, заставлявшую при выстрѣлѣ класть его на вилку вышиною въ 4 фута. Во второй половинѣ XVI столѣтія, введены были, (какъ полагаютъ, герцогомъ Альбою), мушкеты, дѣйствовавшіе съ большею силою, нежели аркебузы; въ то же время, вошли въ употребленіе такъ называемые нѣмецкіе замки съ колесомъ (Deutsches Radeschloss), въ которыхъ кремень заступилъ мѣсто фитиля и огонь заряду сообщался треніемъ о кремень стальной полоски, приводимой въ движеніе зубчатымъ колесомъ посредствомъ пружины.

Подобные замки были весьма неудобны тѣмъ, что кремень обивался послѣ четырехъ или пяти выстрѣловъ, но ихъ предпочитали прежнимъ фитильнымъ замкамъ, не позволявшимъ стрѣлять въ сырую погоду, и къ тому же—пѣхота, двигаясь съ зажженными фитилями, не могла производить скрытныхъ маршей въ ночное время. Въ особенности же—замки съ колесомъ оказались гораздо удобнѣе фитильныхъ для кавалерійскихъ карабиновъ.

Въ царствованіе императоровъ Максимиліана I и Карла V, лично занимавшихся усовершенствованіемъ артиллеріи, она получила то ученое направленіе, которое впослѣдствіи столь много послужило къ ея улучшенію, но въ XVI столѣтіи, еще не умѣли примѣнять теоретическихъ изслѣдованій къ практикѣ, и—въ особенности—не имѣли никакого понятія о совокупномъ дѣйствіи различныхъ родовъ войскъ. Въ сраженіи при Павіи (1525 г.), французская артиллерія, громя непріятельскія густыя массы, могла доставить побѣду Франциску I, но Король, столь же храбрый рыцарь, сколько плохой военачальникъ, кинулся съ своею конницею въ атаку, заклепилъ свои орудія и не дозволилъ имъ довершить пораженіе непріятеля. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что, какъ ни плоха была техническая часть артиллеріи, строевая часть ея была еще хуже. Отъ этого совершенно утратилось довѣріе къ дѣйствительности и пользѣ артиллеріи. Макіавели ограничиваетъ дѣйствіе батареи однимъ залпомъ, послѣ чего, она, по его мнѣнію,—остается въ бездѣйствіи; а Монтань говоритъ, что, «по всей вѣроятности артиллерія выйдетъ изъ употребленія». Ежели таковъ былъ образъ мыслей геніальныхъ лю-

дей, далеко опередившихъ свою эпоху, то станемъ ли удивляться постепенному уменьшенію числа орудій въ полевыхъ сраженіяхъ, дошедшему въ концѣ XVI столѣтія до того, что при нѣсколькихъ тысячахъ войскъ было по 2 и по 3 орудія, а иногда даже и вовсе не было артиллеріи.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей этой эпохи является Колиньи. Искусный въ военныхъ соображеніяхъ, но несчастный во всѣхъ предпріятіяхъ, Колиньи умѣлъ внушить въ войска свои неограниченное довѣріе къ себѣ и заставилъ самихъ непріятелей уважать его. Главною причиною преданности къ нему войскъ была заботливость его о солдатахъ, отличавшая всѣхъ великихъ полководцевъ (*). «Commencons à former le monstre par le ventre,»—(**) говорилъ онъ, и слѣдуя этому правилу, старался имѣть опытныхъ провіантскихъ чиновниковъ, сопровождавшихъ его войска во всѣхъ походахъ. Армія Колиньи располагалась весьма часто на просторныхъ квартирахъ, гдѣ, по малочисленности ея, не трудно было войскамъ найти продовольствіе; для обезпеченія же ихъ отъ нечаянныхъ нападеній, высылался авангардъ, и, сверхъ того, въ каждомъ эскадронѣ, было по нѣсколько карабинеровъ, которые, по прибытіи на мѣсто, назначенное для отдыха войскъ, немедленно укрѣпляли церкви и другія прочныя зданія, что̀ доставляло отряду возможность держаться и сосредоточить свои силы.

(*) Исключеніе изъ этого общаго замѣчанія представляетъ намъ только одинъ геніяльный полководецъ—Аннибалъ, и причиною его беззаботности о войскахъ былъ дурной составъ ихъ—изъ наемниковъ.

(**) Начнемъ дѣло съ брюха.

Въ продолженіе междуусобныхъ войнъ, терзавшихъ Францію во времена Колиньи, войска его, получивъ приказаніе явиться въ опредѣленный день на назначенномъ мѣстѣ, двигались туда, раздѣлившись, по собственному усмотрѣнію, на отряды, и даже слѣдовали по одиночкѣ.

Чтобы получить понятіе о способѣ дѣйствій въ бою, во времена Колиньи, разсмотримъ бой при Монконтурѣ (1569 г.).

Мѣстность, на которой дано было это сраженіе, представляетъ песчаную, волнообразную и пересѣченную незначительными оврагами и лощинами равнину, простирающуюся между рѣчками Дивъ и Ту. На этой равнинѣ построилась къ бою Протестанская армія, подъ начальствомъ Колиньи, въ числѣ 6-ти тыс. кавалеріи и 12 тыс. пѣхоты, которой $\frac{2}{3}$-были Французы, а остальная часть состояла изъ наемныхъ Ландскнехтовъ. Католическая армія, подъ начальствомъ герцога Анжуйскаго, считала въ рядахъ своихъ до 8-ми тыс. кавалеріи и до 18-ти тыс. пѣхоты. Авангардъ ея, подъ командою герцога Монпансье, былъ въ числѣ 3-хъ тыс. кавалеріи и 4-хъ тыс. наемной швейцарской пѣхоты. а главныя силы состояли, кромѣ шести пѣшихъ французскихъ полковъ, изъ швейцарской, фламандской и испанской пѣхоты и 5-ти тыс. французской кавалеріи и рейтаръ. 50 тяжело вооруженныхъ всадниковъ сопровождали герцога Анжуйскаго. Съ каждой изъ сторонъ было по 8-ми орудій.

Уступая непріятелю въ числѣ войскъ, Колиньи искусно воспользовался мѣстностью, расположивъ скрытно въ одной изъ лощинъ свою пѣхоту и кавалерію и поставя позади ихъ на высотѣ батарею изъ 8-ми ору-

дій. Какъ французская кавалерія дѣйствовала пиками, а рейтары — стрѣльбою изъ своихъ длинныхъ пистолетовъ, то Колиньи перемѣшалъ въ боевой линіи эскадроны обоихъ родовъ и подкрѣпилъ ихъ отборными аркебузерами. Это распоряженіе, напоминающее намъ боевой порядокъ праваго крыла Цесаревой арміи при Фарсалѣ, было весьма основательно въ тѣ времена, когда еще не существовало конной артиллеріи.

Сраженіе началось канонадою и ружейною пальбою, отъ которыхъ Протестанты, скрытые въ лощинѣ, терпѣли несравненно менѣе, нежели наступавшія противъ нихъ католическія войска. Послѣ пальбы, продолжавшейся около трехъ часовъ, пѣхота герцога Анжуйскаго, предводимая маршалами Таванномъ и Бирономъ, пошла въ атаку на правое крыло арміи Колиньи, состоявшее изъ 3-хъ тыс. рейтаръ съ дружиною Ландскнехтовъ и съ однимъ французскимъ полкомъ, подъ командою Лудовика Нассаускаго. Протестанскія войска были опрокинуты въ безпорядкѣ за рѣчку Ту; Колиньи желая удержать католическихъ жандармовъ, выдвинулъ впередъ своихъ аркебузеровъ, приказавъ имъ стрѣлять по лошадямъ непріятельской кавалеріи, а самъ, съ 6-ю эскадронами рейтаръ, ударилъ на центръ Католиковъ; на этомъ пунктѣ—завязался упорный бой; Католики были опрокинуты и побѣда уже клонилась на сторону Протестантовъ; но они принуждены были истощить всѣ свои резервы, между тѣмъ какъ непріятели ихъ могли ввести въ дѣло свѣжія силы. Пользуясь этою выгодою, герцогъ Анжуйскій выдвинулъ изъ резерва швейцарскую фалангу, поддержанную нѣсколькими французскими эскадронами. Протестанты, будучи

не въ состояніи болѣе сопротивляться, бѣжали съ поля сраженія съ большою потерею.

Религіозныя войны, во второй половинѣ XVI столѣтія, столь бѣдственныя для Франціи, обративъ народную дѣятельность исключительно на военное дѣло, весьма много способствовали къ развитію основательныхъ понятій о военномъ искусствѣ, и свидѣтельствомъ тому служатъ мемуары многихъ военныхъ людей этой эпохи, какъ то: Монлюка, маршала Бирона, Лану (La Noue), и проч. Въ этихъ войнахъ изучилъ военное дѣло Генрихъ IV, герцогъ Роганъ и герцоги Нассаускіе. Казалось — слава возстановленія военнаго искусства ожидала Генриха, въ то время, когда внезапная смерть его положила предѣлъ обширнымъ его предначертаніямъ.

Война за независимость Нидерландовъ (1567—1609г.) оказала большое вліяніе на развитіе военнаго искусства. Эта продолжительная борьба образовала многихъ искусныхъ полководцевъ: со стороны Испанцевъ прославились герцогъ Альба, Донъ-Жуанъ Австрійскій, герцогъ Пармскій, и Спинола, а со стороны Голландцевъ—Морицъ Нассаускій. Особенныя свойства мѣстности, служившей театромъ войны, придали особый характеръ дѣйствіямъ. Голландцы, разрывая береговыя плотины, наводняли цѣлыя области и укрѣпляли проходы, чрезъ которые непріятель могъ проникнуть въ страну. Это заставило Испанцевъ предпринять многія замѣчательныя осады, послужившія къ усовершенствованію Поліорцетики. Повсемѣстное употребленіе огнестрѣльныхъ орудій измѣнило совершенно образъ сооруженія крѣпостей, а равнымъ образомъ атаку и оборону ихъ; неудободвижимость современной артиллеріи,

не позволявшая ей оказать вполнѣ свое дѣйствіе въ полевыхъ сраженіяхъ, нисколько не препятствовала употребленію артиллерійскихъ орудій, и вообще приумѣненію дѣйствія пороха, при осадахъ крѣпостей. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, совершенныхъ въ Нидерландскую войну, была осада Антверпена героемъ Пармскимъ въ 1584 и 1585 годахъ, въ продолженіе которой съ обѣихъ сторонъ оказано было необыкновенное искусство.

Разсматривая вообще войну Лиги (1577—1593 г.), находимъ, на противъ того, что она представляетъ мало поучительнаго. Это были экспедиціи, подобныя набѣгамъ феодальныхъ временъ, производившіяся весьма небольшими арміями, на-скоро собранными и плохо устроенными. Но этотъ-то именно плохой составъ войскъ и заставляетъ насъ удивляться Генриху IV-му, обладавшему, подобно всѣмъ великимъ полководцамъ, искусствомъ одушевлять войска и побуждать ихъ къ геройскимъ подвигамъ.

Разсмотримъ одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ Генриха IV—сраженіе подъ Аркъ (Arques) 1589 г.

По смерти Генриха III и по отпаденіи отъ союзника его Генриха IV большей части католическихъ войскъ, протестантская армія принуждена была снять обложеніе Парижа и отступить къ Компіеню. Бездѣйствіе начальника Лигёровъ, герцога Майенскаго, способствовало Генриху удержаться въ сѣверной части Франціи и перейти въ Нормандію, гдѣ онъ могъ надѣяться на содѣйствіе преданныхъ ему жителей и на присоединеніе подкрѣпленій обѣщанныхъ англійскихъ правительствомъ. Отрядивъ герцога Лонгевильскаго съ частью войскъ въ Пикардію и маршала д'Омона съ другою въ

Шампань, для утвержденія въ этихъ областяхъ своего владычества, Король, съ 7-мью тыс. войскъ, отступилъ къ Діеппу, какъ будто угрожая осадою Руану. Эта демонстрація заставила герцога Майенскаго выступить изъ Парижа въ помощь Руану; когда же онъ убѣдился въ томъ, что Генрихъ во́-все не имѣлъ намѣренія осаждать Руанъ, то направился къ Э (Eu), вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы не позволить англійскимъ подкрѣпленіямъ присоединиться къ королевской арміи. Нерѣшительность дѣйствій герцога Майенскаго способствовала Генриху усилить полевыми укрѣпленіями занятую имъ позицію. Отправя къ герцогу Лонгевильскому и д'Омону приказаніе поспѣшить къ нему въ помощь, Король расположилъ находившіяся при немъ войска между Діеппомъ и лежащимъ въ 5-ти верстахъ отъ этого города селеніемъ Аркъ. Фронтъ позиціи прикрытъ былъ текущею въ Ламаншъ рѣчкою Бетюнъ (Аркъ); правое крыло ея усилено укрѣпленіями, изъ которыхъ одно сооружено было въ видѣ прямой линіи, а другое состояло изъ двухъ полубастіоновъ соединенныхъ между собою куртиною; бродъ черезъ рѣчку Бетюнъ, впадающую въ р. Аркъ, и высо́ты Діеппскаго предмѣстія Поле заняты были отдѣльными укрѣпленіями. На этой позиціи расположилась Королевская армія слѣдующимъ образомъ: большая часть французской пѣхоты, съ нѣсколькими орудіями, подъ начальствомъ графа Шатильонскаго, занимала предмѣстье Поле; 800 ландскнехтовъ назначены были для обороны часовни и передоваго укрѣпленія, близъ Аркъ, на правой сторонѣ рѣчки Бетюнъ; позади этого укрѣпленія стоялъ одинъ полкъ французской пѣхоты; еще далѣе сзади — одинъ швейцарскій

полкъ и кавалерія; въ большомъ укрѣпленіи расположился другой швейцарскій полкъ съ 4-мя орудіями; замокъ Аркъ и укрѣпленіе у деревни Бутель заняты были небольшими пѣхотными отрядами.

15-го сентября, герцогъ Майенскій, отрядивъ герцога Немурскаго съ нѣсколькими тысячами войскъ къ Мартенеглизъ, (пункту, гдѣ дорога изъ Э въ Аркъ переходила на лѣвую сторону рѣчки Онъ (Eaulne), впадающей въ Бетюнъ, двинулся въ Діепиъ, чтобы нечаянно овладѣть этимъ городомъ, но какъ только Генрихъ получилъ свѣдѣнія объ этомъ покушеніи, то поспѣшилъ въ Діепиъ, оставя Бирона у Аркъ; жители города, возбужденные Королемъ, довершили съ чрезвычайною быстротою Діепскія укрѣпленія; а графъ Шатильонскій, сдѣлавъ вылазку, опрокинулъ передовыя войска Лигёровъ; между тѣмъ—Бironъ атаковалъ и прогналъ авангардъ герцога Немурскаго.

Тогда герцогъ Майенскій собралъ у Мартенеглизъ всю свою армію, въ числѣ около 30 ти тыс. человѣкъ, и нѣсколько разъ покушался переправиться черезъ Бетюнъ у сел. Бутель, но не успѣлъ въ томъ, и потерявъ въ этихъ попыткахъ цѣлые пять дней, рѣшился переправиться черезъ Онъ и обойти позицію Короля съ праваго фланга.

Съ этою цѣлью, войска герцога, 21 сентября, на разсвѣтѣ, перешли черезъ Онъ и двинулись противъ передоваго укрѣпленія, занятаго ландскнехтами, но какъ для овладѣнія имъ надлежало перейти чрезъ тѣснину, и потомъ вступить въ бой на пространствѣ ограниченномъ—съ одной стороны лѣсомъ, а съ другой рѣчкою Бетюнъ, то они не могли развернуть своихъ силъ и были отражены Королевскими войсками.

Но въ слѣдъ за тѣмъ — ландскнехты герцога Майенскаго, пройдя черезъ лѣсъ, вышли въ тылъ передоваго укрѣпленія,—обманули своихъ земляковъ, оборонявшихъ его, криками: *да здравствуетъ Король* и увѣреніями въ готовности своей перейти на сторону Генриха IV, и овладѣли какъ часовнею, такъ и ретраншаментомъ. Пользуясь тѣмъ, кавалерія Лигеровъ дебушировала изъ тѣснины; но мужественный Король, съ швейцарскимъ полкомъ Галати, кинулся на встрѣчу непріятельскимъ всадникамъ и остановилъ ихъ, а Королевская конница ударила на разстроенныхъ непріятелей и опрокинула ихъ въ тѣснину. Съ своей стороны, Биронъ, производя безпрестанныя атаки небольшими частями конницы на непріятельскихъ ландскнехтовъ, прошедшихъ чрезъ лѣсъ, удержалъ ихъ; а между тѣмъ графъ Шатильонскій прискакалъ изъ Діеппа съ 500 аркебузировъ, спѣшилъ ихъ, разсыпалъ стрѣлковъ, на пространствѣ между большимъ и передовымъ укрѣпленіями, и овладѣлъ часовнею и ретраншаментомъ. Лигёры, пораженные ужасомъ, отступили къ Мартенезлизъ. Чрезъ нѣсколько дней, герцогъ Майенскій, узнавши о приближеніи герцога Лонгевильскаго и маршала д'Омона и о прибытіи въ Діеппъ пяти-тысячнаго англійскаго отряда, ушелъ въ Пикардію.

Обратимся къ состоянію германскихъ войскъ въ концѣ XVI столѣтія и въ началѣ Тридцатилѣтней войны.

Пѣхота имперскихъ арміи состояла изъ полковъ 10-ти ротнаго состава. Комплектное число людей въ ротахъ простиралось до 300, но большею частью не превы-

шало 150 или 200 человѣкъ : такимъ образомъ въ полку было отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ, которые вооружены были—частью пиками—частью мушкетами. Прежнія глубокія квадратныя массы, въ 30—50 шеренгъ, раздѣлены были по глубинѣ фронта на три части (отъ чего и произошло названіе *терцій*), которыя строились въ 10—16 шеренгъ. Пикинерныя и мушкетерскія терціи были перемѣшаны между собою въ общемъ боевомъ порядкѣ, либо небольшіе отряды мушкетеровъ располагались по угламъ пикинерныхъ терцій. Пальба производилась слѣдующимъ образомъ: сперва стрѣляла первая шеренга, которая, за тѣмъ, сдѣлавъ поворотъ на-право и на-лѣво, уходила за послѣднюю шеренгу и заряжала свои мушкеты; потомъ—исполняла тоже самое 2-я шеренга, и т. д. Принимая во вниманіе неизбѣжную потерю времени при подобныхъ эволюціяхъ шеренгъ, и чрезвычайное множество темповъ при заряжаніи и пальбѣ (которыхъ тогда требовалось около 100), нельзя не сознаться въ томъ, что, въ настоящее время, пальба трехъ-шереножнаго строя можетъ нанести непріятелю несравненно большій вредъ, нежели пальба 10-ти-шереножнаго строя въ прежнее время. Къ этому надобно присоединить, что, въ продолженіе своей слабой стрѣльбы, пикинеры, подверженные огню непріятельской артиллеріи и пѣхоты, оставались въ бездѣйствіи иногда въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; когда же приходилось имъ дѣйствовать, то послѣднія четыре шеренги не могли принимать въ бою никакого участія.

Нѣмецкая кавалерія состояла изъ полковъ пяти—эскадроннаго состава; число всадниковъ въ эскадронѣ было отъ 100 до 150: слѣдовательно—въ полку было отъ

500 до 750 человѣкъ. Кирассиры, строились въ 8 либо 10 шеренгъ; а карабинеры, конные стрѣлки и гусары— въ 5 или 6 шеренгъ. При сближеніи съ непріятелемъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, первая шеренга выскакивала въ галопъ и производила пальбу. Ежели непріятель былъ приведенъ въ разстройство, то первая шеренга кидалась въ атаку, а за нею слѣдовали всѣ прочія; если же непріятельскія войска оставались въ порядкѣ, (какъ, большею частью, случалось), то первая шеренга, сдѣлавъ поворотъ на право и на-лѣво, отъѣзжала въ галопъ за фронтъ и тамъ заряжала свои карабины и пистолеты; а вторая шеренга производила пальбу.

Нѣмецкая артиллерія отличалась разнообразіемъ калибровъ и вида орудій, которыя обременялись множествомъ безполезныхъ украшеній: винограду и дельфинамъ давали видъ различныхъ птицъ и звѣрей, а на дулѣ чеканили фигуры соотвѣтствовавшія особенному названію орудія, какъ то: змѣй, драконъ, крокодилъ, пѣвица, и проч. Хотя калиберъ и длина орудій преимущественно зависѣли отъ прихоти литейныхъ мастеровъ, однакоже, по обще-принятому правилу, употребительнѣйшія изъ полевыхъ орудій, (носившія общее или родовое названіе Nothschlangen), были 16-ти фунтоваго калибра, имѣли въ длину $8\frac{1}{2}$ футъ и вѣсили отъ 100 до 125 пудъ. Для возки такого орудія требовалось 10 лошадей, а для возки пороха и снарядовъ къ нему—5. Фалькауны, или картауны, были 6—8 фунт. калибра, имѣли въ длину 8 футъ, вѣсили отъ 40 до 50 пудъ, возились 8-ю лошадьми и требовали для возки пороха и снарядовъ 2-хъ лошадей.—Наконецъ—фалконеты, 2 фунт. калибра, длиною $5\frac{1}{2}$ футъ, вѣсили около

25 пудъ и возились на 4-хъ лошадяхъ; для возки же пороха и снарядовъ къ такому орудію нужна была одна лошадь. — Кромѣ того, не только въ концѣ XVI столѣтія, но и въ продолженіе Тридцатилѣтней войны, употребляли въ полѣ орудія огромныхъ калибровъ (отъ 36 до 48 фунт.), приписывая имъ дѣйствительность, которой они во-все не имѣли. Чтобы получить понятіе о тяжести этихъ орудій, достаточно знать, что для возки 24 фунтоваго орудія, съ принадлежавшимъ къ нему запасомъ пороха и снарядовъ, требовалось болѣе 20-ти лошадей. Орудія накладывались на лафеты только для боя; въ походѣ же—возились отдѣльно отъ своихъ лафетовъ на дрогахъ. Картузы стали употребляться только въ войну за независимость Нидерландовъ; большею же частью—порохъ отмѣривался на полѣ сраженія и всыпался въ орудіе шуфлою.

Дисциплина въ германскихъ арміяхъ находилась въ жалкомъ состояніи. Войска, почти исключительно состоявшія изъ вербованыхъ солдатъ, привлеченныхъ въ службу большимъ жалованьемъ и надеждою на пріобрѣтеніе добычи, удерживались въ порядкѣ и повиновеніи только страхомъ: прогнаніе сквозь строй, вѣшаніе и колесованіе были весьма обыкновенны; на всѣхъ современныхъ планахъ расположенія германскихъ арміи, встрѣчаются висѣлицы, какъ необходимая принадлежность тогдашнихъ войскъ.

Изложивъ состояніе германскихъ войскъ предъ началомъ Тридцатилѣтней войны, обратимся къ военнымъ учрежденіямъ Густава-Адольфа, положившимъ основа-

ніе возрожденію военнаго искусства въ новѣйшее время.

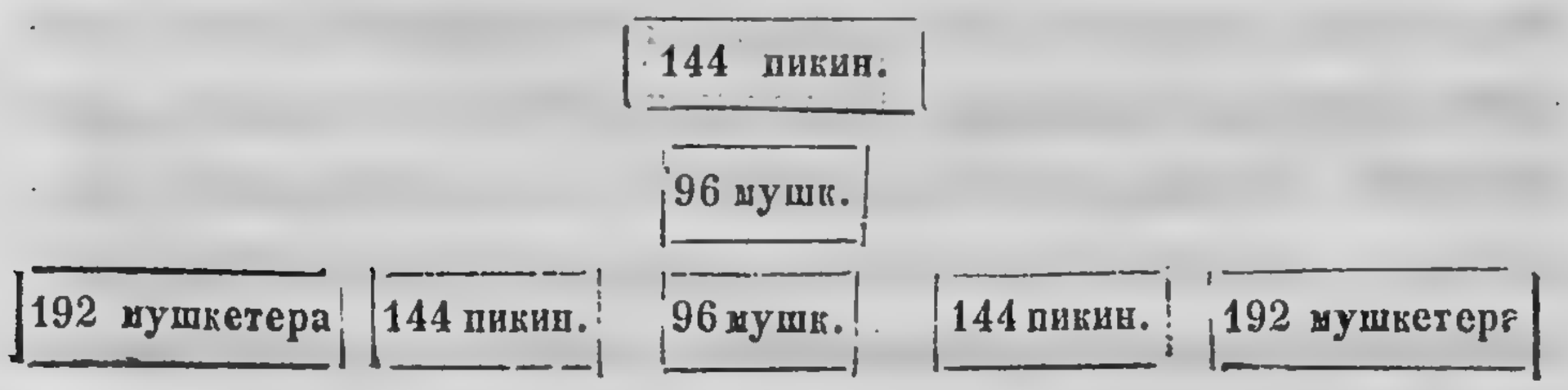
Убѣдясь въ первыхъ походахъ своихъ (противъ Поляковъ), въ пользѣ огнестрѣльнаго оружія, Король увеличилъ число мушкетеровъ до $\frac{2}{3}$ всего числа пѣхоты; остальная треть состояла изъ пикинеровъ. Чтобы облегчить вооруженіе, онъ отмѣнилъ латы и изъ прежняго предохранительнаго оружія пѣхоты оставилъ только шлемы. Вмѣсто длинныхъ копій, пикинеры вооружены были пиками въ $1\frac{1}{2}$ сажени длиною (пертюзанами); а значительное облегченіе мушкетовъ позволило мушкетерамъ стрѣлять безъ вилки (подставки). Прежнія перевязи (банделіеры) замѣнены были патронташами съ значительнымъ числомъ бумажныхъ патроновъ. Нѣкоторые изъ военныхъ писателей полагаютъ, что всѣ шведскіе мушкетеры при Густавѣ-Адольфѣ уже имѣли замки съ колесомъ, вмѣсто фитилей, но справедливость этого показанія подвержена сомнѣнію, и тѣмъ болѣе, что драгуны стрѣляли, по прежнему, съ фитилями. — Пѣхотные полки находились въ 8-ми, либо въ 12-ти ротномъ составѣ; въ каждой ротѣ было 144 нижн. чин. изъ числа которыхъ 120 рядовыхъ: слѣдовательно— въ полку было 1,100 человѣкъ. Кромѣ полковаго штаба, въ каждой ротѣ полагалось три офицера: капитанъ, поручикъ и прапорщикъ. Капитанъ обязанъ былъ заботиться о содержаніи въ комплектѣ своей роты и для этого получалъ на каждые 10 человѣкъ одну лишнюю дачу жалованья. Поручикъ обучалъ солдатъ, наблюдалъ за исправностью оружія и за порядкомъ службы; а прапорщикъ несъ знамя въ бою; чтобы внушить въ солдатахъ преданность и любовь къ этой воинской святынѣ, прапорщику предоставлено было право

ходатайствовать предъ начальствомъ за провинившихся нижнихъ чиновъ и просить объ облегченіи ихъ наказанія.

Въ продолженіе Тридцатилѣтней войны (незадолго до взятія Франкфурта на Одерѣ), Густавъ - Адольфъ ввелъ въ свою армію бригадную организацію. Бригада, составленная изъ двухъ полковъ, должна была состоять изъ 2,200 человѣкъ, но почти никогда не превышала 1,500.

Король, желая доставить наибольшему числу людей возможность участвовать въ бою, безъ ослабленія твердости фронта, принялъ для пѣхоты строй въ шесть шеренгъ. Пикинеры строились плотно одинъ возлѣ другаго, а мушкетеры—оставляя чрезъ каждые 4 или 5 рядовъ промежутки въ одинъ шагъ, чрезъ которые проходили солдаты за фронтъ послѣ выстрѣла, для заряжанія мушкетовъ. — Другое основаніе, принятое Королемъ при расположеніи войскъ въ боевой порядокъ, заключалось въ томъ, что всѣ роды, какъ равно и всѣ части войскъ, должны оказывать одинъ другимъ взаимное содѣйствіе. Съ этою цѣлью, шведская пѣхотная бригада, въ первую кампанію Тридцатилѣтней войны, строилась въ пять линій; впослѣдствіи же — Король, убѣдившись въ слишкомъ большой сложности этого построенія, располагалъ свою пѣхоту по полубригадамъ слѣдующимъ образомъ:

Фронтъ полубригады.



Кромѣ того — небольшіе отряды мушкетеровъ, (въ 180 человѣкъ), разставлены были между частями кавалеріи.

Шведская кавалерія раздѣлена была на небольшіе эскадроны, силою въ 64 всадника, которые строились, безъ промежутковъ между собою, въ четыре шеренги. Густавъ-Адольфъ имѣлъ только два рода кавалеріи: кирасировъ и драгунъ; чтобъ сдѣлать свою тяжелую кавалерію способнѣе къ быстрымъ движеніямъ, Король облегчилъ предохранительное вооруженіе кирассировъ, оставя имъ только легкія латы и желѣзныя каски; оружіе ихъ состояло изъ длиннаго палаша, карабина и пары пистолетовъ съ нѣмецкими замками. Шведскіе драгуны не имѣли никакихъ латъ, вооружены были ружьями съ фитильными замками, и короткими саблями, и возили у сѣделъ сѣкиры, служившія для рубки дерева и для срубливанія палисадовъ при штурмѣ укрѣпленій. — Кавалерійскіе полки состояли, большею частью, изъ четырехъ эскадроновъ: слѣдовательно полкъ заключалъ въ себѣ, не считая офицеровъ и нестроевыхъ, всего 256 человѣкъ. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа всадниковъ въ эскадронахъ, что́ имѣло цѣлью придать имъ какъ возможно большую движимость, Густавъ-Адольфъ измѣнилъ образъ дѣйствій кавалеріи и уничтожилъ въ ней шереножную пальбу; кавалерія Густава-Адольфа подъѣзжала въ галопъ къ непріятелю на разстояніе пистолетнаго выстрѣла (erst wenn man das Weisse im Auge des Feindes erkennen konnte); первыя двѣ шеренги производили пальбу, и за тѣмъ, вмѣстѣ съ прочими, кидались въ атаку; опрокинувъ непріятеля, кавалерія преслѣдовала его; въ случаѣ же неудачи—отъѣзжала назадъ, сквозь интервалы оставленные между

частями мушкетеровъ, которые, въ свою очередь, встрѣчали непріятеля, дѣйствуя стрѣльбою.

Не менѣе важныя преобразованія введены были въ артилерію. Въ 1624 г. вступилъ въ шведскую службу нѣмецкій артилеристъ, полковникъ фонъ-Зигротъ, предложившій уменьшить величину орудій, что, по убѣжденію его, не должно было ослабить ихъ дѣйствія. Густавъ-Адольфъ сперва не раздѣлялъ этого мнѣнія, но когда опыты подтвердили справедливость его, тогда немедленно было приступлено къ перемѣнѣ прежнихъ орудій: таково было начало шведской легкой артилеріи; впослѣдствіи — (именно въ 1627 году, при осадѣ Вормдита), Король, желая облегчить еще болѣе свою артилерію, ввелъ новыя *кожаныя* орудія, изобрѣтенныя вступившимъ въ шведскую службу австрійскимъ уроженцемъ фонъ-Вурмбрандомъ. Эти орудія состояли изъ мѣдныхъ стволовъ, обложенныхъ желѣзными полосами, обшитыхъ кожею и окрашенныхъ, либо вызолоченныхъ. Они вѣсили не болѣе центнера (двухъ съ половиною пуд.), и были весьма удобоподвижны, но слишкомъ скоро разгорячались, и потому вышли изъ употребленія въ 1631 году; а въ замѣну ихъ введены были чугунныя орудія предложенныя Англичаниномъ Гамильтономъ и оказавшіяся на практикѣ весьма удовлетворительными. Они были 4-хъ фунтоваго калибра, имѣли до 4 футовъ длины, вѣсили около 15 пудъ и заряжались $1\frac{1}{3}$ фунт. пороха, вложеннаго въ картузъ, къ которому прикрѣплялся снарядъ. Для возки каждаго изъ этихъ орудій требовалась пара лошадей, а для возки небольшаго зарядnаго ящика—одна лошадь. Каждому изъ пѣхотныхъ полковъ придано было отъ 6-ти до 8-ми такихъ орудій; они весьма часто употреблялись

въ видѣ маскированныхъ батарей, помѣщенныхъ, въ началѣ сраженія, скрытно за мушкетерами и встрѣчавшихъ непріятеля внезапно картечью. По свидѣтельству современниковъ, изъ этихъ орудій можно было выстрѣлить три раза, прежде нежели мушкетеръ успѣвалъ сдѣлать два выстрѣла. Чтобы не терпѣть недостатка въ артилерійской прислугѣ и ознакомить пѣхоту съ дѣйствіемъ артиллеріи, мушкетеры обучались дѣйствію при орудіяхъ. Гамильтоновы пушки были долгое время употребляемы въ иностранныхъ арміяхъ, и между прочими у Французовъ, подъ именемъ шведскихъ орудій, до Семилѣтней войны.

Кромѣ легкой артиллеріи, въ арміи Густава-Адольфа находились 24-хъ и 48-ми фунтовыя орудія, подобныя тѣмъ, которыя употреблялись въ германскихъ арміяхъ, и отличавшіяся только тѣмъ, что заряжались картузами.

Что касается до боеваго расположенія арміи Густава-Адольфа, то, въ большей части данныхъ имъ сраженій, почти вся пѣхота располагалась въ центрѣ, въ двѣ линіи (иногда съ резервомъ), изъ которыхъ въ каждой стояли нѣсколько бригадъ или полубригадъ, одна возлѣ другой; на флангахъ же боеваго расположенія строилась въ двѣ линіи кавалерія перемѣшанная съ частями мушкетеровъ. Легкая или полковая артиллерія находилась при пѣхотѣ; тяжелыя же орудія, собранныя въ большія батареи, располагались на выгоднѣйшихъ для дѣйствія артиллеріи пунктахъ поля сраженія. Облегченіе легкихъ орудій позволило Густаву-Адольфу увеличить число шведской артиллеріи въ сравненіи съ прочими современными арміями: въ сраженіи подъ Брейтенфельдомъ онъ имѣлъ 100 орудій, а въ лагерѣ при Нюренбергѣ—300.

Разсматривая вообще боевое расположеніе арміи Густава-Адольфа, находимъ, что всѣ роды и всѣ части его войскъ, подобно тому, какъ въ римскихъ легіонахъ, могли поддерживать и смѣнять одни другихъ. Подобно тому, какъ и въ легіонахъ, первыя двѣ линіи шведской арміи были равносильны, но для уменьшенія вреда наносимаго непріятельскою канонадою и ружейною стрѣльбою, большая часть пѣхоты, составлявшей бригады, либо полубригады, была нѣсколько осажена назадъ. Кавалерія была поддерживаема частью мушкетеровъ, которые служили, какъ для первоначальнаго ослабленія и приведенія въ разстройство непріятельскихъ войскъ, такъ и для прикрытія отступленія собственной кавалеріи; небольшія части мушкетеровъ, разставленныя между частями конницы, гораздо лучше содѣйствовали имъ, нежели велиты придаваемые римскимъ всадникамъ. Наконецъ—шведская артиллерія, болѣе легкая, дѣйствовавшая съ большею быстротою и лучше управляемая, нежели артиллерія непріятелей Густава-Адольфа, сдѣлалась въ рукахъ искуснаго полководца могущественнымъ орудіемъ къ одержанію побѣды.

Гарте (Harte), принадлежащій къ числу лучшихъ біографовъ Густава-Адольфа, приводитъ слѣдующее мнѣніе одного изъ современниковъ Короля о его военной системѣ: «боевое расположеніе шведской арміи, подобно искусно сооруженной крѣпости, въ состояніи дать отпоръ непріятелю, съ какой стороны не поведена была бы атака. Не только артиллерія поставлена наивыгоднѣйшимъ образомъ, но и каждый мушкетеръ исполняетъ свое назначеніе. Непріятельская кавалерія, атакуя мушкетеровъ, всегда будетъ во́время встрѣчена пикинерами, либо шведскою конницею, расположенною въ

видѣ бастіоновъ, на флангахъ арміи. Но, кромѣ того, мушкетеры могутъ быть поддержаны сзади стоящими войсками. Да еслибы и удалось непріятелю прорвать первую линію, то его встрѣтитъ вторая, столь же сильная и столь же хорошо устроенная, какъ и первая. Какъ всѣ части шведской арміи составляютъ стройное цѣлое и взаимно поддерживаютъ одна другую, то она можетъ подвергнуться пораженію только въ такомъ случаѣ, когда, будучи внезапно атакована, не успѣетъ построиться въ боевой порядокъ.»

Съ самаго вступленія на престолъ, Король обращалъ на образованіе своихъ войскъ такое же неослабное попеченіе, какое свойственно отцу занимающемуся воспитаніемъ дѣтей своихъ. По принятіи же участія въ войнѣ объявшей Германію, Густавъ - Адольфъ, будучи принужденъ принять въ свою армію множество иностранцевъ, старался удерживать ихъ въ порядкѣ и повиновеніи примѣромъ своихъ ветерановъ, и пока былъ живъ доблестный Король, до тѣхъ поръ поддерживалась дисциплина въ шведской арміи. Король требовалъ отъ своихъ воиновъ, чтобы они были хорошими христіанами. Въ шведскомъ лагерѣ, ежедневно отправлялась Божественная литургія; предъ вступленіемъ въ бой, солдаты были возбуждаемы молитвами и священными пѣснопѣніями къ презрѣнію опасностей и смерти. Основаніемъ воинскихъ артикуловъ Густава-Адольфа, объявленныхъ имъ въ 1621 году, была идея, что военное дѣло есть благородное ремесло, что каждый воинъ долженъ гордиться своимъ званіемъ и избѣгать всего того, что могло унизить его. Воинъ долженъ былъ избѣгать жестокихъ поступковъ и щадить слабаго.

На основаніи этихъ артикуловъ, требовалось отъ подчиненныхъ неограниченное, слѣпое повиновеніе начальникамъ. Гарнизонная служба исполнялась съ строгою точностью; часовой, уснувшій, нетрезвый, либо самовольно оставившій порученный ему постъ, подвергался смертной казни; солдатъ, оставившій знамя, могъ быть безнаказанно застрѣленъ каждымъ изъ своихъ товарищей. За неповиновеніе, мятежъ, измѣну, положена была смертная казнь. Бѣжавшій съ поля сраженія подвергался военному суду: офицеръ, виновный въ томъ, изгонялся съ безчестіемъ изъ лагеря; а изъ солдатъ— десятаго по жребію ожидала висѣлица, а прочіе служили безъ знамени, располагались на отдыхъ внѣ общаго стана и должны были мести и чистить лагерь, до тѣхъ поръ, пока удавалось имъ загладить свой постыдный поступокъ, геройскимъ подвигомъ. Никому не было дозволено оставлять поле сраженія прежде вступленія въ бой *съ мечемъ въ рукѣ*; никакая часть войскъ не должна была оставлять обороняемое ею укрѣпленіе, не выдержавъ по крайней мѣрѣ, три штурма. Вообще— сдача крѣпости допускалась только подъ слѣдующими тремя условіями: 1) когда истощено было все, что могло служить къ продовольствованію войскъ; 2) когда не было надежды получить запасы извнѣ, и 3) когда дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно.—Солдаты обязаны были содержать постоянно въ исправности свое оружіе; кто продавалъ его, тотъ подвергался унизительному наказанію, на равнѣ съ дезертирами. Поединки были запрещены подъ смертною казнью. Солдаты не должны были—ни зажигать строеній—ни грабить безъ позволенія. Никому не дозволялось, собирать добычу на полѣ сраженія, прежде одержанія совершен-

ной побѣды; а въ городѣ — прежде занятія войсками укрѣпленій; каждой изъ частей войскъ допускалось грабить только въ тѣхъ кварталахъ, которые были взяты съ боя, да и въ такомъ случаѣ приказано было щадить церкви, больницы, общественныя зданія и мельницы. Магазины, склады и оружіе отбитое у непріятеля принадлежали Королю; вся же прочая добыча отдавалась солдатамъ, за вычетомъ десятой части въ пользу госпиталей. Плѣнные принадлежали войскамъ, кромѣ немногихъ, которымъ самъ Король возвращалъ свободу.— Офицеры обязаны были наблюдать, чтобы нижніе чины получали вполнѣ и своевременно слѣдуемое имъ жалованье; и ли, по непредвидѣнным обстоятельствамъ, встрѣчалось затрудненіе въ исправномъ удовлетвореніи солдатъ, то они не должны были отказываться отъ исполненія обязанностей службы.

Въ отношеніи къ хозяйственной части войскъ, прежде всего замѣтимъ, что Густавъ-Адольфъ обращалъ особенное вниманіе на уменьшеніе обозовъ и на правильность ихъ слѣдованія за арміею. Пѣхотная рота имѣла двѣ, а эскадронъ десять повозокъ; за порядкомъ слѣдованія обоза наблюдали: главный профосъ, румормейстеръ (который, сверхъ того, распредѣлялъ войска по квартирамъ и въ лагерѣ, и отвѣчалъ за правильность движенія ихъ въ походѣ), оберъ-вагенмейстеръ, и другіе подчиненные имъ чиновники. Король выдавалъ войскамъ довольно значительное жалованье, и желая, чтобы они служили охотно, а не изъ принужденія, нерѣдко говаривалъ: «плоха та борзая, которая гоняется за зайцемъ по неволѣ.» Кавалеристы обязаны были имѣть отъ себя лошадей и конскую сбрую. Раздача жалованья производилась чрезъ каждые десять дней.

Кромѣ того — роты и другія части войскъ, оказавшія особенное отличіе, получали особо мѣсячное жалованье, а солдаты, отличившіеся предъ прочими, награждаемы были деньгами, либо повышеніемъ въ чинъ. Самъ Король былъ цѣнителемъ подвиговъ своихъ воиновъ и ни одна изъ заслугъ не оставалась не замѣченною. Въ мирное время, Король приглашалъ офицеровъ къ себѣ, бесѣдовалъ съ ними и старался ознакомиться съ ихъ характеромъ и способностями. Станемъ ли удивляться, что, при такой заботливости Короля о своихъ воинахъ, побѣда сопровождала знамена его?

Тридцатилѣтняя война, наводнившая Германію слезами и кровью, открыла поприще личнымъ достоинствамъ военныхъ людей обѣихъ сторонъ. Многіе изъ нихъ, поставленные происхожденіемъ своимъ на нижнихъ ступеняхъ общества, прославились и возвысились: крестьянинъ Іоаннъ Веердтъ и слуга Стальганчъ сдѣлались военачальниками; Альтрингеръ — изъ писарей достигъ фельдмаршальскаго чина; Тилли, Валленштейнъ, Паппенгеймъ произошли отъ бѣдныхъ, неизвѣстныхъ дворянскихъ фамилій. Но полководцы германскихъ армій обязаны были своимъ возвышеніемъ необыкновеннымъ обстоятельствамъ, въ которыя они были поставлены; а военачальники шведскіе — генію великаго Короля— полководца, разгадавшему ихъ необыкновенныя способности.

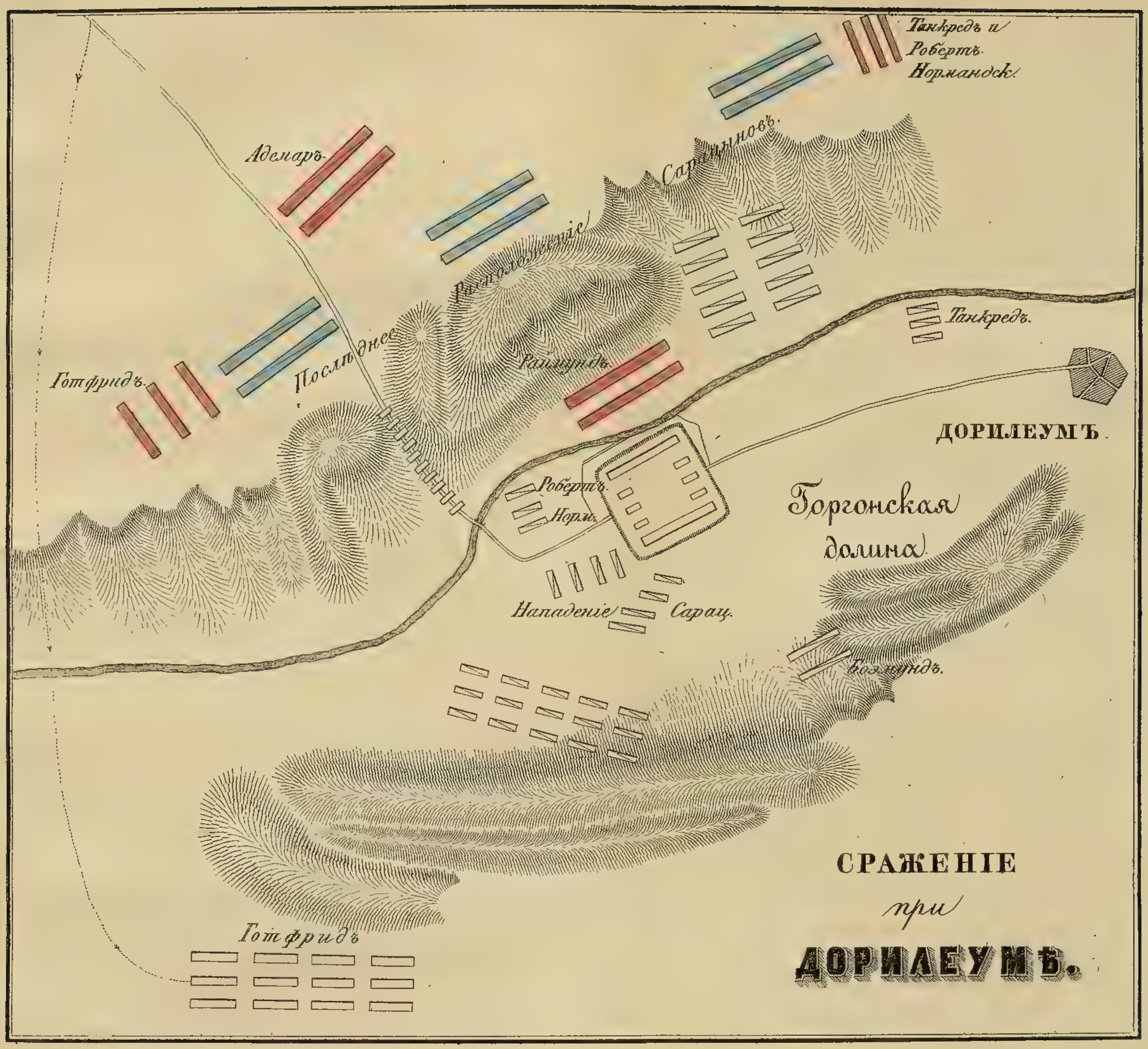
КАРТА

МАЛОЙ АЗІИ

со показаніемъ 1го Крестоваго похода.

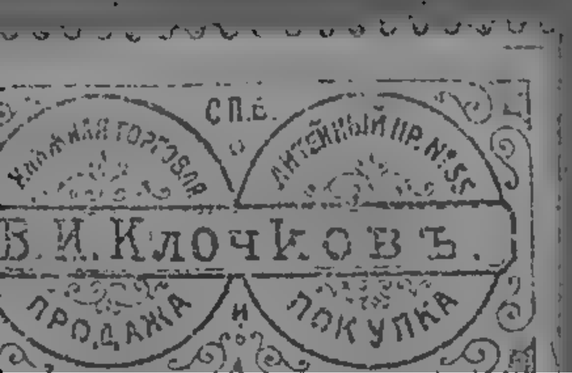
Масштабъ.

100. 200. 400. 600 верстъ.


Танкредъ и
Робертъ.
Нормандск.
Адемаръ.
Сарацыновъ.
Расположеніе
Послѣднее
Раймундъ.
Готфридъ.
Танкредъ.
ДОРИЛЕУМЪ.
Робертъ.
Норм.
Горгонская
долина.
Нападеніе
Сарац.
Боэмундъ.
Готфридъ
СРАЖЕНІЕ
при
ДОРИЛЕУМѢ.

Сраженіе при Лукъ, 21 Сент. 1589 г.

Гос. Истор.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№


СП.Б.
Книжная торговля
Литейный пр. №55
Б. И. Ключковъ.
Продажа и покупка